

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМ. Г. ИБРАГИМОВА

Р. Т. Сафаров

**ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА**

Казань
2015

УДК 811.512.145'373

ББК 81.2 Тат-3

С 21

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан*

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук **Ф. Ф. Гаффарова**

Рецензенты:

доктор филологических наук **А. Г. Шайхулов;**

кандидат филологических наук **О. Н. Галимова**

С 21 **Сафаров Р. Т.** Военная лексика татарского языка / Ринат
Тагирович Сафаров. – Казань, 2015. – 196 с.

ISBN 978-5-93091-185-5

Работа представляет собой первую попытку системного лингвистического исследования военной лексики татарского языка в монографическом плане, в котором проводится комплексный анализ в синхроническом и диахроническом аспектах, в частности выявляются историко-генетические пласты с привлечением данных родственных и неродственных языков, рассматриваются особенности функционирования военной лексики в современном татарском языке. Особое внимание обращено на древний, устаревший пласт военной лексики, что дает возможность визуализировать лексику данной тематической группы в контексте всей системы татарского языка, этапов его становления и тенденций развития.

Работа может быть полезной при научной обработке музейных фондов, каталогов и оформлении экспозиций музеев, а также филологам, языковедам, историкам, переводчикам, аспирантам, студентам вузов.

УДК 811.512.145'373

ББК 81.2 Тат-3

ISBN 978-5-63091-185-5

© Сафаров Р. Т., 2015;

© Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Изучение отраслевой лексики в татарской лексикологии имеет давние традиции: выходят словари, публикуются статьи, а также ряд трудов, в которых исследуются отдельные терминосистемы. Нужно отметить, что первым, кто поднял в татарском языкознании проблему разработки терминологии на национальном языке, был К. Насыри. Он впервые стал заменять лексемы из арабского, персидского и турецкого языков путем перевода их на татарский язык. Обширную деятельность в 1920–1923 годах вела терминологическая комиссия, организованная при Научном центре Народного комиссариата просвещения Татарстана. В работе данной комиссии участвовали Г. Ибрагимов, Г. Алпаров, Г. Максуд, Г. Нугайбик, И. Гали, Дж. Валиди и др. В этот период татарская национальная терминология совершает серьезный поворот с востока на запад. Основы терминологии современного татарского литературного языка были разработаны Ф.С. Фасеевым (1969). Им были определены принципы национального терминотворчества, тщательно исследованы способы образования терминов. На разработку отраслевой терминологии он обращал особое внимание. Его исследование не потеряло актуальности и сегодня. В ходе национальной политики в Татарстане в 1990-х годах работа по сбору, систематизации, обновлению отраслевой терминологии стала более интенсивной. На современном этапе в работах М.З. Закиева, И.М. Низамова, Ф.А. Ганиева, Р.А. Юсупова определяются общие задачи разработки терминологии, М.С. Сагитов (1971) анализирует развитие татарской терминологии. Лексику, относящуюся к различным отраслям, изучали З.М. Валиуллина (1953), В.Х. Хаков (1961), Г.Ф. Саттаров (1970), М.Б. Хайруллин (1975), Г.С. Насыйров (1978), Р.Г. Ахметьянов (1981, 1989, 2003), Р.К. Рахимова (1983, 2002), И.А. Абдуллин (1986),

И.М. Низамов (1990), Ф.Г. Гарипова (1991, 1998), Д.Б. Рамазанова (1991), Ф.С. Баязитова (1992), Т.Х. Хайрутдинова (1993, 2004), З.Р. Садыкова (1994, 2003), Г.И. Одинокова (1995), Г.Г. Саберова (1996, 2002), А.Г. Хайруллина (1996), Р.Р. Шамсутдинова (1996, 1997, 2001), Ф.Ф. Гаффарова (2000, 2007), Г.Д. Зиязетдинова (2003), А.М. Сагитова (2004), О.Н. Бяतिकова (2005), Э.А. Галиева (2005), А.А. Тимерханов (2006), Э.И. Сафина (2006), М.К. Юматова (2007), Г.М. Мухтарова (2009), Г.У. Алеева (2009), Э.Р. Ахметова (2012) и др. Однако некоторые лексические группы до сих пор остаются малоизученными. К таковым относится и военная лексика.

Военная лексика – система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении. Широкое употребление и потребность в словах военного характера можно объяснить тем, что частые войны, связанные как с завоеванием новых территорий, так и защитой собственных, требовали вовлечения широких масс, ставили их перед необходимостью знакомства с военным бытом, основными военными понятиями. Несложность технического оснащения также способствовала тому, что лексика, относящаяся к военному делу, была близка и понятна большей части населения. Именно поэтому сбор и изучение татарской военной лексики, особенно ее исконного пласта, представляет значительный интерес как для специалистов-историков, так и для лингвистов.

Становление военной лексики в татарском языке заняло многие века, продолжает пополняться и обогащаться по сей день. Наименования, входящие в военную лексику, тесно связаны с совершенствованием техники, появлением новых видов оружия и т.д. В то же время развитие научно-технического прогресса вызывает неизбежные изменения и в укладе жизни народов, что ведет к исчезновению целых тематических групп лексики.

Актуальность исследования военной лексики обусловлена тем, что большая часть составляющих ее наименований постепенно переходит в пассивное употребление, вместе с реалиями уходят в прошлое, забываются, переходят в разряд архаизмов и историзмов и их названия. В связи с этим своевременный сбор и фиксация всех лексических единиц указанной области, их систематизация, историко-этимологический анализ, оценка семантико-функциональных особенностей в современном языке приобретают актуальное значение. Системное исследование военной лексики, особенно ее исторической, исконной части, представляющей собой один из самых древних лексических пластов, имеет не только историко-лексикологическую, но и очевидную историко-культурную значимость.

Данная работа представляет собой первую попытку системного лингвистического исследования военной лексики татарского языка в монографическом плане, в котором проводится комплексный анализ в синхроническом и диахроническом аспектах, в частности выявляются историко-генетические пласты с привлечением данных родственных и неродственных языков, рассматриваются особенности функционирования военной лексики в современном татарском языке. Особое внимание обращено на древний, устаревший пласт военной лексики, что дает возможность визуализировать лексику данной тематической группы в контексте всей системы татарского языка, этапов его становления и тенденций развития.

В качестве источников исследования были взяты диалектологические, толковые словари татарского языка, а также двуязычные, терминологические, этимологические словари, древнетюркские, старотатарские письменные памятники, различные жанры устного народного творчества; художественная литература; периодическая печать военных лет; работы по истории военного дела и истории татар.

По результатам исследования были выдвинуты следующие положения.

Традиционная военная лексика татарского языка представлена лексическими единицами общеалтайского, общетюркского происхождения, а также тюрко-монгольскими параллелями.

Военная лексика системно сформировалась уже в общетюркский период. Общетюркский пласт охватывает практически все области военного дела от оружия до эпизодов военных действий.

В формировании военной лексики татарского языка прослеживается влияние внешних источников. Наиболее ранними являются китайские, персидские заимствования; более поздние и более многочисленные – арабские, русские и заимствования из западноевропейских языков.

На современном этапе функционирования татарского языка традиционная военная лексика в основе своей переходит в пассивное употребление, что объясняется объективной реальностью – отсутствием развития военного дела в качестве специальной области профессиональной деятельности у татар. Старинная военная лексика татарского языка в значительной мере становится непонятной современному носителю. В то же время часть собственно устаревших лексических единиц военной тематики продолжает функционировать в живой речи, находит применение в научно-учебной литературе, художественных произведениях, во фразеологии. При этом употребление данной лексики часто обусловлено определенными стилистическими целями.

Под военной лексикой в широком смысле мы понимаем традиционную лексику, отражающую разнообразные военные понятия и употребляющуюся в общенародном и специальном общении. В исследовании слова *термин*, *наименование*, *лексика* были использованы в тождественном значении.

1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

1.1. Исследование военной лексики в тюркологии

Военная лексика тюркских языков стала объектом изучения ученых относительно недавно. Имеется несколько монографических работ по исследуемой лексике турецкого, узбекского, казахского, туркменского, киргизского, азербайджанского, башкирского языков. Из всех тюркских языков военная лексика в качестве специальной области наиболее подробно изучена в монографиях и разработана в словарях турецкого языка. Это объясняется суверенным положением Турции, ее постоянной армией, где военная деятельность осуществляется на турецком языке. Военная лексика здесь изучалась и изучается по сей день, составляются специальные словари военных терминов¹. Первые русско-турецкие военные словари были изданы еще в XIX в., позже были выпущены еще несколько словарей². Имеются и несколько военных переводных словарей, изданных в других странах³.

Что же касается других тюркских языков, в большинстве из них военная лексика устаревает, выходит из обихода, не разрабатывается по причине отсутствия необходимости. Хотя еще в период Гражданской войны 1917–1922 гг. бойцы,

¹ Kıp Selahaddin A. Askerî kamus. İst., 1939; Karakuzu S.H. Askerî terimler. I c. II c. III c. İst., 1955.

² Сенковский. Карманная книга для русских воинов в турецких походах. Турецкие разговоры, словарь, грамматика. СПб., 1829, изд 2, 1854; Гамазов М.А. Краткий военно-технический русско-французско-турецко-персидский словарь. СПб., 1887; Бочкарев П.С., Бочкарев Л.П. Краткий турецко-русский военный словарь. М., 1956; Сумин Е.В. Краткий турецко-русский военно-технический словарь. 1966; Хохлов Б.М. Турецко-русский военный словарь. М., 1969.

³ Fırkı R. Almanca-Fransızca-Türkçe askerî tabirleri lûgati. İst., 1934; Nusret A.F. İngilizce-Türkçe yeni teknik lûgat. İst., 1962, 2 bs. 1963; Класов Г.Т., Парушев П.С. Военен българско-турски фразеологичен речник. Соф., 1960.

призванные из национальных регионов владели военной лексикой не русского, а своего национального языка, так как военные каждого тюркского народа пользовались своим родным языком при определении боевых понятий и реалий. Команды и приказы отдавались также на национальных языках. Однако с появлением единой армии и с объединением республик в СССР все национальное командование было унифицировано, единственным языком межнационального общения и языком армии стал русский. Так постепенно стала забываться уникальная военная лексика каждого отдельного тюркского народа, которая сохранилась еще в произведениях устного народного творчества. Немного иная ситуация наблюдается в тех республиках, которые после распада СССР стали суверенными и начали переходить на родные языки во всех сферах деятельности, в том числе и военной.

В.А. Гордлевский один из первых отечественных лингвистов, который подробно описал военную лексику, в целом военную организацию тюркских народов. И хотя целая глава его научного изыскания (1960) посвящена огузским племенам, многие военные термины, исследованные им, являются общетюркскими. В.А. Гордлевский подробно описывает военные походы, тактику боя, состав войск и т.д. огузов, параллельно приводя термины (как правило на арабице): дозор (قراول) [караул], арьергард (چغداول) [чагдаул], стрела (اوق) [ук], пятидесятник (اللى باشى) [элли башы], копьё (نيزه) [нэйзэ], меч (قلج) [кылыч], копейщик (نيزه دار) [нэйзэдар] и др. Источником исследования автора являются письменные памятники, произведения устного народного творчества, сочинения европейских путешественников и т.д. Для многих терминов В.А. Гордлевский дает краткую этимологическую информацию.

В диссертационной работе Ю.А. Яковлева «Пути развития и способы образования турецкой военной терминологии» (1969) рассматриваются словообразовательные особенности турецких

военных терминов на основе их генетического происхождения, т.е. образование военных терминов средствами турецкого языка, путем заимствования из других языков и смешанным путем. В качестве источников автор использует как одноязычные, так и переводные военные словари и разговорники, а также общие словари, содержащие военную лексику; скрупулезно описывает эти источники, указывая достоинства и недостатки.

В работе Т.Б. Байжанова «Военная лексика в казахском языке» (1973) делается историко-этимологический анализ отдельных наименований. Примечательно, что автор делает акцент на более ранних – китайских заимствованиях, указывает на исторические условия их возникновения, технологии изготовления, способы применения предметов вооружения и доспехов древнего воина на всей территории алтайского мира и евразийского континента.

В диссертации «Военная лексика в туркменском языке» Ч. Гараджаева (1978) военная терминология классифицирована по лексико-семантическим группам, которых у автора 14: названия холодного оружия и защитных доспехов, названия оборонительных сооружений, чинов и т.д. Одна из глав работы посвящена историко-этимологическому анализу. Кроме этого, автор рассматривает словообразовательные особенности военной лексики туркменского языка.

В работе Х.А. Дадабаева «Военная лексика в староузбекском языке» (1981) большое место занимает историко-этимологический анализ военной терминологии староузбекского языка, где автор подразделяет всю исследуемую лексику на исконную и иноязычную. В составе исконной лексики он рассматривает алтайскую, общетюркскую и староузбекскую подгруппу. В качестве основных источников исследователь использует как древнетюркские письменные памятники (памятники в честь Кюль-Тегина,

Тоньюкука и др.), так и староузбекскую литературу. Особое внимание автором уделено лексико-семантической классификации исследуемой лексики.

Военная лексика киргизского языка изучена Р.А. Бейбутовой в диссертации «Стратификация кыргызской военной лексики досоветского периода» (1988). В работе «Военная терминология азербайджанского языка» Д.Г. Багышова (1990) автором проанализирована военная лексика в указанном языке.

В своей диссертационной работе «Устаревшая лексика ногайского языка» Ю.И. Каракаев (1999) распределяет лексику на семантические группы и останавливается на каждом из них более подробно. Названия вооружения он разделяет на следующие группы: 1) колющие, 2) режущие, 3) бьющие, 4) метательные и 5) защитное вооружение. В небольшом анализе к каждому термину дается краткая этимология; приводятся параллели в основном из казахского, реже из других тюркских языков. Немаловажным вкладом исследователя является фиксация им таких лексем, которые не нашли отражения в ногайских словарях, однако употреблены в фольклорных произведениях. Например: *найза* ‘копье’, *алдаспан/алдасман* ‘обоюдоострый широкий меч’, *ебе* ‘наконечник стрелы’, *тувылга/тувлыга/дувлыга/тулга* ‘шлем’.

В работе Г.Н. Багаутдиновой «Традиционная военная лексика башкирского языка» (2001) проведён лексико-семантический анализ и выявлены принципы номинации военной лексики башкирского языка. Автор также рассматривает способы образования и источники пополнения военной лексики, выделяет общетюркские военные слова и заимствования, разделяя последние на два отдельных пласта: арабские и персидские, русские и западноевропейские.

Особый интерес вызывает работа «Военная лексика тюркских языков (названия вооружения)» Т.В. Лосевой-

Бахтияровой (2005), где автор отдельно рассмотрела имеющуюся в тюркских языках лексику лексико-семантической группы «вооружение», разделив эту лексико-семантическую группу на четыре подгруппы: «Названия оружия дистанционного боя», «Названия оружия ближнего боя», «Названия снаряжения и хранения оружия», «Названия защитных доспехов и снаряжения». Ко всем исследуемым лексемам автор приводит параллели из тюркских языков, дает историко-этимологический анализ. Важным замечанием является ареальное деление некоторых терминов. Например, порох в турецком и азербайджанском языках передается словом *barut/baryt*, в остальных тюркских языках – *dary*. Пластинчатые и кольчатые доспехи в тюркских языках Алтая и Сибири, а также территориально смежных с ними киргизском и уйгурском языках передается словом *qujaq*, в остальных тюркских языках – *kübä*. Одна из глав посвящена основным способам номинации военной лексики (названий вооружения), по итогам которой автор приходит к выводу, что самыми продуктивными способами номинации являются морфологический и лексико-семантический.

Работа Ю. Керами, хотя и посвящена проблемам русистики, вызывает интерес и у тюркологов. В его диссертации «Военно-административная лексика турецко-тюркского происхождения в русском языке» (2004) дается диахронно-синхронный анализ военно-административной лексики тюркского происхождения. Если административных понятий не так уж и много, военную лексику автор рассматривает в нескольких параграфах: наименования лиц, причастных к военной деятельности; понятий и лиц, имеющих отношение к военным действиям; связанные с военной организацией и военными сооружениями; оружия; предметов военного снаряжения, символики, атрибутики; военной одежды.

Военная лексика довольно тщательно разработана в тюркологии и в лексикографическом плане. Работа, ведущаяся в этом направлении, в основном заключается в простой регистрации терминов, имеющих в исторической или специальной литературе, учебниках и словарях, которые являются ценным источником изучения лексики в сравнительном освещении. Основные доступные нам переводные военные словари: Краткий русско-узбекский словарь военных терминов, команд и выражений (Ташкент, 1931); Русско-узбекский словарь военных терминов (Ташкент, 1937; Шермухамедов Я., Умаров А. Русско-узбекский словарь военных терминов (Ташкент: Фан, 1980); Мусабаев Г., Цунзаво Ю., Адайханов К. Русско-казахский военный словарь (Алма-Ата: Каз ОГИЗ, 1942); Аманжолов К.Р., Тасбулатов А.Б. Русско-казахский & казахско-русский военный разговорник (Алматы: Білім, 2004); Русско-азербайджанский краткий военный словарь (Баку: Һәрби Нәшријјат, 1926); Абылгазиев Б., Кадыров И., Усенбеков К. Русско-киргизский словарь по военному делу (Фрунзе: Илим, 1984); Вельмурадов Х., Ниязов А. Русско-туркменский военный терминологический словарь (Ашхабад – Баку: Туркменкнигоиздат, 1934); Бочкарёв П.С. Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь (М, 1942); Ягафарова Г.Н. Башкирско-русский словарь военной лексики (Уфа: Филем, 2007) и др.

Таким образом, военная лексика нашла отражение в тюркологии и в лексикологическом, и в лексикографическом планах. Как раньше, так и сегодня ведется большая работа по сбору и фиксации в словарях отраслевой терминологии.

1.2. Изучение военной лексики в татарском языкознании

В татарском языкознании военная лексика в лексикологическом аспекте до сих пор является одной из самых малоосвещенных проблем. Как объект специального монографического исследования данная тема все еще остается не изученной. Только отдельные вопросы, касающиеся военной лексики, рассматривались в трудах лингвистов, литературоведов, историков.

Большое внимание военной лексике уделено в трудах Р.Г. Ахметьянова. В его монографии «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья» (1988) одна глава посвящена военной организации и вооружению. Здесь он дает подробный этимологический анализ и таких слов, как *ялау* ‘флажок; знамя’, *жсиң* ‘победить, побеждать’, *каравыл* ‘караул’, *ясавил* ‘есаул’, *бөгәвел* ‘бегеул, старшина’, *кирмән* ‘кремль; крепость’, *мәргән* ‘снайпер, стрелок’, *мәрәй* ‘цель, мишень’, *мылтык* ‘ружье, винтовка’, *чиру* ‘войско’ и др. В других главах также можно найти термины, касающиеся военной тематики: *алтавыт* ‘помещик’ (первичное значение ‘герой, богатырь; неуязвимый храбрец, в одиночку посылаемый на врага’), *чура* ‘крепостной’ и др. Автор приводит большое количество параллелей из других тюркских, финно-угорских, монгольских и др. языков.

В монографии «Татар терминологиясенң тарихи чыганаclarы» (2003) Р.Г. Ахметьянов также останавливается на военной лексике. Он подробно описывает лексику военной организации и вооружения у предков современных татар, дает краткую информацию об этимологии, приводит целые синонимические ряды определенных терминов либо использованных в разные эпохи, либо имеющих определенные семантические различия. Например, шлемы – *кирагә*, *тулка*, *алтак*;

знамёна – *байрак, элэм, ту, ялау*. В целом автор сконцентрировал в своей работе всю устаревшую военную лексику.

В статье «Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии» (1985) Р.Г. Ахметьянова дается этимологический анализ слову *чирү* ‘войско’. В статье того же автора «Древние тюрко-монгольские военно-феодальные термины в татарской свадебной терминологии» (1977) описывается, как проходила татарская свадьба, после чего исследователь переходит к анализу свадебной терминологии. Им проанализировано 17 терминов, среди которых *jawçu* ‘сват, посредник’ > ‘ходок, вестовой’, *dimçi* ‘сват или сваха’ > ‘агитация, призыв’, *quştan* ‘сват, сводник’ > ‘созыватель войск у хана’, *nügär* ‘дружки жениха’ > ‘нукер, солдат ханской гвардии; дружинник, боевой друг’, *çamuş* ‘помощник главного распорядителя свадьбы’ > ‘офицер, сержант’ и др.

В статье Р.С. Нурмухаметовой «Первый татарский словарь военных терминов» (2002) говорится о словаре 1926 года – первом военном русско-татарском словаре. Автор дает общую информацию об издании и рассматривает военные термины в тематических группах.

В статье А.К. Тимергалина «Сугыш алэтлэре» (2002) подробно исследованы термины древних видов оружия. Автор дает краткий анализ, синонимы, этимологию, интересные исторические факты и приводит свои личные соображения о таких понятиях, как *сөңге* ‘копье, пика’, *ук* ‘стрела’, *сызгыра торган ук* ‘свистящая стрела’, *жэя* ‘лук’, *мылтык* ‘ружье’, *түфәк* ‘тюфяк’, *сызгыра торган ядрә* ‘свистящее ядро (снаряд)’, *мәнжәникъ* ‘катапульта’, *һавалы туп* ‘полый (?) снаряд’, *утлы туп* ‘огненный снаряд’, *калкан* ‘щит’.

В своей статье «Военная лексика в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в.» (2006) А.Ш. Юсупова рассматривает особенности подачи военной лексики в словарях.

Немаловажное значение имеют и научно-популярные статьи, в которых довольно часто содержится интересный лексический материал. К примеру, А.М. Ахунов в статье «Сугыш кораллары» (2009) описывает оружие и военные принадлежности из фондов Национального музея Республики Татарстан, где им упомянуты термины *калкан* ‘щит’, *көбә* ‘кольчуга’, *кылыч* ‘меч, сабля’, *очлым* ‘шлем’, *мылтык* ‘ружье’ и др.

Небольшой словарь предлагает Ф. Зулькарнай в статье «Татарның онытылган борынгы сүзләре» (1996). Из дастанов, преданий им была собрана административная, военная и иппологическая лексика, из которых 65 относятся к военной тематике. К каждому слову автор дал небольшое толкование или эквивалент с современного татарского языка.

В ряде статей Р.Ф. Исламова содержится большой материал военной лексики. Его публикации «Фарис ниятен ихлас берлә Тәңре юлына кылсын» (2002), «Ялан кылычны кешегә сонмыйлар...» (2003), «Сөңгене күреклек күтәргел...» (2004) являются отдельными главами средневекового тюркоязычного трактата «Мунйат аль-гузат», в котором даются рекомендации по обращению с лошадьми, правила пользования мечом (саблей) и копьем. В данных статьях дано описание различных видов сабель (*калгый кылыч*, *һинди кылыч*, *фирәнҗи кылыч*, *йәмәни кылыч*, *әд-димәшкый*, *әл-мисрия*, *әс-сөләймания*), встречаются слова, обозначающие отдельные части оружия (*соргу* ‘рукоять’, *сәйлан* ‘часть клинка меча, которая входит в рукоять’). В другой статье того же автора «Хәрби эсбаплар» (1997) даются краткие сведения о средневековых письменных источниках, использованных в качестве пособий для изучения военного дела. Он упоминает несколько трактатов, переведённых с арабского или персидского языков, среди которых «Китаб аль-хийал филь-хуруб», «Адаб аль-харб ва аш-шаджаа», «Мунйат аль-гузат» и др.

В определенной степени военная лексика татарского языка изучена и используется историками. Немало трудов по истории военного дела у татар написаны И.Л. Измайловым. В его монографии «Защитники “Стены Искандера”» автором изучены вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Многим устаревшим словам даны их эквиваленты из русского языка. Статьи того же автора, посвященные военному делу предков татар, были опубликованы в нескольких номерах журнала «Мирас» [«Казан ханлыгы флоты» (1994, № 9), «Казан ханлыгының сугыш сэнгате» (1993, № 10), «Алтын Урда сугыш сэнгате» (1993, № 8)]. Важно отметить, что эти статьи переведены с русского языка, однако в них наличествует большое количество довольно грамотно переведённых военных терминов: *сугыш балтасы* ‘боевой топор’, *алпак* ‘шлем’, *кистән* ‘кистень’, *чирү* ‘войско’, *хәнжәр* ‘кинжал’ и др.

В вышеуказанных статьях собран довольно богатый материал, касающийся исторической военной лексики. В своем анализе мы активно использовали данные этих источников.

1.3. Словари как источник изучения военной лексики

Из всех источников военная лексика наиболее полно представлена в различного рода словарях татарского языка. Словари отражают лексический пласт той эпохи, в которой были составлены, охватывают и исторический пласт, тем самым являются ценным источником для изучения лексики того или иного народа.

Так как военные термины и понятия являются и частью общеупотребительной лексики, они нашли отражение в многочисленных толковых, энциклопедических, терминологических и других словарях татарского языка.

Древнейшим источником изучения военной лексики татарского языка является словарь Махмуда Кашгари «Диван люгат ат-тюрк» (XI в.). Многие слова, зафиксированные в нем, имеют параллели в большинстве современных тюркских языках. В данном словаре содержатся и материалы, касающиеся военного дела. Например, *қалқан* ‘щит’ [I, с. 413; III, с. 396], *қын* ‘ножны’ [I, с. 327], *сүңү* ‘копье’ [III, с. 379], *алп* ‘герой’ [I, с. 77], *ат-* ‘стрелять’ [I, с. 181], *йа* ‘лук’ [III, с. 234], *кириш* ‘тетива’ [II, с. 88] и др. Эти слова звучат практически так же и в современном татарском языке.

Группа слов, касающиеся военной тематики, такие как *буғавы* ‘узы, путы, оковы’, *йай* ‘лук’, *киш* ‘колчан’, *омач* ‘мишень’, *тәмир қалқан* ‘железный щит’ и т.д., представлена в грамматическом трактате XIV века «Китāб ат-тухфа аз-закыйа фи-л-луга ат-туркийа» («ат-Тухфа»), материалы о котором вышли в 1978 году в работе «Изысканный дар тюркскому языку». Трактат отличается довольно широкой подачей лексики. В данном источнике нами было выявлено 73 единицы, которые так или иначе касаются военного дела. Примечательно, что некоторые из терминов имеют достаточно длинный синонимический ряд, т.е. трактат охватил большое количество различных вариантов одного и того же слова (можно даже сказать, диалектных вариантов) и его синонимов, активно использованных в то время в разговорной речи. Например, значение ‘путы, узы, оковы’ имеют слова *буғавы* / *буғавы* / *буғағы*, *кишйән*, *көстәк/күстәк*, *тушав/тушақ*; значение ‘дубина, дубинка’ – *биләкәдин*, *булав*, *доқмақ*, *майты*, *сарана*, *тәгәнәк*, *чоқмар*, *чомуқ*, *шылбық*.

Значительный лексический материал содержится в известных сравнительных словарях Л.З. Будагова и В.В. Радлова. В двухтомном «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (1869–1871) Л.З. Будагова нашли отражение древнейшие военные лексемы. Турецко-

татарский словник в его словаре представлен в арабской графике. «Опыт словаря тюркских наречий» В.В. Радлова состоит из 5 томов, каждый том из двух частей, словник на основе «радловского» алфавита. Словарь богат различными вариантами одного и того же слова в различных тюркских языках, что способствует раскрытию его семантики, этимологии. Например, к татарскому слову *көбә* ‘кольчуга’ в словаре В.В. Радлова можно найти такие эквиваленты, как *күбә* (кум. тоб. тара, كويه, كبه, чаг., караим.) ‘панцирь’; *көннө* (кирг.) ‘шерстяной ваточный кафтан’; *көбә* (аз.) ‘кошма’.

«Русско-татарский словарь военных терминов (толмач)» был выпущен в 1926 году и представляет собой первое специализированное издание, которое систематизирует военную лексику в татарском языке. Этот словарь не является исчерпывающим и содержит лишь «минимум необходимых военных слов, встречающихся в уставах и наставлениях». Авторами словаря были поставлены две цели: во-первых, установить единообразие военных терминов и понятий для переводчиков на татарский язык уставов и других военных документов; во-вторых, помочь младшему русскому командному составу при обучении ими молодых красноармейцев-татар, плохо знающих русский язык, усвоению соответствующих русских названий. Для удобства ориентации в словаре каждое переводимое и переведенное слово прописано и арабской и кириллической прописью. Учитывая то обстоятельство, что в первой четверти прошлого столетия издавалось большое количество военных газет и журналов на татарском языке (см. Приложение), при составлении словаря авторы могли опираться и на практику использования военных терминов в периодической печати.

Анализ словаря показывает, что основу его составляет широко распространенная в разговорной речи и дошедшая до сегодняшних дней военная лексика татарского языка,

например, *казённое имущество* – *казна малө* (*казна малы*), *кинжал* – *хәнджәр* (*хәнжәр*), *лук* – *джая* (*жэя*), *стрела* – *уқ* (*ук*), *стрелок* – *уқче* (*укчы*) и др. Однако довольно много слов, которые были калькированы с русского языка и оказались неудачными, например, *ряд* – *ниргә*, *рядовой* – *рятдәге*, *дәрдәжәсез*, *шомпол* – *тәддәч*, *шөбөн*.

Авторы издания сделали попытку доходчиво перевести некоторые новые термины с русского языка на татарский, которые, однако, не нашли применения в современном татарском языке, например, *дневальный* – *көннөкче* (совр. *дневальный*), *документ* – *танднама* (совр. *документ*, *таныкнамә* – ‘свидетельство’).

Немало и таких лексем, переводные значения которых не совсем совпадают с термином языка-источника. Например, *цель* – *тләк* (совр. *максат*, а *теләк* – ‘желание’), *довольствие* – *бирем* (совр. *тәэмин*, *тәэминат*, а *бирем* – ‘задание’).

Некоторые термины русского языка в словаре переводятся одинаково. К примеру, и *дозорный*, и *разведчик* переводятся как *кузәтче*. Такие случаи приводят не к единообразию в переводе и понимании, а к путанице.

Довольно много слов из русской части словаря не даны в переводе, а перенесены на татарский язык, где они нашли более широкое применение только в годы Второй мировой войны. Например, *рота*, *интервал*, *казарма*, *калибр*, *лекало*, *маневр*, *матрос*, *обойма* и др. Как видно из примеров, это в основном западноевропейские заимствования. Обычно они даны с небольшим толкованием на татарском языке.

Авторы словаря при переводе слов с русского языка на татарский в некоторых случаях предложили очень интересные варианты, на которые и сегодня можно обратить внимание. К примеру, *музыкант* – *музыкаче* (совр. *музыкант*), *нагрудник* – *кукрәкчен* (совр. *изу*, *күкрәкчә*), *носилки* – *лачинка* (из разговорной речи), *магазинное оружие* –

тартмал *қорал* (совр. *магазинлы корал*), *повар* – *қазанче* (совр. *аш пешерүче, повар, пешекче*), *прицел* – *төбәүч* (совр. *төзәгеч, прицел*) и др. Однако следует заметить и то, что в поисках новых слов и значений авторы пренебрегают уже имеющейся в языке терминологией, особенно арабо-персидскими заимствованиями (ср. *порядок* – *төзөк*, совр. *тәртип*), и что такие военные термины, как *һөжүм* ‘атака’, *кальга* ‘крепость’, понятные современному носителю татарского языка, в справочнике отсутствуют вообще.

В «Татарско-русском словаре» 1950 года зафиксировано 278 слов военной тематики. Особенность этого справочника состоит в том, что, будучи первым татарско-русским словарем, изданным в послевоенные годы, он включает в себя довольно много заимствований из русского и западноевропейских языков. К примеру, *авиадесант, амбразура, ветеран, залп, маршал, окоп, пехота, снайпер, снаряд, танк, фронт, эскадра* и т. д. В словаре практически отсутствует устаревшая военная лексика, отражающая средневековое военное дело татар. Исключением являются такие единицы, как *айбалта* ‘бёрдыш’, *баскын* ‘нападение, налет, набег’, *калчан* ‘колчан, фулярь, мешок для стрел’, *яу* ‘полчище, рать’ и некоторые др.

Большое количество слов, касающихся военной тематики, зафиксировано в сборнике татарских народных пословиц «Татар халык мәкальләре» [1959], составленном ученым-языковедом Н. Исанбетом. Чем ценны для изучения пословицы? Тем, что в застывшей форме хранят в себе лексику той эпохи, в которой были образованы. Поэтому именно в пословицах, поговорках, загадках можно обнаружить слова, в том числе и архаичные и исторически застывшие, которые активно использовались в разговорной речи той или иной эпохи.

В сборнике пословиц татарского языка нами было отмечено 108 лексем по изучаемой тематике. Среди них есть

такие, которые отражают древний пласт, например, *күбә* 'панцирь, кольчуга', *мәрә* 'мишень', *мең башы* 'тысяцкий' и т. д. Также есть такие, которые отражают более позднюю эпоху: *әфисәр* 'офицер', *гүәрдин* 'гвардин', *солдат* 'солдат' и др. Некоторые из включенных в сборник слов были зафиксированы один или несколько раз (*алана* 'военный трофей', *суел* 'дубина, булава'), другие – более часто, например слово *батыр* 'богатырь, герой' встречается 24 раза, *дошман* 'враг' – 59, *кылыч* 'сабля, меч' – 58, *сугыш* 'война' – 33, *ук* 'стрела' – 34. Слово *яу* встречается 154 раза, причем в ряде пословиц оно имеет свое самое древнее значение 'враг', в других 'полчище, рать; нашествие' и 'битва, сражение'.

«Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге» («Арабско-татарско-русский словарь заимствований») М.И. Махмутова, К.З. Хамзина, Г.Ш. Сайфуллина (1965, 1993) практически единственный словарь иностранных слов в татарском языке, поэтому он представляет особый интерес, т.к. влияние арабского языка на многие языки народов, исповедующих ислам, было велико. Словарь содержит порядка 120 терминов и названий, относящихся к исследуемой теме. 25 из них помечены как заимствования из персидского языка, 4 – как арабо-персидские, остальные – арабские. Многие из этих заимствований сегодня носителями языка уже не воспринимаются как иноязычные. Например, *гаскәр* 'армия, войско', *әсир* 'пленный', *хәрби* 'военный', *һөҗүм* 'нападение, атака' и др. Однако большая часть слов устарела и без должного толкования не понятна. Например: *биһбуд* 'бейбуд, род кинжала', *гыйлаф* 'ножны', *шорта* 'гвардия' и др. Примечательно, что в словаре наряду с кириллической транскрипцией даны и арабские начертания слов. Одним из достоинств данного издания является то, что многие из этих заимствований больше ни в одном словаре татарского языка не встречаются.

Представляет интерес и «Словарь синонимов» Ш.С. Ханбиковой и Ф.С. Сафиуллиной, изданный 1999 году. Военная лексика представлена здесь в 51 синонимическом ряду. Некоторые из этих рядов являются полными, например: *байрак – алам – флаг – конач – ялау – тугра – ту* ‘знамя, флаг, стяг’; *гаскәр – армия – чирү – яу – ләшкәр* ‘войско, армия’. Есть и такие, которые еще можно пополнить. Например, в синонимический ряд *ганимәт – юмал – сугыш табышы – трофей* ‘военная добыча, трофей’ можно добавить *улҗа* – слово, которое встречается в татарских пословицах, эпосе. Есть также и ряды, в которых наблюдаются повторы: *кистән – чукмар – чукмарбаши – чукмарлы таяк – буре чукмары* ‘кистень, палица, булава’ и *күсәк – чукмар – тәпәч – кистән – юан таяк* ‘дубина, кистень’. На наш взгляд, не было необходимости создавать два ряда. Представляется также лишним создавать такой ряд, как *хәнҗәр – кинжал*, так как в татарском языке традиционно используется общепринятое слово *хәнҗәр*.

В 2001 году вышел в свет «Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге» («Краткий историко-этимологический словарь татарского языка») Р.Г. Ахметьянова. В словаре дается анализ этимологии в сравнении с другими тюркскими и нетюркскими языками, приводится география употребления исследуемой области лексики. В словаре зафиксировано порядка шестидесяти терминов, составляющих основной фонд военной лексики татарского языка, в том числе названия оружия (*кылыч* ‘сабля; меч’, *садак* ‘колчан’, *томарчык* ‘булава’ и др.), названия оборонительных сооружений (*каланча* ‘каланча; башня’, *курган* ‘курган; крепость’, *сыргавыл* ‘наблюдательная вышка; высокая жердь; мачта’, *сырган* ‘крепость на горе’ и др.), отдельных частей военных снаряжений (*кереш* ‘тетива; смычок’; *кызәү* ‘надрез на луке для стрелы’, *семәк, сөмәк* ‘наконечник стрелы, штырь; острая

верхушка шапки’, *тәте* ‘собачка ружья; курок’ и др.), наименования богатырей (*алнар* ‘рыцарь’, *пәһлеван* ‘богатырь; силач’) и другие группы слов.

В 2005 году в г. Бирске вышел первый том четырёхтомного этимологического словаря татарского языка «Татар теленен этимологик сүзлеге» того же автора. Это уже более широкое издание по сравнению с предыдущим. В его первый том вошли около 25 слов военной тематики, которые не были зафиксированы в «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка». Это такие лексемы, как *айбалта* ‘секира’, *баз* ‘богатырский спор, вызов на поединок’, *булжәр* ‘дисциплина; место встречи воинских частей’, *дәүрән* ‘богатырь-единоборец’, *жәң* ‘битва’, *жидә* ‘сабля, пика, меч’ и др.

«Татар энциклопедия сүзлеге» («Татарский энциклопедический словарь») (2002) содержит около 17 тысяч статей, из них 41 относятся к военным терминам. Практически все эти термины отражают древний пласт военной лексики, обозначаемые реалии которых стали выходить из обихода после падения Казанского ханства (конец XVI в.). К примеру, *алтак* ‘шлем’, *бәхтәр* ‘панцирь золотоордынского воина’, *нүкәр* ‘гвардеец хана, обычно из аристократов; военный титул в 13 в.’, *төфәң* ‘тюфяк, гром пушаху’, *чура* ‘военный титул, известен с VI века’ и др.

Примечательно, что в словаре есть несколько терминов, которые не были зафиксированы в других справочных изданиях: *кыяк* ‘в XIV–XVI вв. панцирь, броня знатного кавалериста’ (встречается также в восточно-тюркских языках), *тәгелдәй* ‘тегиляй, утепленная ватой военная одежда (XIV–XVI вв.)’ и *шад* ‘военный титул’.

Такие термины, как *унбашы* ‘десятский’, *йөзбашы* ‘сотник, соцкий’, *меңбашы* ‘тысяцкий’, *төмәнбашы* ‘темник’, в словаре даны в слитном написании, тогда как во многих толковых и переводных словарях они даются в раздельном написании. Мы

придерживаемся мнения Ф.И. Тагировой, которая считает, что «в татарском литературном языке существует некоторое количество слов, образованных по изафету второго типа, которые воспринимаются как единое целое – и произносятся, и пишутся слитно» [Тагирова Ф.И., 2005, 81]. Однако хотелось бы заметить, что при слитном написании данных слов, по нашему мнению, ударение в них будет падать не на последний слог, как утверждают авторы издания, а следующим образом: *у́нбашы, йё́збашы, ме́нбашы, төмэ́нбашы*.

Статьи *айбалта* ‘секира, бёрдыш’, *элэм* ‘знамя, флаг’, *бунчук* ‘бунчук’, *гөрзи* ‘булава’, *кәкре кылыч* ‘сабля’, *кистән* ‘кистень’, *сөңге* ‘пика, копье’ оснащены поясняющими рисунками.

На наш взгляд, фиксирование в таком солидном издании слова *булава* синонимом к татарскому *чукмар* было лишним, тогда как практически во всех тюркских языках, в том числе и татарском, используется именно последнее, которое, по мнению Р.Г. Ахметьянова, было заимствовано и диалектами русского языка в форме *чекмарь, токмарь* [Әхмәтъянов Р.Г., 2001, 238; ЭСРЯ, 4; 70, 325].

Еще одним шагом в изучении и упорядочении военной лексики стал «Русско-татарский толковый словарь исторических терминов» Р.Ф. Галлямова, вышедший в 2006 году. Словарь содержит около 6000 базовых терминов и понятий по истории России, Татарстана, татарского народа и всеобщей истории. Военная терминология представлена 229 лексическими единицами. Каждый термин переведен на татарский язык и лаконично, но ясно истолкован. Многие единицы приведены с большим количеством синонимов. Например: *панцирь* ‘*панцирь, көбә, көбә кием, көбә кулмәк*’. Есть однако и такие единицы, в которых, на наш взгляд, татарские эквиваленты недостаточно полны. Учитывая, что словарь охватывает

термины от древней эпохи до современности, можно сказать о недостаточной передаче некоторых понятий в татарской части. Например, *копье* переведено только словом ‘сөңге’, сюда же можно было бы добавить ‘нэйзэ’ и ‘жыда/чыда’.

Большим недостатком, на наш взгляд, в данном издании является попытка дать перевод тем историческим терминам, которые не должны быть переведены, т.к. они относятся к конкретной эпохе и конкретному народу. Ярким примером этому может служить *тысяцкий*, который имеет, по мнению Р.Ф. Галлямова, три значения и переводится на татарский 1) *меңбашы*, 2) *сайлап куелган стариина, авыл стариинасы* и 3) *туй башлыгы*. Все эти значения, однако, должны были бы звучать так же, как и в русском языке, поскольку у татар таких должностей и чинов не было. Что касается первого значения, русское *тысяцкий* и татарское *меңбашы*, судя по толкованию составителя словаря, не тождественны.

В 2007 г. вышел своеобразный толковый словарь А. Тимергалина «Миллият сүзлеге». Своеобразен он тем, что является не только толковым, а может быть использован и как этимологический, и как словарь синонимов, т.к. к каждому заимствованию дается помета о языке-источнике, а к исконным словам – довольно подробный анализ о происхождении, параллели из других родственных языков и довольно полный синонимический ряд. Многие словарные статьи оснащены иллюстративным материалом из художественной литературы.

Данный словарь имеет большое значение в изучении военной лексики татарского языка. В нем представлено около 460 слов, относящихся к военной тематике. Это и названия оружия, оборонительных сооружений, военных чинов, защитных доспехов, войсковых частей, названия батыров, военной добычи, военнопленных и т. д. Особенно важным является то, что в словарь включено очень много

исторической военной лексики, которой нет в других исследованных нами словарях. Например, *байылты* ‘позиция перед началом битвы’, *димшик кылыч* ‘меч из дамасской стали’, *илекмән* ‘башня’, *кисек* ‘телохранитель, личный охранник’, *төнкатар* ‘ночной караульный’ и др.

Ценным источником изучения диалектной военной лексики является «Татар теленең зур диалектологик сүзлеге» («Большой диалектологический словарь татарского языка») (2009), который вобрал в себя всю диалектную лексику татарского языка, зафиксированную в ранее изданных диалектологических словарях. В него включена лексика мишарского, среднего и сибирского диалектов татарского языка. В данном словаре содержится 174 слова, в той или иной степени касающихся военной тематики. Некоторые из них отличаются от литературной формы лишь фонетически (*қырыш* ‘тетива’, *бугау* ‘колодка’, *зөңгө*, *сүңкү* ‘копье’, *найса* ‘пика’ и др.). Встречается и устаревшая лексика, сохранившаяся в основном в сибирских диалектах татарского языка. Например, *йыда* ‘копье, пика’, *қуйақ* ‘панцирь, кольчуга’, *санай* ‘лук’ и др. Представляют интерес и некоторые заимствованные диалектизмы, вошедшие в разговорный язык. К примеру, из русского языка *тәсәтник* ‘десятник’, *укуба* ‘окоп’, *панзыр* ‘панцирь’ и др. Немало в словаре представлены и арабо-персидские заимствования. Например, *найза* ‘копье, пика’, *палуван* ‘богатырь’ и др. Однако осмелимся возразить авторам данного словаря, которые взяли на себя ответственность указывать для некоторых слов и их язык-источник. Они нередко допускали недочеты. Например, к словам *жынжыр*, *йынжыр*, *чынжыр* ‘цепь’ дана помета о заимствовании из персидского языка, к *шынжыр* – из арабского, а к *цынтыр*, *цынцыр*, *чындыр* вообще никакие пометы не даются. Для

довольно большого количества явных заимствований также пометы не даются (*хәнжәр, азамат, нүгәр* и др.).

Хотелось бы также отметить, что к некоторым диалектизмам даются пометы о заимствовании их с того или иного языка, тогда как у этимологов нет однозначного мнения о них. Ср. *кистан* – с рус. ‘кистень’; скорее наоборот, это тюркское заимствование в русском языке; *макаттыр* – с рус. ‘богатырь’; скорее с персидского *бахадур* и некоторые др. Возможно, по техническим причинам слово *мәргән* ‘меткий стрелок’ в словаре пропущено, а ссылка на него имеется. В целом диалектологический словарь играет огромную роль для сравнительного изучения литературного татарского языка с его диалектами. Особая его ценность заключается в том, что в нем зафиксировано огромное количество уже забытых устаревших слов и понятий.

В 1977–1981 годах был издан трехтомный «Татар теленен анлатмалы сүзлеге» («Толковый словарь татарского языка»). Это первое издание такого рода, куда включена общепотребительная лексика и фразеология современного татарского литературного языка. В словаре 32880 слов и словосочетаний, более 650 из которых относятся к военной лексике. Примечательно, что вместе с современными заимствованиями из русского и западноевропейских языков (*полк, генерал, сержант, бастион*), здесь немало и традиционных терминов. Например: *ирәк* ‘кремль’, *кэтавыл* ‘комендант крепости’, *ләшкәр* ‘войско’ и др. Вместе с тем есть и термины, которые с точки зрения современной терминологии имеют неточные толкования (см. *кистән* ‘кистень’).

Однотомный «Толковый словарь татарского языка» (2005) по сравнению с предыдущим словарем был дополнен и расширен до 52000 слов и 6000 фразеологизмов. Здесь также нашло отражение большое количество военной лексики различного характера.

«Русско-татарский словарь военных терминов» Р.А. Мугинова, вышедший в 2000 году, является наиболее серьезным трудом в деле упорядочения военной терминологии в татарском языке. Он содержит около 8 тыс. терминов всех видов вооруженных сил. Словарь представляет собой не только переводное издание терминов с одного языка на другой. Автор-составитель дает в комплексе со словарем пословицы и поговорки на двух языках, касающиеся военной темы. Заслуживает внимания и довольно большая часть с иллюстрациями оружия, боевой одежды и других военных принадлежностей с древнейших времен до современности у различных народов. Большой заслугой автора является то, что многие сложные и непонятные термины не только переведены им с русского языка на татарский, но и разъяснены краткими толкованиями. С этой точки зрения словарь приближен к толковому изданию. Например, из 102 терминов на букву «Б» к 60 из них дается краткое определение на татарском языке.

Вместе с тем, словарь в целом далеко не полный: тогда как в некоторых статьях, кроме литературной формы, даются и разговорно-диалектные (вертолёт – *вертолёт, боралак*), многие еще широко употребляемые историзмы не нашли места в данном издании (*меч, кистень* и др.).

Татарско-русский словарь в двух томах (2007), который содержит около 56 000 слов татарского языка, является наиболее полным справочным изданием, где нашло отражение военная лексика, особенно устаревший ее пласт. В данном словаре зафиксированы и такие термины, понятия, которых не было в других академических переводных и даже толковых справочных изданиях. К примеру, *багавыл* ‘наблюдатель (*со сторожевой вышки или с другого наблюдательного пункта*)’, *балга* ‘боевой топор (*с длинным топорщиком*)’, *жсида* ‘длинное копьё’, *кушчы* ‘оруженосец; стремянный’, *омбы* ‘таран’, *улжа*

‘трофей; военная добыча’ и др. Всего в словарь вошло более 860 слов военной тематики различных эпох, включая название вооружения, организации и структуры войск, в том числе большое количество глаголов (*ату* ‘стрелять’, *һөжүм итү* ‘нападать’, *яулау* ‘завоевывать’ и др.) и т.д.

Таким образом, рассмотренные словари позволяют сделать вывод о том, что военная лексика получила в них достаточно широкое освещение по сравнению с другими источниками изучения исследуемой области.

2. ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Общая лексика, используемая в языках, объединенных генетическим родством, определяется анализом на основе сравнительно-исторического метода. Расчленение близкой по звучанию, тождественной по семантике лексики помогает найти общую основу в родственных языках, установить приблизительное время появления слова в лексической системе. По этому поводу В.И. Кодухов пишет: «Существенной особенностью словообразовательной модели является ее промежуточный, связующий характер; она включает производные слова в морфологическую систему языка, его частеречные разряды и группы; она в то же время включает вновь образованные слова в лексико-семантическую систему языка, его лексико-семантический разряд и группу» [Кодухов, 1978, с. 44–47]. Одновременно «при систематизации собранного материала с целью постепенного вычленения из многовековых лексико-семантических напластований коренных, глубинных семантических дефиниций изыскания не могут вестись «вслепую», от одного слова к другому» [Шайхулов, 2000, 287]. Определение ареала распространения отдельных лексических единиц, анализ продуктивности в словообразовании дают возможность распределить лексический состав языка на приблизительные генетические пласты. Путем сравнительного исследования историко-генетических пластов военной лексики татарского языка нами сделана попытка проследить исконность и заимствованный характер названий.

По распространенности традиционная лексика может быть распределена на различные пласты. В процессе этимологических исследований и сравнительно-исторического анализа в военной лексике татарского языка выделяются четыре

основных историко-генетических пласта: 1) общеалтайский; 2) тюрко-монгольские параллели; 3) общетюркский; 4) заимствованный.

В данной монографии мы не ставили перед собой задачу проанализировать каждую словоформу по исследуемой тематике, поэтому нами рассмотрена лишь определенная часть военной лексики татарского языка.

2.1. Алтайский пласт военной лексики

Изучение лексического состава языка в диахронии имеет большое значение не только для татарского языкознания, но и для тюркологии и алтаистики в целом, так как отдельные пласты имеют много общего на уровне языков не только тюркских народов, но и монгольских и тунгусо-маньчжурских. По наиболее распространённой точке зрения, тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки составляют алтайскую языковую семью. Алтаистика как научная дисциплина основывается на однотипности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских параллелей, охватывающих самые различные пласты лексики. Родство этих языков, как и их неродство, до конца не признано, то есть характер связей между ними до сих пор остается неясным. Однако современные компаративисты больше склоняются к тому, что эти языки генетически родственны. А.В. Дыбо подчеркивает, что «...ряд исследователей считают родство алтайских языков недоказанным, оставляя за алтайской общностью лишь ареальный и типологический статус. Основные претензии вызывает введенная в алтайское сравнение лексика: утверждается, что все алтайские лексические сопоставления могут быть объяснены разновременными заимствованиями и что общим для алтайских языков оказываются как раз слова, по своему

значению относящиеся к «проницаемым» частям лексической системы... Следует однако подчеркнуть, что при самом суровом отборе остается достаточно много безупречных сопоставлений, позволяющих настаивать на генетическом характере алтайской общности» [ЯРФиСГ, 83–84]. В пользу генетического родства говорит и тот факт, что древнейшим периодом в формировании данной лексики является та отдаленная эпоха, когда предки современных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других народов еще не были в достаточной мере обособлены и представляли собой отдельные племена с не до конца определенными, установившимися структурами языков.

Татарский язык сохранил ряд лексических единиц, которые являются общими для алтайской семьи языков в целом. Более всего это относится к военной лексике, т. к. с образованием любого социального общества возникает необходимость отстаивать свою независимость, самостоятельность, защищать свою землю от набегов соседей и, в случае необходимости, нападать на более мелкие и слабые племена. Поэтому понятия, связанные с оружием, защитными доспехами и др., возникли уже на заре человеческой цивилизации.

Балта ‘топор’ – один из самых распространенных видов оружия ближнего боя, который применялся издревле интенсивнее, чем все другие виды оружия. Топор состоял из железного бойка и деревянной рукояти различной длины. Археологи подчеркивают, что среди находок каменного и раннего бронзового веков топор является предметом настолько часто встречающимся и примечательным, что его возраст можно отнести далеко в глубь времен [Авдусин, 1967]. Топор использовался как в хозяйстве, так и на охоте и в боевых целях. Слово *балта* встречается во всех тюркских языках, существует в монгольских, некоторых тунгусо-маньчжурских, финно-

угорских, славянских, иранских, арабском языках. Термин широко распространен во многих языках и имеет близкую фонетическую оболочку и семантику.

Это слово зафиксировано и в памятниках древнетюркской письменности: в словаре М. Кашгари «Диван лугат ат-тюрк»: *балду* ‘топор’ [МК, I; 395], в «Древнетюркском словаре» *baldu*, *baltu* [ДТС, 80, 81], в «Codex Cumanicus» (1303 г.) *балта* [Махмутова, 1982, 85], в грамматическом трактате XIV в. «ат-Тухфа...» *балта* [Изысканный..., 1978, 276].

В тюркских: тат., башк., казах., кирг., аз., тур., як., кумык., кр.-тат., к.-калп., кар.-балк., урум. *балта*, узб., караим. *болта*, чаг. *балту*, тув. *балды*, туркм., уйг. *палта*, хак. *палты/малты*, алт. *малта*, чув. *пуртй/портй*, *пурт/порт*;

в монгольских: п.-монг., бур. *балта*, монг. *балт*, калм. *балт*;

в тунгусо-маньчжурских: эвенк. *балта*.

Семантическое поле изучаемой лексемы: 1) почти во всех вышеуказанных источниках, кроме як., бур., калм., п.-монг., эвенк., первое и основное значение ‘топор’; 2) ДТС ‘секира’, калм. ‘боевой топор, секира’; 3) як., п.-монг., бур. ‘молот, кувалда’, эвенк. ‘молот’; 4) аз. ‘долото’; 5) як. ‘коренной зуб’; 6) тат., кирг. ‘валет’.

Из неродственных языков слово распространено:

в финно-угорских: венг. *балта*, удм., коми *пурт*;

в славянских: рус., укр. *балда* ‘топор; кувалда’, болг. диал. *балтия* ‘топор’;

в иранских: др.-перс. *paraθi* [ТТКТЭС, 2001] ‘нож, топор’, курд. *balte* ‘топор, секира’;

в арабском: *بالتة* *балта(тун)* ‘топор (чаще боевой)’.

В современном татарском языке слово *балта* уже не воспринимается как боевое оружие. Семантика слова сузилась, и в толковых словарях оно трактуется как орудие труда [ТТАС, 1977, 1, 119; ТТАС, 2005, 70; МС, 2007 77]. В

диалектах татарского языка бытует форма *палта* также со значением ‘топор’ [ТТЗДС, 518]. Авторы двухтомного татарско-русского словаря к *балта*, кроме обозначения орудия труда, дают и значение ‘топорец, бёрдыш’ с пометой устаревшее, а также зафиксировали новое значение – валет [ТРС, 2007, I; 195]. В татарском языке со словом *балта* образовано немало производных слов: *айбалта* ‘секира, бёрдыш’, *балта сабы*, *балтасан* ‘топорище’, *балта оңгысы*, *балта күзе* ‘проушина топора’, *балтачы*, *балта остасы* ‘плотник’, *балтачылык*, *балта эше* ‘плотничество, плотничание’, *балтачылык итү* ‘плотничать’, *балта түтәсе* ‘обух’, *балта чабу* ‘1) всадить топор (в дерево); 2) работать топором, плотничать’, *балталау* ‘отрубить, рубить’. Среди дериватов есть и ботанический термин *балта борчак* ‘чина’. Однако во всех этих производных словах, кроме первого, мотивом образования основы является хозяйственный характер орудия, а не боевое оружие.

Во фразеологии татарского языка *балта* в качестве боевого оружия нами обнаружено не было. В сборнике татарских народных пословиц Н. Исанбета было отмечено более 50 пословиц, в которых употребляется либо слово *балта*, либо его дериват. Однако и в них *балта* выступает как бытовое орудие.

Хотя слово *балта* и было в центре внимания тюркологов и довольно подробно исследовано ими, этимология его остается открытой, т.к. предположения этимологов слишком разнятся и единого, общепринятого мнения о его происхождении не существует.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» авторы останавливаются на двух наиболее распространенных этимологиях *балта*: 1) < **paratu* < др.-перс. *paraθi*, др.-инд. *paraṣu* ‘топор’; 2) < ассиро-вавилонский *paltu* < *pāṣtu*, *pāṣu* ‘топор’.

Г. Дёрфер возводил это слово к имени с аффиксом *-ту/-ду* от *бал-* ‘быть связанным’. Однако авторы «Этимологического словаря тюркских языков» считают, что такая этимология семантически не обоснована [ЭСТЯ, 2003, 106].

Коми и удмуртское *пурт* ‘нож’ авторы «Краткого этимологического словаря коми языка», ссылаясь на В.И. Абаева, возводят к иранскому **purt* [Лыткин, 1970, 233].

В «Этимологическом словаре тувинского языка» данное слово считается древним заимствованием из языков Передней Азии. Вместе с тем, по мнению Б.И. Татаринцева, *балта/балту/балты* вполне объяснимы с точки зрения этимологии и как исконно тюркские слова. Он считает, что *балта* может состоять из корня *бал-* со значением ‘давить’ (ср. *бал-/бас-*) и из аффикса, служащего для образования названия орудия [Татаринцев, 2000, 183–185].

Нет единого мнения и в «Этимологическом словаре чувашского языка», в котором авторы приводят несколько версий к чувашскому *пуртă/портă*, *пурт/порт* ‘топор’. Н.И. Егоров допускал, что данное слово могло попасть в чувашский язык из арабского, или же считал его родственным удмуртскому и коми *пурт* ‘нож’, сев.-герм. *барди*, нем. *varte*, ст.-слав. *брады* ‘топор’. По мнению Н.Н. Поппе, чув. *пуртă* < **parata* нельзя возводить к **balta*; чув. **parata* он возводил к др.-перс. **paravi* [Федотов, 1996; 447–448].

Р.Г. Ахметьянов лишь подчеркивает, что татарское слово *балта* восходит к древнетюркскому *балту*, которое, в свою очередь, образовано из широко распространенного корня [ТТКТЭС, 35].

Как показывает языковой материал, слово *балта* широко употребляется в современном татарском языке. По структуре современного состояния оно осознается уже как непроизводное – основа образования неразложимая на значимые морфемы. Исходя из данных лексики, фразеологии и паремий татарского

языка, можно сделать следующий вывод: слово *балта* в тюркских языках изначально означало охотничье оружие, тяжелое бытовое орудие, используемое в различных целях. С течением времени, с появлением более универсальных видов оружия в той или иной степени необходимость в нем как в оружии отпала, оно чаще стала использоваться в хозяйстве в качестве бытового орудия, о чем и свидетельствуют данные татарского и других тюркских языков.

Чан- – глагольный корень, имеющий довольно широкое семантическое поле. Из самых ранних тюркских памятников данный корень наблюдается в «Диван люгат ат-тюрк», где он дается в сочетании *бойнн чанді* ‘отрубил голову’. Здесь же имеется слово *чанді* в значении ‘тихо ударил’ [МК, II, 9]. В «Древнетюркском словаре» зафиксирован корень *čar-* ‘хлестать, стегать’ [ДТС, 139], а также в сочетании *bojun čar-* ‘отрубить голову’ [ДТС, 111]. Здесь же приведены дериваты из этого корня: *čarın-*: *er atın čarındı* ‘мужчина подхлестывал своего коня’; *čarıl-* ‘быть казненным’; *čarit-* I ‘набрасываться, нападать’; *čarit-* II, *čarıtıyan er* ‘отрубающий [головы] мужчина’ [ДТС, 139].

В словаре В.В. Радлова перечислены формы и значения данного слова в различных тюркских языках: *чан* (уйг., алт., тел., леб., чаг., тар., казан.) 1) махать, бить, ударить махом; 2) скоро ехать, скакать; 3) (тар.) покрыть (*кобылу*) [III, 1916]; *сан* (сад., койб.) = *чан* бить, махать, дуть (*о ветре*) [IV, 400]; *шан* (шор., кач., кирг.=казах.) = *чан* 1) бить, ударять, рубить; 2) (кирг.=казах.) нападать; 3) (кирг.=казах.) скоро ехать, скакать [IV, 981]. А у Л.З. Будагова значения корня *чан-* представлены еще шире: тур. *mat.* چایمق, چایمق, چایمق *кирг.* صایمق *башк.* شایمق

1) гнаться, скакать, нападать, делать набег, нашествие; 2) рубить, сечь, косить (сено); ударить, колоть; 3) *mat.* гонять подводы; 4) *mat.* наметать на холсте или

коленкоре, чтобы шить или вышивать по нему; 5) тур. бежать иноходью [Будагов, I, 451].

С определенными закономерными фонетическими отклонениями изучаемая лексема встречается во всех современных тюркских языках: тат., кумык., кар.-балк., туркм., кирг., уйг., аз., урум., алт. *чан-*, башк., як., хак. *сан-*, тур. *şар-*, гаг. *чарп-*, узб. *чоп-*, казах., к.-калп., *шап-*, чув. *şан-*;

параллели в монгольских языках: монг. *цавчих*, бур. *сабшаха*, калм. *чавчх*;

параллели в тунгусо-маньчжурских языках: маньчж. *сабчира-* ‘бить копытом’, *сачи-* ‘1) резать, срезать, подрезать; 2) обрубать (дерево); 3) подчищать (копыта лошади); 4) сечь, отсекал, рубить (топором, мечом); 5) срезать, косить (траву); 6) полоть (огород); 7) вырезывать (резцом буквы), гравировать’, *сачику* ‘1) резец, долото; 2) мотыга’, *сачира-* ‘подсекать (под корень травы), рубить (мечом, топором)’ *сабсика* ‘прут, хлыст; розга’; эвенк. *чанчакй* ‘щепка’; сол. *сарчи-* ‘бить, рубить, колоть’; нег. *чанча-* ~ *чанчи-* ‘разрушать, ломать’; уд. *чанча-* ‘колоть дрова’; нан. *чанчи-* ‘колоть, рубить’; орок. *санчѣку*, *санчѣтчику* ‘прут, хворостина’, *санчѣпу* ‘кнут’ [ССТМЯ, II, 64, 384].

Слово вошло и в финно-угорские языки: удм. *чабы* ‘пощечина; тын; изгород из веток’, *чабкон* ‘удар ладонью; шлепок’, *чабкос* ‘пощечина’, *чабкыны* ‘ударить (шлепнуть) ладонью’; венг. *csapni* ‘ударить; хлопнуть’; марГ. *саваиш* ‘дать пощечину’, *севаиш* ‘ударять; хлопать’, *сепнаиш* ‘находиться в припадке’, *сăвы* ‘сырой хворост’; марЛ. *саваиш* ‘молотить; кланяться, поклониться’, *сапнаиш* ‘ударяться, удариться’, *саве* ‘длинный сырой прут; плетень; изгородь из ветвей’.

Как видно, слово распространено в довольно широком диапазоне, следовательно имеет широкое семантическое поле, поэтому ограничимся здесь тюркскими и монгольскими языками. Значения в тунгусо-маньчжурских языках даны

выше. Итак, *чан-* означает: 1) тат., башк., казах., к.-калп., кумык., туркм., кирг., узб., уйг., аз., алт.; монг., бур., калм. ‘рубить, сечь; отрубать; выдалбливать’; 2) тат., башк., казах., к.-калп., кумык., кар.-балк., туркм., кирг., узб., уйг., аз., тур., урум., алт. ‘бежать, нестись, мчаться; скакать’; 3) тат., башк., кирг., чув. ‘хлестать, парить (*веником*); ударить (*по щеке*); дать пощечину’, хак. ‘бить, ударать’, гаг. ‘ударять; бить (с силой); захлестывать’; 4) тат., башк., к.-калп., казах., уйг., алт., бур. ‘косить, скашивать’; 5) казах., к.-калп., кар.-балк., туркм., аз., тур. ‘нападать, совершать набег’; 6) кар.-балк. ‘кидаться, бросаться, лезть в драку’; 7) кар.-балк. ‘перебить, прервать, помешать’; 8) кар.-балк. ‘хвататься, прибегнуть’; 9) туркм. ‘зарубить, убить’, аз. ‘ранить, рубить’; 10) кирг. ‘разгромить, учинить разгром’; 11) кирг., уйг. ‘отделять или украшать драгоценными металлами’; 12) узб., уйг., як. ‘покрывать, случать’; 13) уйг. ‘рыть, прорубать (арык, напр.)’; 14) уйг. ‘окучивать’; 15) уйг. ‘чистить’; 16) як. ‘закрывать (дверь, печь)’; 17) як. ‘покрывать, укрывать, накрывать’; 18) як. ‘закрывать, заканчивать (дело, собрание)’; 19) як. ‘*карт.* крыть, покрывать (тузом)’; 20) хак. ‘бить (шерсть)’; 21) тур. ‘гнать (лошадь)’, узб. ‘ехать вскачь’; 22) гаг. ‘повалить, одолеть’; 23) гаг. ‘трясти, лихорадить’; 24) гаг. ‘выхватывать, вырывать; схватывать’; 25) узб. ‘окучивать (растения)’; 26) чув. ‘выжимать (масло)’; 27) чув. ‘молотить’; 28) чув. ‘ткать (куль, рогожу)’; 29) чув. ‘делать колеса’; 30) чув. ‘наживать (деньги)’; 31) монг., бур. ‘моргнуть (глазом)’; 32) бур., калм. ‘бить копытом (о коне)’; 33) калм. ‘строить, рубить (напр., дом)’;

В этимологических словарях чувашского языка В.Г. Егоров и М.Р. Федотов ограничиваются перечислением формы *чан-* в тюркских языках. М.Р. Федотов, кроме этого, фиксирует и производные формы в чувашском языке, а также дает финно-угорские соответствия, подчеркивая, что венг.

csapni ‘ударить; хлопнуть’ заимствовано из тюркских языков [Федотов, 1996, II, 85].

В «Кратком этимологическом словаре коми языка» авторы также останавливаются на данной лексеме. По их мнению, коми *чап* [*чант-*] ‘било, молотило’, родственное со словом *чапкыны* ‘бросить плашмя (плоский камень и т. д.)’ а также удм. *чапкыны* восходят к общепермскому **c'ap-* ‘бить (копытом, ладонью), ударять; бросать’, а этот корень вместе с другими формами данного слова в финно-угорских языках восходит к допермскому **c'appz-* [Лыткин, 1970, 301–302].

По мнению Р.Г. Ахметьянова, *чаб-у* в значениях ‘бить с размахом; косить; скакать’ восходит к общетюрк. *чап-*, который, в свою очередь, восходит к пратюркскому *чалл-* [ТТКТЭС, 226].

Таким образом, примеры и значения исследуемого корня показывают, что он означал какой-либо резкий, внезапный процесс (ср. тат. *чап-* ‘косить; рубить’) или действие, которое выполняется очень быстро (ср. монг. *цавчих* ‘моргнуть (глазом)'). В процессе развития каждого конкретного языка из данной основы образовывались новые и новые производные, внутренние связи между которыми с течением времени стерлись окончательно. Так, в татарско-русском словаре глаголы с этим корнем представлены уже в форме омонимов: *чабу I* ‘косить’; *чабу II* ‘рубить, отрубать; выдалбливать’; *чабу III* ‘бежать, нестись, мчаться; скакать’ *чабу IV* ‘хлестать, парить (веником); ударить (*по щеке*); дать пощечину’ [ТРС, 2007, II, 553]. Из каждого из этих значений в татарском языке образовано немало дериватов: *чабавыл* ‘связной; связист’, *чабавыл ясау* ‘совершить (конный) налет’, *чабар* ‘гонец, курьер’, *чапкы* ‘тяпка, сечка’, *чапкын* ‘гонец, нарочный; скакун’, *чапкынчы* ‘ямчик’, *чабагач* ‘цеп, молотило’, *чабагач каешы* ‘приуз, гужик цепа’, *чабагач күбәге* ‘цеповище, рукоятка цепа’, *чабагач тәпәче* ‘цепное било, молотило, навязень’,

чабагаччы ‘молотильщик цепом; мастер, изготавливающий цепи’, *атчабар* ‘(конный) посыльный’ и др.

Курган. Довольно большой интерес представляет слово **курган**, которому толковые словари татарского языка дают три значения: «1) крепость, укрепление; 2) загон, огороженный высокой стеной или забором; 3) высокий искусственный холм» [ТТАС, 2005, 294]. В некоторых источниках встречается вариант *корган* [МС, 255; в дастане «Идегей»: *Анда калып Идегэй ... Кара Тиен Алытны ... Гүр казытын күмдерде. Гүре корган тау булды*].

В древнетюркских и старотюркских памятниках данная лексема встречается также в нескольких формах. В словаре В.В. Радлова: *қорған* (казан., тар., чаг., тур.) = *қурған* [570]; *қурған* (тар., тур., устар. чаг.) = *қорған* [940]; *қоргон* (кирг.) = *қорған* [572]. В словаре Л.З. Будагова *чаг. قورغان қурған, алт., кирг. корган* [Будагов, II, 76]. В «Codex Cumanicus» данное слово имеет форму *қурған* [Махмутова, 1982, 111]. Что касается «Древнетюркского словаря», то в вокабулах исследуемая лексема отдельно не использована, однако зафиксирована в качестве компонента составного слова *тауи қурған* как географический термин со значением ‘место зимовки войска Кюль-Тегина перед походом на огузов’ [ДТС, 335].

Слово имеется в большинстве языков алтайской семьи:

в тюркских языках: тат., башк. *қурған*, казах. *қорған*, уйг., к.-калп. *қорған*, узб. *қўрғон*, тур. *kurgan*, кирг. *коргон*, туркм. диал. *горгон*, як. *хорго*;

в монгольских языках: монг., бур. *хорго*, калм. *хорh*;

в тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *коригалā-* ‘огораживать’, *кориган* [< мо.] ‘1) ограда; 2) двор’; сол. *хор’ē* ~ *хори-* [< мо.] ‘1) запрещать, обуздывать; 2) запирасть, заключать (в тюрьму)’ *хоригā* ‘двор’; нег. *кој* [**кори*] ‘сруб’, *којма* ‘рубленный, бревенчатый; срубковый’, *хорго* ‘шкаф’; ороц. *кои* [**који* < **кори*] ‘1) сруб-амбар (для хранения

провизии); 2) могильный домик'; уд. *куа-* 'делать вырубки (при постройке амбара)', *куаима* 'рубленный (о доме, амбаре)'; ульч. *қори* '1) сруб – помещение для медведя; 2) хлев, конюшня; 3) клетка (для птиц)', *қорча(н)* 'стена', *қорго* '1) шкаф; 2) гробница'; орок. *қори* 'сруб – помещение для медведя'; нан. *қори* '1) сруб – помещение для медведя; 2) амбар (для хранения провизии); 3) могильный домик', *қорго* 'шкаф'; маньчж. *қори-* (*хори-*) '1) огораживать; 2) загонять в хлев, конюшню; 3) сажать в клетку; 4) брать под стражу, заключать в тюрьму; 5) окружать, опутывать'; *қориган* (*хоргон* ~ *хоргун*, *хорюон* ~ *хогун* '1) загородка для плетня (для скота), скотный двор; 2) хлев; 3) клетка для зверей', *қорхо* '1) хлев, овчарня, свинарня; 2) клетка (для птиц); 3) гроб наружный; 4) шкаф (для платья)' [ССТМЯ, II, 415].

Лексема имеет довольно широкое семантическое поле, особенно в тунгусо-маньчжурских языках, поэтому приведем здесь ее значения в тюркских и монгольских (значения в тунгусо-маньчжурских приведены выше): 1) тат., башк., казах., уйг., к.-калп., тур., кирг., 'крепость, укрепление', узб., 'крепость, укрепление; цитадель', туркм. диал. 'город, крепость', такое же значение у В.В. Радлова, Л.З. Будагова; 2) тат. 'загон, огороженный высокой стеной или забором', казах. 'высокая глинобитная стена; ограда', уйг. 'курган (одинокое строение с высокими глинобитными стенами)', узб. 'усадыба, все постройки, которые обнесены стеной', кирг. 'высокая глинобитная ограда у могилы', Л.З. Будагов 'крепостная стена'; 3) тат. 'высокий искусственный холм', казах. 'курган; высокая насыпь; развалины', ср. с 9 значением; 4) казах. '*перен.* опора; оплот; защита; твердыня', як. '*перен.* защита, опора'; 5) узб., 'вал, крепостной вал'; 6) кирг. 'развалины'; 7) кирг. 'загон для овец'; 8) як., монг., бур., калм. 'убежище, укрытие'; 9) СС, узб., 'курган; могильный холм', тур. 'курган; могила'.

Кроме того, лексема была заимствована и другими языками:

в славянских языках: рус., укр. *курган*, др.-рус. *коурганъ*, а также *курганъ*.

Что касается слова *курган* в русском языке, то М. Фасмер считает, что «как «крепость» заимствовано наверняка, а *курган* «могильный холм» – вероятно из др.-тюрк. *kurγan* «крепость», тур., кыпч., тар. *kurγan*, казах., чаг., *korγan*, кирг. *koryon*» [ЭСРЯ, II, 424]. В «Словаре тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шипова придерживается мнения И.И. Огиенко, который относит *курган* к заимствованиям древнего времени из персидского *курган* [Шипова, 1976, 211].

Э.М. Мурзаев в «Словаре народных географических названий» еще больше расширяет ареал данной лексемы: афг. *курган* ‘укрепление; крепость’, тадж. *кургон* ‘холм; крепость; цитадель’ (< узб), перс. *курган* ‘крепость’, япон. *kuruiwa* ‘крепостной вал’, корейск. *koran* ‘межа’, польск., чеш.-словац. *kurhan*, болг. *kurgan* ‘могила’, венг. *kurgan* ‘холм’, литов. *kurganos*, латыш. *kurgans* ‘курган’ [Мурзаев, 1984, 316]. По всей видимости, эти слова находятся в пассивном запасе и входят в разряд устаревшей лексики, поэтому в современных переводных словарях вышеперечисленных языков, имеющих в нашем распоряжении, нами они обнаружены не были.

Основная версия этимологов о происхождении лексемы *курган* сводится к двум точкам зрения. Л.З. Будагов считал, что *курган* образован от корня *قورماق*, *قورغان* [*курмақ*, *кургамақ*] ‘защищать, оберегать’. Р.Г. Ахметьянов, ссылаясь на Ж. Киекбаева, также считает, что *курган* «курган; крепость» – общетюрк. *курган* «курган, крепость» восходит к общетюркскому глаголу *курга-*, *қору-ға-* «защищать, оберегать», который, в свою очередь, восходит к древнетюркскому *қору* «защита, барьер, ограда». Для

сравнения исследователь приводит в пример алт. *қору* «средство защиты, ограда», чаг., казах., к.-калп. *қору-* «защитить, обезопасить», *қорға-* «защитить», башк. *қурға-у* «защитить, огородив», *қурғаучы* «защищающий высокопоставленных людей или невесту на свадьбе», як. *хорга*, монг. *корга* «безопасное место, убежище» [ТТКТЭС, 123]. Г.К. Конкашпаев также производит от глагола *коргану* – ‘защищаться’ [Мурзаев, 1984, 316].

Н.А. Баскаков связывает происхождение данного слова с глаголом *кур-* ‘поставить, устроить, приготовить, расположить’ [Мурзаев, 1984, 316]. М. Фасмер возводит *курган* к тюркскому *kurγatak* «укреплять», *kirtak* «сооружать» [ЭСРЯ, II, 424]. Исследователь староузбекского языка Х.А. Дадабаев также считает, что *курган* образован от глагола *кур-* ‘устроить, соорудить’ [Дадабаев, 1981, 117]. Нам кажется, что глагольная основа *кур-* с таким значением не совсем раскрывает семантику исследуемой лексемы. От последнего корня, на наш взгляд, в татарском языке образовано слово *корылма* ‘сооружение, постройка’ и др.

По всей видимости, *курган* имеет общие корни со словом *кура*, которое в литературном языке означает ‘1) ограда из камыша; 2) загородка для скота (во дворе); загон (во дворе)’. В диалектной лексике татарского языка *кура* – 1) *астр.* место, огороженное для скота, карда; 2) *тюрм.* ограда; 3) *кмишл.* ограда на могиле [ТТЗДС, 427–428]. Учитывая значения последних слов, а особенно сравнивая их со значениями в тунгусо-маньчжурских языках, можно предположить, что первоначальное значение корня *кур-* было ‘огородить, защитить огородив’. Далее как дериват от этого корня возникло слово *курган*, которое означало ‘защитить себя от врагов, огородившись высокой стеной’. Значение ‘могильный холм, курган’, скорее всего, вторично, возникло в результате переосмысления предыдущего значения.

Көбә ‘кольчуга, панцирь’ – доспех в виде рубахи, сплетенный из железных колец. В татарском языке встречается также в форме *көбә киём* и *көбә күлмәк*, что также означает ‘кольчуга, панцирь’. Данное слово зафиксировано в древних письменных памятниках: в «Codex Sumanicus» *күбә* [Махмутова, 1982, 116]; в грамматическом трактате «ат-Тухфа...» *күбә* [Изысканный..., 1978, 329]; в «Древнетюркском словаре» *kübä: kübä jarıq* [ДТС, 322]; в словаре М. Кашгари «Диван люгат ат-тюрк» *күбә: күбә жарук* [МК, III, 236].

Рассматриваемое слово в различных значениях употребляется во многих тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Ср. башк. *күбә/көпө*, казах. *көбе*, ног. *куьбе*, кирг. *күбө, ак (көк, кыл) күбө, күбө тон, күбө соот*, кумык. *гюбе*, кар.-балк. *кюбе*, урум. *күне/гүбе/көне*, тур. *küre*, гаг. *күнә*, алт. *коо кийим*, тув. *хеп*, чув. *кёне, кёне йем*;

эвенк. *купэ* (диал. *купа, купо, купоми*); эвен. *көбжэ/кэбжэ*, орок. *қөпоми* [ССТМЯ, I, 434] и др.

Исследователь устаревшей лексики ногайского языка Ю.И. Каракаев приводит и монгольский вариант данного слова в форме *куве* со значением ‘латы, броня’ [Каракаев, 1999, 111], однако в современных словарях оно не отражено.

Следует отметить, что данное слово обозначает кольчугу в основном в кыпчакской группе тюркских языков. Значит, в данные языки оно вошло как готовое военное защитное одеяние. В других языках семантика его отлична. О различных значениях говорят и сравнительные словари тюркских языков. Л.З. Будагов отмечает, что *чаг.* *كويه [күнә]* 1) = *كبه [көбә]* латы; 2) *тур.* *күнэ*, серьга (в *кондом.* *күбе* – серьга); 3) *кирг.* (*надо понимать казах.*). *көппө*, шерстян. ваточный кафтан [II, 142]. Что касается *чаг.*, *тат.* *كبه [көбә]*, *كويه [күбә]*, *كپه [көпә]*, *كويه [күнә]*, то оно означает 1) латы,

кольчуга (в *казан.* также); 2) *аз. көбэ*, палас, кошма [II, 113]. В языке тюркоязычных римлян – урумов *күне/зүбе/көне*, как и в тур. *küre*, гаг. *күнә* означает ‘серьга, сережка’.

Слово имеет довольно широкое семантическое поле. Во всех вышеприведенных языках, преимущественно в кыпчакских, его значение 1) МК *күбä жаруқ*, ДТС *kübä jariq*, «ат-Тухфа...» ‘кольчуга’, СС ‘панцирь’, В.В. Радлов, тат., казах. ‘кольчуга, панцирь’, кирг. ‘панцирь’ (по всей видимости, рядом с существительным использованы прилагательные, обозначающие материал, из которого изготавливалась кольчуга (күбө): *ак* – металл, *көк* – кожа, *кыл* – (конский) волос.), ног., кар.-балк., алт. ‘кольчуга’; 2) ДТС *kübä jariq* ‘металлические латы’, Л.З. Будагов, башк., казах., кумык., чаг., монг. ‘латы’; 3) казах., монг. ‘броня’; 4) ног. ‘щит’; 5) кирг. ‘непроницаемый для стрел халат’, В.В. Радлов ‘шерстяной ваточный кафтан’; 6) тув. ‘одежда’; 7) чув. *кёне* ‘сорочка; рубашка, рубаха; платье; белье’, *кёне йем* ‘белье (собир.)’; 8) чув. ‘сброшенная кожа, шкура (у насекомых, пресмыкающихся)’; 9) тув. ‘обмундирование, форма’; 10) эвенк. ‘одежда (*меховая*), парка, шуба’; эвен. ‘одежда (*меховая, глухая из зимних оленьих шкур мехом наружу*)’; 11) эвенк. ‘одежда (*меховая детская с глухими рукавами*)’; орок. ‘комбинезон (*детский, меховой*)’; 12) В.В. Радлов *көбä* ‘кошма’; 13) тат. диал. ‘бешмет, пальто’; 14) тур., гаг., урум. ‘серьга, сережка’; 15) тув. ‘шаблон’; 16) гаг. ‘подгрудок (у различных животных)’; 17) гаг. ‘скоба (тех.)’.

Этимолог чувашской лексики М.Р. Федотов отмечает, что чувашскому *кёне* ‘рубаха; женская рубаха; белье; сорочка’ в других тюркских языках соответствуют кум., тоб., тар., чаг., карЛ. *күбä* ‘панцирь’, чаг. *көре* ‘кольчуга’; др.-тюрк. *kübä; күбä jariq* ‘металлические латы, кольчуга’; тат. *көбä* уст. ‘панцирь, кольчуга’: *көбä күлмәк* ‘панцирная

рубашка'. Кроме этого он, основываясь на В.В. Радлова, полагает, что чув. *кёпек* является вариантом чув. *кёпе* и соответствует чаг. *китяк* 'верхнее платье', тур. (арх.) *кяпйяк* (осм. *كپنگ*) дождевой плащ, зимнее платье янычар [II, 1187]; *кебяк* (кирг.) кафтан из кошмы [II, 1192]; Сюда же, по видимому, можно добавить и *кёпйяк* (осм. *كوپنگ*) капот из шерстяной материи [II, 1311]. Другой чувашский этимолог В.Г. Егоров, поясняя происхождение *кёпе* 'рубаша; женская рубаша; бельё; сорочка', сопоставляет их с тюркскими словами типа *каб/габ/кап* 'посуда, сосуд; фугляр; сумка; чехол' [Егоров, 1964, 105–106]. М.Р. Федотов с ним не соглашается и считает, что приведенные В.Г. Егоровым слова едва ли корректны для данной словарной статьи [Федотов, 1996, 275].

Что касается *кёба*, В.В. Радлов фиксирует *кёбйя* (кум. тоб. тара, *كوبه*, *كبه* чаг., караим.) панцирь [II, 1517]; *кёпйя* (кирг.) шерстяной ваточный кафтан [II, 1315]; *кёбйя* (аз.) кошма [II, 1315].

Р.Г. Ахметьянов перечисляет формы исследуемого слова в различных языках и возводит его к древнекыпчакскому *кёбйя/кёпйя* 'кольчуга, броня'. Он также упоминает о диалектном варианте *кёба* в татарском языке со значением 'стеганая фуфайка' и утверждает, что в древнетюркском языке *куник* – 'одежда, сшитая из двух слоев хлопчатобумажной ткани, между которыми оставлен пух (или хлопок)'. Ученый считает, что этимологические корни *кёба* лежат в татарском диалектном слове *кун-* 'стегать' [ТТЗДС, 342; ТТКТЭС, 115].

Как показывают примеры, *кёба* во многих языках обозначает одежду, чаще всего из плотной ткани, кошму. По всей видимости, изначальное значение этого слова было связано с какой-то плотной одеждой. Ср. тунгусо-маньчжурские параллели. В кузнецком и хвалынском говорах

татарского языка сохранилось слово *kəθ*, означающее бешмет, пальто [ТГЗДС, 328]. На наш взгляд, это слово имеет прямое отношение к *kəbā*. С течением времени воины могли использовать такую плотную (стеганую или сшитую из кошмы) одежду в качестве защитной одежды, что частично подтверждает киргизское значение ‘непроницаемый для стрел халат’. Позднее у кыпчаков *kəbā* начинает обозначать и металлические защитные доспехи.

С другой стороны привлекает внимание и значение ‘серьга, сережка’ в тур., гаг., урум. Эти значения могут быть связаны с технологией изготовления кольчуг из колец, напоминающих серьги.

Нужно отметить, что в некоторых языках, как и в татарском, данное слово использовано в качестве определения к словам *кием* ‘одежда’, *күлмәк/күлдәк* ‘рубашка, платье, одежда’, *тун/тон* ‘одежда’, *савыт/соот* ‘панцирь’. В «Древнетюркском словаре» *kübä jariq* ‘металлические латы, кольчуга’ [ДТС, 322] и в словаре М. Кашгари «Диван люгат ат-тюрк» *күбä жарук* ‘кольчуга’ [МК, III, 236] *kəbā* выполняет такую же функцию. В этих словосочетаниях рассматриваемое слово больше означает нечто вроде ‘защитный, защищающий’. Таким образом, в образовании термина наблюдается субстантивный эллипсис, когда существительное отпадает, а атрибутив, переходя в разряд существительных, принимает его смысловую нагрузку.

Военная лексика тюркских языков стала формироваться в глубокой древности, задолго до того, как была отражена в общетюркских письменных памятниках, т.к. в этих памятниках она уже зафиксирована с различными фонетическими вариантами, имеет многочисленные дериваты, переносные значения, широко используется в поговорках. К военной лексике алтайского пласта мы отнесли *балта* ‘топор’, *чан-* ‘рубить, сечь’, *курган* ‘крепость, укрепление’, *kəbā* ‘кольчуга’, которые в той или иной

фонетической оболочке и с некоторыми семантическими сдвигами встречаются как в тюркских, так монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Этот факт позволяет нам говорить о том, что данные лексические единицы были образованы еще тогда, когда эти языки не распались на отдельные группы и являются общим достоянием не только тюркских, но и большинства монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. С этимологией некоторых лексем (напр. *балта*) согласны не все исследователи, т.е. некоторые из изученных нами слов могли быть исконными, другие – заимствованиями, но были освоены уже в алтайский период.

В некоторых случаях образование военной лексики происходило лишь в отдельной ветви алтайских языков, хотя основа его в несколько ином значении зафиксирована и в остальных. К таковым можно отнести слово *көбә*, которое, на наш взгляд, приобрело военное значение только в кыпчакской группе тюркских языков, тогда как в монгольских и тунгусо-маньчжурских имеет несколько иную семантику.

В алтайский пласт, по предварительным данным, также можно было бы отнести и слова *тәмән* ‘войско в десять тысяч воинов’, *ир* ‘мужчина; воин’.

Практически все анализированные нами лексические единицы зафиксированы в доступных нам древнейших письменных памятниках, таких как «Диван люгат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари (X в.), «Сказание о Юсуфе» Кул Гали (1233 г.), «Codex Cumanicus» (1303 г.), грамматический трактат XIV в. «Китаб ат-тухфат аз-закийя фи лугат ат-туркийя (Изысканный дар тюркскому языку)», а также «Древнетюркский словарь».

Лексика данного пласта отличается и тем, что имеет широкое распространение в генетически неродственных, не входящих в алтайскую общность языках. Так, *балта*, *тәмән*,

чан- в разные исторические эпохи были заимствованы соседними финно-угорскими и/или славянскими языками.

Чаще всего заимствованиями являются существительные, наличие в языках общих глагольных основ служит признаком родственности этих языков. В нашем исследовании такой основой оказалась *чан-*, которая наблюдается во всех языках алтайской группы.

Лексема *курган* сохранилась в нескольких десятках географических названий. Наличие данного слова в той или иной форме в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках может говорить о высоком уровне оборонного дела у предков носителей данных языков с древнейших времен.

Исконная лексика обычно является многозначной, имеющей множество дериватов. Образование данных слов восходит к раннему, общеалтайскому периоду, т.к. в современных языках каждое из них и их дериватов имеет свой круг значений. Наличие многочисленных дериватов, широкий круг сочетаемости и многозначность в каждой группе языков (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской) подтверждают их исконность в каждой из них, т.е. группы этих языков, по нашим исследованиям, получаются генетически родственными.

2.2. Тюрко-монгольские лексические параллели

Традиционно тюркские языки включаются в состав алтайской семьи, внутри которой они образуют единый таксон с монгольскими языками, то есть вначале алтайская семья языков распалась на три ветви – западную, центральную, восточную. Так возникли три праязыка. Западная ветвь дала тюрко-монгольскую общность; центральная – близкородственные тунгусо-маньчжурские языки; восточная ветвь распалась 4,5 тысяч лет назад на пракорейский и

праяпонский языки. Пратюркские и прамонгольские племена, а значит и языки разошлись в середине 1 тыс. до н.э. Так 5,5 тысяч лет назад появился первый древний тюркский язык. [Гаджиева, 1990, 527–529].

Действительно, тюркско-монгольские языковые контакты имеют давнюю историю и продолжительную связь, они многообразны и осуществлялись на большой территории. Были периоды повышенной их интенсивности и регионы, где они отличались устойчивостью и длительностью. Как было сказано выше, родство языков алтайской семьи, как и их неродство, до конца не признано. По этой причине и в отношении родства тюркских и монгольских языков существует два разных мнения. Если одни исследователи считают, что «наличие общих элементов и в особенности общих для тюркских и монгольских языков глагольных основ указывает на генетическую близость этих языков и на то, что процесс формирования их лексики был единым» [Баскаков, 1962, 71], то другие полагают, что «генетическое родство тюркских и монгольских языков как таковое отсутствует, оснований для постановки проблемы разграничения фактов заимствования и фактов родства нет. Речь может идти только о языковой общности, образовавшейся в результате длительного взаимодействия неродственных языков» [Щербак, 1994, 123]. Следовательно, наличие общих слов, взаимных заимствований, прочно вошедших в лексикон обоих языков, могут свидетельствовать как об исторической общности, так и о тесных и достаточно продолжительных связях носителей этих языков. В связи с этим довольно часто очень трудно с генетической точки зрения выяснить, к какому из языковых семей относится исследуемая лексема.

Если слова распространены во всех тюркских и монгольских языках, по их структурным и семантическим особенностям невозможно судить об их принадлежности к

тому или иному из двух языков. Э.Ф. Ишбердин считает, что они этимологизируются по языковым данным как тюркских, так и монгольских языков. Эти слова возникли в тюркских и монгольских языках вследствие их общего генетического происхождения или являются следствием древнейшего контактного развития [Ишбердин, 1986, 40]. Поэтому мы и рассматриваем их как тюрко-монгольские параллели. Среди них могут быть слова как генетически восходящие к одной основе, так и заимствованные. Если же определенные слова с узкой семантикой и в основе своей единичным значением, общие для тюркских и монгольских языков, не получили широкого распространения в каком-либо из этих семей, не отражены в письменных памятниках и в то же самое время для обозначения соответствующих понятий имеются другие слова, уместно говорить о возможности заимствования этих слов в ту или иную из семей.

Начиная с 1960-х годов интерес к тюрко-монгольским параллелям значительно возрос. Такие параллели главным образом наблюдаются в устойчивых разрядах лексики (названия животных и птиц, частей тела человека, названия цветов, оттенков и мастей животных, геоморфологических объектов и др.). Встречаются они и в военной лексике татарского языка. Судить об их исконности или возможности заимствования в синхронии довольно сложно. Сравнительно-исторический анализ может дать какое-то прояснение данной проблемы.

Кун- – глагольная основа, имеющая значение ‘ночевать, останавливаться на ночлег; сделать привал’. Кроме этого значения, оно может обозначать ‘садиться, спускаться с высоты’. Учитывая то обстоятельство, что более или менее крупные военные действия не могли проходить без перерывов на ночлег, данное слово, по нашему мнению, входит в число военной лексики.

Обзор древнетюркских памятников показал, что вышеуказанные два значения почти во всех из них идут параллельно. Ср.: «Codex Cumanicus»: *кон-* ‘переночевать; жить; опуститься’ [Махмутова, 1982, 110], «Диван люгат ат-тюрк»: *қонді* ‘сел, остановился’ [МК, III, 201], *қон-* ‘1. опускаться, садиться (о птицах); 2. оседать, поселяться, избирать местом жительства’, *қонау* ‘место отдыха, остановки (?)’, *қонал-* ‘поселяться; проводить ночь’ [ДТС, 455]. У В.В. Радлова *кун* (казан., тоб.) = *кон* ‘остановиться, сесть (о птицах), ночевать, переночевать’ [908]; *кон* (кум., аз., кр.-тат., алт., тел., леб., шор., койб., хак., караим., казах., кирг., уйг., чаг., тур., тар., як., монг) = *кун* ‘1) остановиться, расположиться на житье, осесть (о народе); 2) остановиться и переночевать; 3) жить, проживать; 4) в восточных наречиях употребляется как вспомогательный глагол’ [533–535].

Рассматриваемое слово в близких фонетических вариантах встречается во всех тюркских языках: тат., башк. *қун-*, казах. *қон-*, уйг., кумык. *къон*, кр.-тат. *қон-*, к.-калп., кар.-балк. *къон*, шор. *қон-*, узб. *қўн-*, кирг. *кон-*, тур. *кон-*, гаг. *кон-*, алт. *кон-*, туркм., аз. *гон-*, як., хак., урум., тув. *хон-*; и в монгольских языках корень слова звучит также одинаково: монг., бур., калм. *хон-*.

Семантическое поле слова довольно широкое, к тому же из совокупности его значений первое и второе присутствуют почти во всех тюркских языках: 1) ‘ночевать, останавливаться на ночлег’, кроме гаг., туркм., аз.; 2) ‘садиться, спускаться с высоты (о птицах)’, кроме кр.-тат., як.; 3) тат., башк., узб., уйг., кар.-балк., кирг., тур., аз., гаг. ‘облепить, оседать (о пыли)’; 4) казах., кирг., узб., тур., туркм., хак. ‘останавливаться; располагаться на житье, кочевье’; 5) казах. ‘садиться; усаживаться; располагаться для поездки’; 6) узб., уйг., кумык., кар.-балк., гаг., тув. ‘приземляться, садиться (о самолете)’; 7) кумык., кар.-балк. ‘оседать, поселяться’; 8) кр.-

тат. 'зайти'; 9) кар.-балк. 'откладываться, накапливаться, заводиться'; 10) тув. 'как всп. гл. выражает неожиданность и быстроту действия'; 11) як. 'задерживаться (*о снеге*)'; 12) аз., тур. 'набрасываться, наброситься'; 13) туркм. 'разгрузиться, снять с себя груз'; 14) тур. 'залепить, шлепнуть'; 15) кирг. '*ирон.* усесться, воссесть'; 16) шор. 'жить'; 17) шор. 'спать'.

В монгольских языках семантическое поле данной глагольной основы довольно узкое. В монг., бур., калм. слово имеет единственное значение 'ночевать, останавливаться на ночлег'.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» *қо:н* трактуется как рефлексивная форма с аффиксом *-н* от глагольной основы **қо:-*, которая отождествляется с **қо-* в *қой-* 'ставить'. Там же приводится мнение А.М. Щербака, который восстанавливает праформу **кӧн-* 'останавливаться на ночлег; оседать'. Согласно Г. Дёрферу, монг. *qоно-* < пратюрк. *qоnъ-* [ЭСТЯ, 54–55].

Р.Г. Ахметьянов считает, что первоначально тат. слово *кун-*, восходящее к общетюрк. *қон-*, имело значение «проводить ночь вне дома» и было образовано в те времена, когда охотники ходили в лес за дичью, проводя ночь на деревьях [ТТКТЭС, 122]. Значит заимствованное многими языками слово *кунак/қонак* 'гость', образованный из *кун-/қон-*, первоначально означал только такого гостя, который оставался на ночлег. Е.Н. Шипова также считает, что рус. *кунак* (произв. *куначий, кунацкий, куначество*) происходит от глагольного корня *кон-* 'располагаться на ночлег' [Шипова, 1976, 208–209]. Касаясь этимологии слова *кунак*, Л.С. Левитская опирается на Г. Дёрфера и отмечает, что слово это начинает входить в быт лишь после монгольских завоеваний, и считает его обратным заимствованием из монгольских языков [ЭСТЯ, 54–55, Deorfer, 528–530]. Из соседних языков в форме *куно* 'гость'

корень исследуемой лексемы встречается в удмуртском языке [Атаманов, 2011, 36].

С нашей точки зрения, интересно будет рассмотреть и производные исследуемой лексемы. В словарях тюркских языков наблюдается довольно большое их количество в рамках одного и того же семантического поля. Здесь мы приведем пример из татарского языка. Ср.: *кунак* ‘гость’; *кунакча* ‘то же, что кунача’; *куна-төнә* ‘(постоянно) ночуя, с ночевками’; *кунача I* ‘насед’; *кунача II* ‘горница’; *куначалы* ‘с насестами, оборудованный насестом’; *кунгак* ‘леток (улья)’; *кундак* ‘1) диал. одноместная кровать; 2) ложе ружья; 3) ист. диал. вид колыбели, сделанной из колоды; 4) ист. вид щипкового музыкального инструмента; 5) ист. лафет’; *кундыру* ‘1) заставить сесть (на насест); 2) перен. влупить, заехать’; *кунмалы* ‘1) на ночь, (чтобы) переночевать; 2) см. куна-төнә’; *куну-төнү* ‘провести ряд ночей (вне дома)’; *кунышы* ‘диал. 1) человек, с которым приходится вместе держаться (в пути, среди чужих и т.д.); 2) случайный сосед (в купе)’; *кунык* ‘налет; окалина’; *кунылгы* ‘диал. место ночевки (в открытой местности); привал (на ночь), бивак’; *кунылу* ‘прийтись ночевать’; *куныш* ‘1) ночевка; ночлег, место ночлега; 2) диал. таежный, лесной домик, охотничий дом; 3) ист. переход, дневной путь; 4) этног. диал. свадебный поезд’; *кунышлык* ‘ночевка, ночлег’; *кунышу* ‘1) слететься и сесть поблизости (о птицах); 2) держаться с к.-либо вместе, знаться, водиться’.

Таким образом, словари татарского языка дают нам 18 дериватов из разных значений корневого слова *кун-*.

Подобная картина наблюдается и во многих других тюркских языках. Например, в словаре киргизского языка 10 дериватов от *кон-*. Словари казахского языка фиксируют также порядка 10 дериватов. По своей семантике дериваты в данных языках близки к семантике татарских производных.

Что касается монгольских языков, больше всего дериватов, зафиксированных в словарях, наблюдается в калмыцком – их 8, в бурятском – 7, в монгольском – 4:

Монг. хонох ночевать, проводить ночь, переночевать	Бур. хонохо ночевать, останавливаться на ночлег	Калм. хонх [хонхъ] ночевать, останавливаться на ночлег
1) хоног сутки; 2) хоноглох оставаться на ночь; 3) хоногших запечатлеваться в памяти, оставаться в памяти, не забываться, сохраняться в памяти; 4) хоноц путник, остающийся ночевать	1) хоног сутки; 2) хоногшын: <i>гурбан хоногшын</i> <i>газар</i> расстояние в три дня ночёвки; 3) хонолго ночлег, ночёвка, место для ночлега; 4) хонолгошо(н) остановившийся на ночлег, оставшийся ночевать; 5) хонолгын ночлежный; 6) хоносо ночёвка, ночлег; 7) хоношохо <i>интенс. от хонохо,</i> переночевать	1) хондг ночующий; 2) хонлһн ночёвка; 3) хонлһна ночлежный; 4) хонлт ночлег; 5) хонлтын ночлежный; 6) хонулх пускать <i>кого-л.</i> на ночлег; 7) хонц путник <i>(остановившийся</i> <i>на ночлег);</i> 8) хонцхах совм.- <i>взаимн. от хонх</i>

Совпадение тат. *кунылгы* и бур. *хонолго* как фонетически, так и семантически может быть и не случайным.

Таким образом, распространение данного термина среди тюркских языков, довольно большое количество производных, широкое семантическое поле говорят в пользу тюркского происхождения слова. А одно единственное значение исследуемой лексемы в монгольских языках говорит о возможности появления ее под влиянием тюркских

языков. Хотя тождественное слово в тунгусо-маньчжурских языках не обнаруживается, исследователь военной терминологии староузбекского языка Х.А. Дадабаев рассматривает *кун-* в алтайском пласте [Дадабаев, 1981, 118]. Действительно, наличие значительного количества дериватов в монгольских языках позволяют предположить, что слово могло появиться на основе генетического родства языков, но не в алтайский, а в тюрко-монгольский период, или же оно могло быть заимствовано из тюркских в очень раннюю эпоху, на «стыке» разделения монгольских и тюркских языков на две отдельные языковые семьи.

Калкан [*қалқан*] – щит, предмет старинного воинского снаряжения в виде округлой или прямоугольной плоскости из дерева, металла, жесткой кожи для предохранения от ударов, стрел [ТСРЯ, 2003, 905; ТТАС, II, 31].

Слово зафиксировано уже в самых ранних тюркских письменных памятниках: «Диван люгат ат-тюрк», «Codex Cumanicus», «ат-Тухфа...» *қалқан* [МК, I, 413; МК, III, 396; Махмутова, 1982, 106; Изысканный..., 1978, 335], «Древнетюркский словарь» дает два фонетических варианта: *qalqan* и *qalqaŋ* [ДТС, 413]. Лексема нашла место и в трудах тюркологов прошлых столетий: в словаре В.В. Радлова *қалқан* (крым., казан., осм., караим., чаг.) [Радлов, II, 251], *қалған* (др.-уйг.) [Радлов, II, 254], в словаре Л.З.Будагова тур. *قالقان* [*қалқан*], кирг. *قالقام* [*қалқам*] [Будагов, II, 23].

В тюркских языках слово бытует в близком фонетическом звучании: тат., башк., ног., к.-калп., кар.-балк., кумык., кр.-тат., уйг. *қалқан*, казах. *қалқан/қалқа*, караим., кирг. *калкан/калка*, тур. *kalkan*, узб. *қалқон*, туркм. *галкан*, аз. *qalxan* [*галхан*], тоф. *қалһа*, шор. *қалқа*, чув. *хулкан*.

Среди монгольских языков встречается в монг. *халх* и бур. *халха*. В калмыцком корневая форма в словаре не зафиксирована, однако приведены производные формы той

же семантики: *халхвч* [халхъвчъ], *халхлһнн* [халхъллһън], *халхлх* [халхълхъ] и др.

Семантическое поле слова в тюркских языках сводится к следующему: 1) ‘щит’ во всех, кроме шор., тоф.; 2) башк. ‘щит, стальная планка (*спереди огнестрельных орудий типа пушки, пулемета*)’, тур. ‘воен. щит, щитовое покрытие’; 3) аз. ‘зоол. твердое образование у различных животных для защиты мягких тканей’; 4) казах. ‘заслон; навес; перегородка’ 5) тат., аз. ‘бот. щиток (*один из типов соцветия у растений*)’; 6) караим. ‘диск’; 7) кар.-балк., кирг. ‘шлем (*воинский*)’; 8) тат. ‘перен. щит, защита’, кирг. ‘защита, прикрытие, убежище’; кирг. ‘прикрытие, укрытие; 9) кирг. ‘свинчатка (альчик, налитый свинцом)’; 10) кирг. ‘ковыль’; 11) кирг. ‘бабочка’; 12) тур. ‘зоол. калкан, черноморская камбала’; 13) тоф. ‘защитное приспособление (маска, щит, скоба спускового крючка ружья и т.д.)’; 14) шор. ‘ставень; створки (окна); защита; опора’; кирг. *перен.* опора; кирг. *перен.* добро’.

Семантическое поле в монгольских языках следующее: 1) бур. ‘уст. отвальная доска у сохи’; 2) монг., бур. ‘прикрытие, щит, заслон’; 3) бур. ‘перегородка в юрте (*своеобразные юрты*)’; 4) бур. ‘перен. защита, покровительство’; 5) бур. ‘слой сала на кабане (образующий с налипшей на шкуру грязью щит, не пробиваемый охотничьей пулей)’.

Помимо этого, слово это встречается и во многих других родственных и неродственных языках. Особенно подробная информация об этом приводится у Г. Дёрфера: тадж. *қалқон* ‘щит’, ягноб. *қалқан* ‘щит’, курд. *qalqan/kalqan/xalqan* ‘щит’, рус. диал. *калкан* ‘твердый жировой нарост на затылке у животного (обычно кабана, свиньи)’, др.-польск. *kalkan* ‘щит с умбоком’, болг. *калкан* ‘1) глухая стена (*с односкатной крышей*); 2) камбала’, албан. *kalkan* ‘щит’, н.-греч. *καλκάνι* ‘скат (*рыба*)’, макед. *калкан* ‘1) камбала; 2) односкатная крыша’, серб. *ка̀лкан* ‘уст. 1) щит; 2) односкатная крыша;

3) обл. женский головной убор (в Боснии)', румын. *calcan* '1) щит; 2) палтус (рыба из семейства камбаловых)' [Deorfer, III, 501]; к этому списку можно еще добавить авар. *хъалхъан* 'щит', лезг. *къалхан* 'щит'. По мнению Г.Дёрфера, во все эти языки и практически во всех значениях слово попало из тюркской среды, кроме маньчжурского *қалқа/қалқан* '1) щит; 2) башня, будка (для подступа к стенам); 3) плетень; 4) перен. оплот', куда оно было заимствовано из монгольского [Deorfer, III, 503; еще см. ЭСТЯ, V, 233; ССТМЯ, I, 367]. Привлекает внимание совпадение значений в рус. диал. и бур. 'слой сала на кабане (образующий с налипшей на шкуру грязью щит, не пробиваемый охотничьей пулей)'. Такое значение слова в тюркских языках нами обнаружено не было.

Среди тюркологов нет единого мнения об этимологии *калкан*. Чувашское *хулкан* рассматривается М.Р. Федотовым в «Этимологическом словаре чувашского языка». Однако автор лишь перечисляет тюркские, монгольские и маньчжурские формы, не впадая в подробности о происхождении лексемы [Федотов, 1996, 355]. Р.Г. Ахметьянов считает, что татарское *калкан*, восходящее к др.-тюрк. *калкан*, заимствовано из монг. *қағал-ға-н* 'то, чем покрывают, закрывают', которое образовано из глагольной основы *қаға-* 'закрывать, запирать, покрывать'. В качестве сравнения он приводит восточнотюркскую форму *калка* 'дверь, крышка', монг. *кагалга* 'ворота', *халха* 'помощь, защита; укрытие' [ТТКТЭС, 88]. Более подробный анализ дается в «Этимологическом словаре тюркских языков»: по мнению М. Рясянен, слово заимствовано тюркскими языками из монгольских, Г. Дёрфер, наоборот, считает его заимствованным монголами из тюркских языков, и уже в форме *қалқа* обратным заимствованием из монгольских языков. Мнение Г. Дёрфера поддерживает и Дж. Клосон. Л.С. Левитская считает, что семантика монгольского *қалқа* шире, чем тюркского *қалқан*, и словообразовательные возможности монгольского слова

реализованы полнее по сравнению с *қалқан* в тюркских языках, поэтому, по ее мнению, первоначально слово возникло в монгольских языках и было заимствовано тюркскими [ЭСТЯ, V, 233].

Для уточнения происхождения слова могут дать определенную информацию его дериваты. В большинстве тюркских языков производные от *калкан*, на наш взгляд, довольно позднего образования и в количественном отношении немногочисленны. Например, из имеющихся у нас на руках словарей в кар.-балк., кумык., чув., туркм., тоф., шор. дериваты данного слова не зафиксированы вообще. Татарские словари фиксируют 2–3 формы, к тому же в большинстве случаев как компонент сложных слов с единым значением ‘щит’: *калканлы* ‘щитовой, с щитом’, *калкансыман* ‘щитовидный, щитообразный’, *калканйөзлеләр* ‘щитомордники’; в уйг. *қалқанбәз* ‘щитовидная железа’, *қалқансуман* ‘щитовидный’; узб. *қалқондор* ‘1) ист. щитоносец; 2) зоол броненосец’, *қалқонсимон* ‘щитовидный, щитообразный’, *қалқонча* ‘зоол. щиток’. Наибольший интерес вызывает более широкая семантика в деривации в караимском, киргизском и азербайджанском языках. Ср.: караим. *калканла-* ‘1) прикрывать, заслонять; защищать, охранять; 2) увенчивать’, *калканлавиу / калканлавчу* ‘защитник’, *калканлан-* ‘страд. от калканла-’;

кирг. *калкагар* ‘1) нависший утес, обрыв горы; высокая скалистая гора; 2) перен. укрытие, прикрытие; защита, опора’, *калкай-* ‘нависать в виде щита, прикрытия (напр., о широких полях иляпы)’, *калкайт-* ‘понуд. от калкай-’, *калкак* ‘укромное место, прикрытие, укрытие’, *калкакта-* ‘шевелиться (выставляясь вперед или в стороны)’, *калкала-* ‘прикрывать; защищать’, *калкалан-* ‘прикрываться; защищаться, быть под защитой’, *калкалаиш* ‘взаим. от калкала-’, *калкалоо* ‘покровительство, защита’, *калкалоочу* ‘покровитель, защитник’, *калкалуу* ‘служащий защитой, опорой для других;

добродетельный’, *калканду* ‘снабженный щитом’, *калканч*, *калканчы*, *калканчык*, *калканыч* ‘1) щит; 2) *перен.* защита, прикрытие, убежище’, *калкаюу* ‘*и. д. от* калкай-’;

аз. *qalxanabənzər* ‘щитовидный, щитообразный; щитковидный, щиткообразный’; *qalxanabənzərlik* ‘щитообразность; щиткообразность’; *qalxanaoxşar* ‘см. *qalxanabənzər*’; *qalxanaoxşarlıq* ‘см. *qalxanabənzərlik*’; *qalxanbalığı* ‘зоол. калман (рыба)’; *qalxancıq* ‘щиток: 1) небольшой щит; 2) *зоол.* твердое образование у различных животных для защиты мягких тканей’; *qalxanqulaq* ‘ушастый’; *qalxanqulaqlı* ‘см. *qalxanqulaq*’; *qalxanquyuqlu* ‘зоол. щитохвостный’; *qalxanlı* ‘в старину – воин, вооружённый щитом’; *qalxanlıca* ‘щитовник (папоротник)’; *qalxanotu* ‘бот. горькуха, горькуша (гриб)’; *qalxansız* ‘бот. кочедыжник (род папоротников)’; *qalxansifət* ‘зоол. щитомордник (змея)’; *qalxanşəkili* ‘щитообразный, щитовидный’; *qalxanşəkillilik* ‘щитовидность, щитообразность’; *qalxanvari* ‘щитовидный, щитообразный’; *qalxanvarilik* ‘щитообразность’.

Что же касается монгольских языков, то там вырисовывается следующая картина, где можно обнаружить семантические параллели с дериватами из рассмотренных выше тюркских языков:

Монг. халх	Бур. халх	Калм. –
1) халхавч 1) прикрытие, заслон, ширма, укрытие; 2) покровительство, защита; 2) халхавчлах прикрывать, пользоваться прикрытием,	1) халхабша 1) прикрытие, укрытие, заслон; 2) перегородка в юрте (<i>своеобразная ширма</i>); 3) <i>перен.</i> щит, экран; 4) забор; 5) <i>перен.</i> маска;	1) халхвч 1) прикрытие, заслон; 2) <i>перен.</i> покровительство; 3) <i>перен.</i> маскировка, ширма; 2) халхлгдх заслоняться; прикрываться; быть загороженным;

заслоняться, маскировать, скрывать; 3) халхлагдах загоразиваться, прикрываться, заслоняться, застилаться, быть загороженным; 4) халхлах заслонять, загоразивать, скрывать, застилать	2) халхабшалха прикрывать; 3) халхалха заслонять, загоразивать; прикрывать, прегрождать; 4) халхатаха покрываться слоем сала; 5) халхаташаха <i>интенс. от</i> халхатаха	3) халхллнн прикрытие, заслон; 4) халхлулх заслонять, загоразивать; прикрывать; преграждать; 5) халхлх 1) заслонять, загоразивать; прикрывать, преграждать; 2) покровительствовать, защищать; 3) <i>перен.</i> спастись, маскироваться; 6) халхц щит, прикрытие, преграда, заслон
--	--	---

Таким образом, лежащий в основе термина основной мотив, первичное значение, в монгольских, а также киргизском и караимском языках нашло большее отражение, т.е. в этих языках лексема означает ‘заслонять, прикрывать’, что и делает воин, используя при битве щит. В остальных тюркских языках широкое распространение главным образом получил образованный из данной основы военный термин, ставший новацией своей эпохи как обозначение предмета вооружения широко распространившийся как в родственных, так и неродственных языках, сохранив оригинальное название. Его деривация в тюркских и монгольских языках восходит к тому же семантическому полю ‘щит’, ‘защита (от ударов)’ или же ‘нечто плоское’. По нашему мнению, совпадение основы по семантике и в монгольских, и в тюркских языках может говорить о ее общности в эпоху тюрко-монгольского языкового

единства. Дальнейшее развитие ее в каждом языковых семьях происходило по своим линиям.

Нөгәр. Лексический материал татарского языка дает несколько орфографических вариантов этого слова: *нөгәр, ногәр, нөкәр, нүгәр, нүкәр, нукер, нэгәр, нээр*. Ср.: *Кыл якалы кырык нөгәр Кылдай булып тартылып, Хансарайга килгәндә, Кыл-кыл чәчен үстергән Кыл түбәле Кобогыл – Ул килгәннен карачы!* [букв. ...когда сорок нукеров пришли в ханский дворец...]. («Идегэй») *Алты кара ат эҗиктергел, Күп түшәкләр түшәткел, Мамык ястыклар ясаткыл, Ике яхишы нөгәрәң утырткыл...* [букв. ...посади двух хороших нукеров...]. («Идегэй») У Кутба также обнаруживается этот же вариант. *Сүзен дә ул, эшен дә тәмам итте: Алып күп дус-нөгәр атланды-китте*. [букв. ...взяв с собой много друзей-нукеров, сел верхом и уехал...]. (Котб) У других авторов, а также у современных исследователей количество вариантов увеличивается. *Ягалашып орышкан Батырларның кайберен Идел нүгәрә кылганмын*. [букв. Некоторых из батыров ... Я сделал волжскими нукерами]. («Идегэй») *Мәргән булып үссен, дип, Билеңә садак будырдым, Йөрәгәң батыр үссен, дип, Качкан яулар кудырдым. Йә колыным, мин сине Бигә лаек туды, дип, Бидә нүгәр алдырдым*. [букв. ...думая, что ты достоин бека, К беку отдал в нукеры...]. («Идегэй») последние два примера по версии Н. Хакима). *Гүр углы уника хатынга өйләнә, ләкин берсеннән дә баласы булмый. Ул йөз яшенә эҗиткәндә Исфаһан шәһәрәннән Хәсән ханны алып кайтып, аны үзенең улы дип игълан итә, һәм нүкәр егетләренә баш итеп куя*. [букв. Гёр углы ... привез из города Исфахан хана Хасана и объявил его своим сыном и поставил над своими нукерами] (М. Әхмәтҗанов). *Мәсәлән, без анда [«Кыйссаи Сәкам»да, XVII г.] хан, бик, инәк кебек социаль терминнарны сирәк очратабыз. Анда шаһ, шаһиншаһ, мәлик, вәзир, нөкәр, йалавыч (хезмәтче, яучы мәгънәсендә), пәһлеван*

кебек социаль терминнар өстенлек алуы кызыклы, мирза, тархан кебек терминнар бөтенләй очрамый. [букв. ...интересно, что там [в «Кысса-и Сакам» XVII в.] господствуют такие социальные термины, как шах, шахиншах, визирь, нукер, йалавыч...] (М. Әхмәтҗанов).

Как показывают и примеры, *нөгәр* означал ‘дружинника; телохранителя’. В толковом словаре татарского языка *нәгәр* – ‘гвардеец, воин, служащий в гвардии хана в древних тюркских и монгольских государствах’ [ТТАС, III, 830] В энциклопедическом словаре *нүкәр* ‘1) воин, состоящий в ханской службе, чаще всего принадлежал к знатному роду; 2) в 13 в. титул военачальников, позже – рядовых воинов’ [ТЭС, 473; МС, 358]. В близком к последнему значению слово это бытует и в восточных диалектах татарского языка, где *нүгәр* – ‘соратник, слуга хана, богатырь’ [ТТЗДС, 500].

Исследуемая лексема имеет многочисленные общетюркские и монгольские параллели с характерными для каждого из них фонетическими вариантами: тат. *нөгәр*, башк. *нөгәр/нәүгәр*, казах., к.-калп., туркм. *нөкер*, тур. *tiker*, аз. *нөкәр*, кирг. *нөкөр*, алт. *нөкөр*, кумык. *нөкер*, кар.-балк. *нөгер/дҗеҗёнҗер*, караим. *негер/нэгер*, уйг. *نوكه ر* [*нөкәр*], чув. *нүкер/некер*; п.-монг. *pökür*, монг. *нөхөр*, калм. *нөкр* [*нөкер*], бур. *нүхэр*.

В древних источниках: *nükär, pökär* [ДТС, 361], *noga(r)* [*нөгәр*] [СС, Махмутова, 1982, 121]. В трудах тюркологов: у Л.З. Будагова *نوكه ر нукер*, уйг., алт. *нөкөр*, кирг. *нөгөр*, монг. *нукур* [Будагов, II, 296], у В.В. Радлова *нөкәр* (чаг. = перс. монг.) *нөкөр* (тел., леб.) = *нөкәр, нөгөр* (< казах.) [III, 695]. Л.Т. Махмутова, исследовавшая татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики, указывает, что тат. *нөгәр* является заимствованием из перс. *нөгәр* [Махмутова, 1982, 121]. По всей видимости, ученая опиралась на словарь Л.З. Будагова, где также стоит помета о персидском

происхождении *ноғар* [Будагов, II, 296]. Однако, судя по всему, это слово само было заимствовано персами из монгольских либо тюркских языков.

Семантическое поле слова в тюркских языках сводится к следующему: 1) тат., башк., к.-калп., ДТС, ‘дружинник’, В.В. Радлов ‘солдат’; 2) тат. диал., башк., казах., кирг., тур., туркм., ‘слуга (телохранитель) феодала (или хана, или богатыря)’, ДТС ‘соратник, боевой друг’; 3) кирг., ‘отрок (княжеский)’; 4) кирг. ‘свита жены или дочери хана’; 5) аз., уйг., кумык., караим., ДТС., Л.З. Будагов, В.В. Радлов ‘слуга’; 6) алт., кар.-балк., СС, Л.З. Будагов, В.В. Радлов ‘товарищ’, кар.-балк. ‘напарник, партнер, соучастник, компаньон’; 8) кар.-балк. ‘попутчик’; 9) кар.-балк. ‘союзник’; 10) тат., башк., чув. ‘товарищ жениха, дружки жениха’, тат. диал. ‘тамада, ведущий на свадьбе’; 11) тат. диал. ‘форма обращения’.

Семантическое поле в монгольских языках сводится к следующему: 1) монг., калм., бур. ‘товарищ, друг, приятель’; 2) бур. ‘товарищ, гражданин’; 3) монг., калм. ‘мужчина’, бур. ‘супруг, муж’; 4) бур. ‘жена, супруга’.

Помимо этого, данное слово зафиксировано и в словарях других языков. Ср. перс. *نوکر* [*ноўкәр*] ‘слуга; лакей’, тадж. *навкар*, *нӯкар* ‘военный слуга феодала или правителя, подручный; слуга; лакей’, рус. *нукер* ‘служитель, отрок при господине, телохранитель; дружинник, воин личной охраны хана, князя и т.п. (у некоторых восточных народностей)’.

Что касается русского *нукер*, то в словарях А.Д. Михельсона (1865), М. Попова (1907), А.Н. Чудинова (1910) указывается на заимствование из татарского языка, В.И. Даль (1880) отмечает о кавказском происхождении слова. Словари и энциклопедии последних лет определяют монгольское происхождение лексемы. Ср. Большая советская энциклопедия (1969–1978), Советская историческая энциклопедия под редакцией Е.М. Жукова (1973–1982), Толковый словарь

иностранных слов Л.П. Крысина (1998), Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (1998) и др. Согласно М. Фасмеру, рус. *ну́кер* ‘телохранитель, слуга’ – заимствование из тюркских языков, которое происходит из монг. *nökür* ‘товарищ’ [ЭСРЯ, III, 89]. Посредство тюркских языков отмечает и Е.Н. Шипова [Шипова, 1976, 247]. Надо отметить, что в русском языке *нукер* используется в основном для описания сцен восточных народов. Ср. ...*Пронзительные крики царевича переполошили всех – на отчаянные призывы о помощи со всех сторон спешили садовники, нукеры* (Нукер – воин, телохранитель), *слуги и рабы*. (О. Кулаков). ...*Нукеров тысяча горячих – тумен каганом дан – / За доблесть темником назначил меня сам Чингисхан!* (Д. Лавров).

Чувашское *ну́кер/некер* рассматривается в «Этимологическом словаре чувашского языка» М.Р. Федотова, однако автор ограничивается перечислением слова в некоторых тюркских, монгольских и в русском языках, не впадая в подробные рассуждения о его происхождении [Федотов, 1996, I, 376]. По мнению Р.Г. Ахметьянова, тат. *нәгәр* ‘дружки жениха; ист. дружинник’ тат. диал. *нөгәр, нүгәр*, чув. *нёкер*, караим. *нәгәр*, кар.-балк., кумык. *негер* ‘соратник, боевой друг’ восходят к монг. *ногур*, откуда это слово было заимствовано многими языками [ТТКТЭС, 150]. Относительно тат., башк., чув. значения ‘товарищ жениха, дружки жениха’ интересно мнение Р.Г.Ахметьянова, согласно которому поволжско-тюркский свадебный обряд как бы имитирует отношения между феодальными владельцами: брачующиеся стороны – ханы или бии (невестка – ханша, свекор – *биата*, свекровь – *биана* и т.д.) [Ахметьянов, 1988, 74; Әхмәтъянов, 1997, 53]. Следовательно, жених на свадьбе играл роль хана, а его друзья имитировали свиту, охрану, дружину, которых стали именовать как дружинников, а именно *нөгәр*. Так, в тарском, калмакском говорах татарского языка

нүгэр ‘дружки жениха’ [ТТЗДС, 500], а в пермском говоре *кийәүнээр, кийәүнэгэр* стал ‘тамадой, красноречивым, находчивым ведущим на свадьбе’ [ТТЗДС, 307].

Наши исследования также подтверждают монгольское происхождение данного слова. Как уже было сказано выше, одним из важных показателей исконности слова в том или ином языке является большое число производных. Так, из монгольских языков в монгольском к слову *нөгэр* словарь предлагает 6, в калмыцком – 9, в бурятском – 13 дериватов:

<p>Монг. нөхөр 1) товарищ, друг; 2) муж</p>	<p>Калм. нөкр [нөкер] <i>уст.</i> 1) товарищ, друг, приятель; 2) муж, супруг</p>	<p>Бур. нүхэр 1) товарищ, друг; 2) товарищ, гражданин; 3) <i>почтит.</i> супруг, муж; 4) жена, супруга</p>
<p>1) нөхөрлөл 1) товарищество, дружба, сотрудничество; 2) кооперация; 3) кооперативный; 2) нөхөрлөх дружить, стать друзьями, быть товарищами, находиться в дружеских, приятельских отношениях; 3) нөхөрсөг дружественный, дружеский, товарищеский; 4) нөхөртэй</p>	<p>1) нөкрго [нөкерго] <i>уст.</i> 1) не имеющий друга; 2) незамужняя; 2) нөкрин <i>уст. род. п. от нөкр</i> товарищеский, дружеский; 3) нөкрлһн [нөкерлелһен] <i>и. д. от нөкрлх;</i> 4) нөкрлүлх [нөкерлүүлхе] <i>побуд. от нөкрлх;</i> 5) нөкрлх [нөкерлхе] <i>уст.</i> 1) дружить,</p>	<p>1) нүхэргүй 1) не имеющий друга; 2) незамужняя; 2) нүхэргүэдэхэ страдать в одиночестве; 3) нүхэржүүлхэ <i>допуст. от нүхэржэхэ;</i> 4) нүхэржэхэ преобретать друга (<i>или</i> товарища); 5) нүхэрзөө(н) друг, приятел; 6) нүхэрлэлгэ <i>книж. отлг. от нүхэрлэхэ;</i> 7) нүхэрлэхэ дружить;</p>

<p>1) замужня; 2) дружелюбный; 5) нөхөд товарищи, друзья; 6) нөхөдтэй 1) имеющий много друзей; 2) дружелюбный</p>	<p>быть товарищем; 2) стать мужем и женой; 6) нөкрсг [нөкерсег] общительный, компанейский; 7) нөкрсх [нөкерсхе] 1) любить общество, быть компанейским; 2) быть ловеласом; 8) нөкртэ [нөкертэ] замужняя; 9) нөкрхг [нөкерхег] любящий общество друзей</p>	<p>8) нүхэрхүү любящий общество товарищей; 9) нүхэрхэхэ гордиться (<i>или</i> хвастаться) своим товарищем; 10) нүхэрэй товарищеский, дружеский, приятельский; 11) нүхэр һүүдэр <i>парн.</i> близкий друг; 12) хани нүхэр <i>парн.</i> друг- приятель, близкий друг; 13) эжэл нүхэр <i>парн.</i> закадычный друг</p>
--	--	--

Что же касается тюркских языков, то в большинстве из них эта лексема фиксируется в единичном варианте (ср. тат., башк., уйг., кумык., туркм., тур., караим., к.-калп., алт., чув.). В словаре казах. языка, кроме основной, дается отвлеченная форма *нөкерлік*. В словаре кирг. языка – глагольная и отвлеченные формы: *нөкөрлө-*, *нөкөрлук*. Больше всего производных среди тюркских языков было образовано в карачаево-балкарском – их 7: *нёгер* ‘1) напарник, партнер, компаньон; сообщник, соучастник; 2) друг, товарищ; 3) попутчик; 4) союзник’, *нёгерлешдирирге* ‘коллективизировать, объединять’, *нёгерлешдирү* ‘коллективизация, объединение’, *нёгерлешдирмеклик* ‘отвл. к нёгерлешдирирге’, *нёгерлеширге* ‘сливаться в коллективы, объединяться’, *нёгерлешү* ‘сливание в коллективы,

объединение’, *нёгерлешимеклик* ‘отвл. к нёгерлеширге’, *нёгерлик* ‘1) отвл. к нёгер; 2) дружба; 3) ист. коллектив, объединение, товарищество’, *нёгерсиз* ‘1) одинокий, один; без напарника; 2) непарный, без пары’.

Итак, в монгольских языках в семантике слова преобладает значение ‘близкий, надежный человек; друг’. Будучи исконной, в этих языках лексема имеет широкую семантику и большое число дериватов. В тюркских языках семантика слова претерпела определенный сдвиг, где оно приобрело значение военного термина. В последних дериваты или отсутствуют вообще, или в них имеется небольшое их число, что характерно для заимствований. Широкое распространение данной лексемы в тюркских языках с общими для большинства из них значениями, а также довольно широкое семантическое поле указывают на то, что это слово было заимствовано в древнейшее время.

Исходя из сказанного, вырисовывается следующая картина: у монголов этим термином обозначался ‘свободный воин, обязавшийся служить своему вождю’ [Владимирцов, 1934, 87]; у тюркских народов этим термином обозначался ‘дружинник, военный слуга’ [Кононов, 1958, 9, 80]. Более подробную историческую справку дает «Советская историческая энциклопедия», в которой говорится, что *нукеры* – это дружинники предводителей родов и племен в период разложения родового строя и развития феодальных отношений в Монголии. *Нукеры* – вооруженные свободные люди, добровольно служившие нойонам и ханам и находившиеся на их содержании. Во время войны они прежде всего воины, в мирное время – стража и «домашние люди», приближенные. За службу нукеры первоначально получали кров, пищу, одежду и вооружение, а затем часть военной добычи и пожалования земель и крепостными, что способствовало превращению их в обычных вассалов

крупных феодалов. Термин *нукеры* в 14–20 вв. у народов Передней и Средней Азии стал употребляться в значении ‘слуга’ [Советская историческая энциклопедия].

Таким образом, первоначально слово означало соратника, спутника, готового помочь в трудную минуту. В тюркских языках оно стало обозначать боевого друга, телохранителя, дружинника. Именно в этом значении оно использовалось в татарском языке, а также бытует в его диалектах. Ср. *нугар* в тевризском говоре ‘соратник, слуга хана, богатыря’ [ТТЗДС, 500]. В дальнейшем, по всей вероятности, социальный статус данного сословия стал падать, и в некоторых тюркских языках *нөгәр* стал обозначать уже не соратника, а слугу, лакея.

Улҗа. В переводных русско-татарских словарях к словам ‘трофей, военная добыча’ обычно приводятся их эквиваленты *ганимәт, трофей, сугыш табышы*. Однако фольклорный материал дополняет этот ряд еще одним синонимом – **улҗа**, который по каким-то причинам не зафиксирован ни в одном современном толковом словаре татарского языка. Оно часто встречается в пословицах. Ср.: *Артык улҗа башка имгәк. [букв. Излишняя военная добыча – беда голове]. Ачкүз улҗа өчен үлә, көнчел көнләве белән бөлә. [букв. Жадный умирает за трофей, завистливый своей завистью разоряется]. Качкан яуның улҗасы юлда калган. [букв. У убежавшего войска врага трофей остался на дороге]. Яманга улҗа төшсә, өлгәшә алмый җәңи чыгар. [букв. Если плохой человек получит трофей, он измучается, не зная как разделить его].* В такой же фонетической оболочке и с такой же семантикой слово употреблено и в дастане «Идегей». Ср.: *Кисмә-кисмә сары алтын, Мөһер суккан саф алтын, Энҗе-гәүһәр, якутны Халкыма мин барын Кисеп улҗа кылганмын!* [букв. ... золото, жемчуг... сделал я всё это для своего народа добычей...]. В диалектах татарского

языка слово бытует в нескольких фонетических звучаниях: *өлҗә*, *өлца* (брб.), *уца* (тбл., тар.), *улҗа* (кргл.) [ТТЗДС, 503, 504, 680]. Кроме того, Р.Г. Ахметьянов в «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» использует его в форме *улҗә*, М.И. Ахметзянов при транслитерации «Шәжәрәи төрек» употребляет слово в форме *өлҗә*: *Аннан [остаз кешедән] күреп һәммә кешеләр арба ясап, өлҗәдән тигән малларын йөкләп кайттылар* [букв. ...увидев у него, все люди сделали телеги и вернулись загрузив выпавшие им трофеи...]. Слово также сохранилось в составе антропонима *Үлҗәбай*, которым, по мнению Г. Саттарова, нарекали мальчика-найденыша [Саттар-Мулилле, 1998, 324].

Необходимо отметить и то, что *улҗа* использовалось и в сочетании с арабским заимствованием *әсир*: *[Гүр хан] Өргәнечне чапты, өлҗә вә әсир алды, кальгасын камап утырды* [букв. [Гюр хан] пошел на Ургенч, захватил трофеи и пленных...]. Шәжәрәи төрек. Но как видно из данного примера, *улҗа* использовалось не для обозначения военнопленных, а имело значение трофеев (оружия, лошадей и т.д.), для обозначения же пленников употреблялось слово *әсир*. Использование этих слов вместе давало некое собирательное значение.

Данная лексема зафиксирована в некоторых древних письменных памятниках. В грамматическом трактате XIV в. «Ат-тухфа...» встречается в форме *олжа*, где также дается ее производное *олжала-* [Изысканный..., 355]. В Codex Sumanicus зафиксирована как *олҗа* [Күрьшжанов, 1978, 104]. В словаре Л.З. Будагова: *чаг., кирг. اولچە (ө)اولچە*, [Будагов, 153]. В.В. Радлов приводит практически все фонетические варианты этого слова в тюркских языках: *олја* (шор.) = *олјо, олја, олҗа; олјала-*; *олјо* (алт., тел.); *олјоло-*; *олјолү*; *олја* (тар.) [1088]; *олјо* (кирг.) = *олја* [1089]; *олча* (чаг.) = *олҗа* [1093]; *олҗа* (чаг., караим., монг.); *олҗала-* [1094];

олжсалаш-; *олца* (коман.) = *олжса*; *олджа* (караим.) = *олжса*; *олджсала-* (караим.) = *олжсала-*; *олджсо* (чулым., бар.) = *олжса*; *олджсоло-* (чулым., бар.) = *олжсала-*; *олжса* (кирг.=казах.) = *олжса*; *олжсала-* (кирг.=казах.); *олжсалы* (кирг.=казах.) [1095].

Исследуемая лексема встречается во многих тюркских и монгольских языках: тат. *улжса*, башк. *улъя*, казах., к.-калп., кумык. *олжа*, узб. *ўлжа*, туркм. *олжса*, уйг. *ئولجا* [*олжса*], караим. *олджа/олдза/олца*, алт. *олжо*, кирг. *олжсо*, тур. диал. *olca*, тув., шор., хак., тоф. *олча*; монг. *олз*, бур. *олзо*, калм. *олз* [*олзъ*].

Семантическое поле лексемы в тюркских языках сводится к следующему: 1) во всех языках, кроме алт. и шор., ‘трофей, добыча’; 2) кумык. ‘жена, супруга’; 3) хак. ‘то, что добыто силой’; 4) караим., тат. диал., Л.З. Будагов ‘военнопленный’; 5) алт., шор. ‘плен’; 6) казах., тат. диал. ‘прибыль’; 7) туркм. ‘легко добытое имущество’; 8) тув. ‘выгода, удача’; 9) тат. диал. ‘радость – *говорится при толковании, предсказывании*’; 10) тув. ‘перен. пополнение в семье (*о только что родившемся ребенке*)’.

В монгольских языках значения сводятся к следующему: 1) монг., калм., бур. ‘выгода’; 2) калм., бур. ‘прибыль, доход’; 3) калм., бур. ‘добыча’; 4) монг., калм. *воен.* ‘трофей’; 5) монг., калм. ‘находка’.

Кроме этих языков слово зафиксировано и в маньчжурском языке: *олжси* ‘1) пленник, военнопленный; 2) добыча (*военная*)’, *олжсила-* ‘1) брать в плен; 2) представлять пленника (*или отрубленную голову неприятеля*); 3) добывать добычу’. Э.В. Севортян считает маньчжурское слово заимствованием из монгольских языков [ЭСТЯ, I, 447]. В.И. Рассадин придерживается такого же мнения [Рассадин, 1971, 211]. Однако образование из данной основы глагола с помощью тюркского аффикса *-ла* позволяет усомниться во влиянии монгольских языков в появлении данного слова в тунгусо-маньчжурских языках. Кроме всего этого, фоне-

тическая оболочка лексемы также более близка к тюркским языкам, поэтому данное слово могло проникнуть в маньчжурский посредством какого-либо тюркского языка.

Этимология слова не вызывает сомнений ни у одного исследователя: это монгольское заимствование в тюркских языках. Так считает Э.В. Севортян. Он же подчеркивает, что Г. Рамстедт, М. Рээнэн, Н.Н. Поппе и Г. Дёрфер также указывали на монгольское происхождение лексемы [ЭСТЯ, I, 447]. В.И. Рассадин также возводит тофаларское *олча* к монгольскому *олз* [Рассадин, 1971, 211]. Татарское *улжэ*, по мнению Р.Г. Ахметьянова, тоже монгольское заимствование. [ТТКТЭС, 223] Все эти ученые единодушны в том, что слово образовано из монг. *ол-*, бур. *оло-* ‘находить, обнаруживать, добывать, получать, приобретать’. Э.В. Севортян все же приводит мнение Б.Я. Владимирцова, по которому корень слова *олжэ* мог иметь тюркское происхождение [ЭСТЯ, I, 447].

Наши исследования подтверждают монгольское происхождение слова. Как уже было сказано выше, одним из важных показателей исконности слова в том или ином языке является большое число производных. Данные из монгольских языков мы свели в таблицу.

Монг. олз ‘находка, добыча, трофей, выгода’	Калм. олз [<i>олзь</i>] 1) польза, выгода; 2) <i>воен.</i> трофей; 3) находка; 4) доход, прибыль; барыш; 5) добыча’	Бур. олзо 1) прибыль, доход; 2) выгода; 3) добыча
1) олз-ашиг <i>парн.</i> доход, прибыль; 2) олзвор добыча, промысел;	1) олздулх [<i>олзьдуулхь</i>] <i>побуд. от</i> олзлх; 2) олзин <i>род. п. от</i> олз: подходящий;	1) олзобори добыча; промысел; 2) олзоборилго 1) <i>см.</i> олзобори; 2) присвоение;

<p>3) олзворлолт добывание;</p> <p>4) олзворлох 1) добывать, промышлять, эксплуатировать; 2) добывающий;</p> <p>5) олзлогдогсод пленные;</p> <p>6) олзлогдох попадать в плен;</p> <p>7) олзлох 1) брать в плен, брать трофеи; 2) извлекать выгоду, пользу;</p> <p>3) находить добычу, добывать, приобретать;</p> <p>8) олз-омог <i>парн.</i> доход, прибыль;</p> <p>9) олзоргхог корыстный;</p> <p>10) олзорхох стремиться к выгоде, извлекать пользу,</p> <p>выгадывать;</p> <p>11) олзуурхах радоваться находке, быть довольным добычей, выгодой;</p> <p>12) олзуурхуу стремиться к выгоде</p>	<p>3) олзлгдх <i>[олзълъгдъхъ]</i> быть использованным, использоваться;</p> <p>4) олзллһн <i>[олзъллһън]</i> использование;</p> <p>5) олзлм <i>[олзълм]</i> годный;</p> <p>6) олзлх <i>[олзълхъ]</i> 1) находить добычу; добывать, преобретать;</p> <p>2) получать прибыль, доход;</p> <p>3) извлекать пользу, выигрывать;</p> <p>7) олз-ору <i>[олзъ-ору]</i> <i>парн.</i> доход, прибыль; барыш;</p> <p>8) олз-орш <i>[олзъ-оръш]</i> <i>парн.</i> нажива;</p> <p>9) олзрхг <i>[олзърхъг]</i> корыстный, стяжательский;</p> <p>10) олзрхдго <i>[олзърхъдго]</i> бескорыстный;</p> <p>11) олзрхулх <i>[олзърхуулхъ]</i> <i>побуд. от олзрхх;</i></p> <p>12) олзрхх</p>	<p>3) олзоборилгын промысловый;</p> <p>4) олзоборилогдохо добываться;</p> <p>5) олзобориho промышлять;</p> <p>6) олзоборишон добытчик (<i>об охотнике, рыбаке</i>);</p> <p>7) олзогүй невыгодный, убыточный;</p> <p>8) олзогүйдэхэ не иметь добычи (<i>о неудачной охоте</i>);</p> <p>9) олзогүйдэшэхэ оказываться без добычи;</p> <p>10) олзоллогдохо <i>страд. от олзолхо;</i></p> <p>11) олзолуулха <i>допуст. от олзолхо;</i></p> <p>12) олзолхо 1) находить добычу, добывать, приобретать;</p> <p>2) получать прибыль (доход); 3) извлекать пользу;</p> <p>13) олзорхохо стремиться к выгоде, выгадывать; жадничать;</p> <p>14) олзорхуу удачливый, счастливый (<i>на добычу</i>);</p> <p>15) олзорхуулха</p>
--	---	---

	<p><i>[олзърхъхъ]</i> 1) стремиться к выгоде, выгадывать; 3) жадничать; 13) олзга <i>[олзъта]</i> ‘выгодный, доходный; 14) олзгаһар <i>[олзътаһар]</i> выгодно, полезно, доходно; 15) олз-тус <i>[олзъ-тусъ]</i> парн. выгода, польза, доход; 16) олзч <i>[олзъчъ]</i> 1) тот, кто не имеет прибыль; 2) барышник</p>	<p><i>допуст. от</i> олзорхохо; 16) олзотой выгодный, доходный; 17) олзошолхо промышлять (<i>охотиться, ловить рыбу</i>); 18) олзошо(н) 1) добытчик (<i>об охотнике</i>); 2) перен. делец; 19) олзо хүбүүн побочный сын; 20) олзо хүн пленник; 21) олзо басагад пленницы; 22) олзуурханги 1) довольный; 2) падкий на деньги, стяжательный; 23) олзуурхаха 1) радоваться находке (добыче); 2) всегда стремиться к выгоде; быть падким на деньги, быть стяжательным; зариться; 24) олзуурхуу падкий на деньги; 25) олзуурхуулха <i>понуд. от олзуурхаха</i>; 26) олзын подоходный</p>
--	--	--

Как видно, в монгольском языке слово имеет 12, в калмыкском – 16, в бурятском – 22 деривата с довольно близким для всех языков семантическим полем. Если провести подобные наблюдения по тюркским языкам, то выявляется следующая картина. В киргизском языке слово стало плодотворной базой для образования дериватов. Киргизско-русский словарь К.К. Юдахина фиксирует порядка 12 производных данной основы. Ср.: *олжо* ‘добыча, трофей (на войне, на охоте)’, *олжоло-* ‘захватить в качестве добычи, трофея; брать в плен’, *олжолон-* ‘возвр. от олжоло-; 1) быть взятым в качестве военной добычи, трофея, попасть в плен; 2) получить добычу’, *олжолот-* ‘понуд. от олжоло-’, *олжолош I* ‘участник в доле добычи’, *олжолош- II* ‘взаим. от олжоло-’, *олжолуу* ‘с добычей’. Кроме этих синтетических форм тут же даются и аналитические: *олжо катын* ‘ист. жена, полученная в качестве военной добычи’, *олжого түш-* ‘попасть в плен в качестве добычи’, *олжого түшүр-* ‘пленить в качестве добычи’, *олжого бат-* ‘получать большую добычу’, *олжо-буйла* ‘всякого рода добыча’, *олжо агасы* ‘ист. человек, которому несколько лиц сообща подарили коня’.

Чуть меньшее количество дериватов дает казахский словарь: *олжа*, *олжага бату*, *олжалану*, *олжалау*, *олжалы*, *олжалы болу*, *олжасыз*. Семантика слов в казахском языке совпадает с киргизским.

Довольно близко к монгольским языкам семантическое поле тув. *олча* ‘1) находка, добыча; 2) выгода, удача; 3) перен. разг. пополнение в семье (о только что родившемся ребенке)’. Производные: *олча-ажык* ‘1) доход; доходность; 2) подходящий’, *олча-ажыктыг* ‘доходный’, *олчааргаар* /*олчаарга-* / ‘проявлять склонность присвоить (прикарманить)’, *олчааргак* ‘склонный присвоить (прикарманить)’, *олчазырак* ‘см. олчааргак’, *олчалаар* /*олчала-* / ‘грабить’, *олчалаашкын* ‘грабёж’, *олчаладыр* /*олчалат-* / ‘понуд.-страд. от олчалаар’, *олчалыг*

‘1) выгодный, доходный, несущий удачу; 2) имеющий добычу (напр., об охотнике)’.

В караимском языке также наблюдается определенное количество производных. Ср.: *олджа/олдза/олца* ‘1) добыча; прибыль; 2) пленный’, *олджала-/олдзала-* ‘брать в плен; отбирать, захватывать, грабить’, *олджалавчы / олджалывчы / олдзалавицу* ‘грабитель’, *олджалама* ‘трофей’, *олджалан-/олдзалан-/олцалан-* ‘быть захваченным; быть ограбленным’.

В остальных тюркских языках, где имеется это слово, от него не было образовано дериватов или же образовано не более 2–3. Ср.: башк., кумык., к.-калп., уйг., тур. диал., тоф. словари не фиксируют производных; в некоторых тюркских языках от исследуемой основы были образованы глаголы: тат. диал. *улцалау* ‘получить прибыль, иметь пользу’, туркм. *олжоломак* ‘захватить в качестве военной добычи’, хак. *олчалирга* ‘добывать что-л. силой (в бою, воровством)’, шор. *олчала-* ‘пленить, взять в плен’, узб. *ўлжа қилмоқ* ‘1) захватывать трофеи (добычу); 2) перен. раздобыть’, *ўлжа олмақ* ‘захватывать, захватить трофеи’, алт. *олјолоткон* ‘пленный (напр., воин)’, *олјого алар* ‘взять в плен’, *олјого кирер* ‘сдаться в плен’, *олјодо јүрер* ‘быть в плену’.

Таким образом, в тюркских языках наблюдается меньшее количество дериватов от *улжа*, чем в монгольских, что и является несомненным доказательством его монгольского происхождения. К тому же исследуемая лексема в современных монгольских языках не утратила своего активного употребления, тогда как в большинстве тюркских она перешла в разряд историзмов. Данное слово в близкой к тюркским языкам форме зафиксировано и в маньчжурском языке. Семантическое расширение лексемы практически во всех исследуемых языках происходило в одном направлении, т.е. и основа, и производные по своему содержанию совпадают. Есть еще один момент: в мусульманских

тюркских языках в письменной и научной литературе доминировал арабский язык, поэтому слово *улжа* могло быть вытеснено из обихода арабским заимствованием *ганимэт*. По нашему мнению, это слово издревле было общим для тюрко-монгольской общности далеко до монгольских завоеваний, т.к. столь широкое употребление и распространение его по схожей форме и единому содержанию не могло бы произойти за столь короткий период.

Подитожив вышесказанное, необходимо отметить, что тюрко-монгольский пласт военной лексики несомненно является одним из древнейших пластов, происхождение многих лексем которого в большинстве случаев вызывает сомнения, поэтому у исследователей не всегда есть четкое представление о возникновении того или иного слова в среде тюркских или монгольских языков: одни придерживаются мнения о тюркском его происхождении, другие считают его монгольским. Нами проанализирован следующий ряд слов, общих для данных семей языков: *кун-* ‘ночевать; сделать привал’, *калкан* ‘щит’, *нөгәр* ‘дружинник’, *улжа* ‘трофей’. Происхождение данных слов определить трудно и с помощью сравнительно-исторического анализа, поэтому наши исследования также могут быть оспоримы.

В тюрко-монгольский пласт можно отнести и слова *урда* ‘ставка хана’, *барымта* ‘набег с целью угона или возврата силой угнанного скота, умыкания женщин, отобранного имущества’, *батыр* ‘богатырь, герой’, *жыда* ‘копье, пика’, *камчы* ‘камча, плеть’, *каравыл* ‘караул, стража’, *куяк* ‘панцирь’, *маңгай/маңлай* ‘авангард’, *оран* ‘боевой клич, призыв’, *садак* ‘колчан’, *чирү* ‘войско’ *ялау* ‘знамя’ и др. Многие из перечисленных слов в современном татарском языке считаются устаревшими. К таковым относятся *жыда* ‘копье, пика’, *куяк* ‘панцирь’, *нөгәр* ‘дружинник’, *улжа* ‘трофей’, *чирү* ‘войско’. Эти слова уже не понятны носителям

современного татарского языка, словари не фиксируют производные от них, поэтому большинство исследователей их происхождение возводят к монгольским языкам.

Судя по письменным памятникам, до начала монопольного влияния арабского языка такие термины, как *улжа* ‘трофей’ и *чиру* ‘войско’, были довольно активны в языке, впоследствии же их вытеснили арабские эквиваленты *ганимат* и *гаскар*, последний из которых является литературной формой и в современном татарском языке.

Некоторые из данных параллелей сформировались как военные термины только в тюркских языках: *калкан*, *нөгәр*.

Такое большое количество военной лексики, общей для монгольских и тюркских языков, дает основание утверждать, что речь следует вести не о чуждом монгольском влиянии на тюркские языки и заимствованиях эпохи монгольских завоеваний: заимствования не могут распространиться так широко, равномерно и в такой сравнительно короткий исторический промежуток. Речь может идти только о тесном взаимопроникновении языков и народов, причем за много веков до монгольских завоеваний, о единстве языков в определенный период их истории, возможно об их родстве.

2.3. Общетюркский пласт военной лексики

Словарный состав любого языка не статичен, он находится в постоянном движении: какие-то слова забываются, какие-то заимствуются, какие-то приобретают новые значения и т.д. В этом постоянном движении немаловажную роль играют исконные лексические единицы. Для большинства тюркских языков, в том числе и татарского, подавляющее большинство активной лексики составляет общетюркский пласт. Под общетюркской лексикой надо понимать тот пласт лексики, который параллельно представлен во всех или в абсолютном

большинстве тюркских языков. Общетюркская лексика сформировалась в древнейшие эпохи, в период относительно более однородного состояния тюркских языков.

Анализ показывает, что военная лексика в составе общетюркского пласта занимает сравнительно большое место. В предложенной классификации по лексико-семантическим группам дается наиболее распространенная часть общетюркской военной лексики, т.к. основную ее массу в татарском языке составляет именно данный пласт.

1. Название оружия и его видов. Данная тематическая группа оказалась самой богатой. Оружие составляет центральное звено в понятийном поле военной лексики. Этим и обусловлено то, что наибольшее количество лексем приходится именно на эту группу слов. В ее составе выделяются следующие лексико-семантические группы, отражающие характер применения, процесс развития оружейного дела:

1. Название оружия вообще: *корал* ‘оружие’; в целом, когда речь идет об оружии в собирательном значении, во многих тюркских языках оно передается парными словами: хак. *ух-чаа*, *ух-тар*, шор. *оқ-тар*, алт. *мылтык-јенсел* и др. Компоненты таких парных слов могут быть как общетюркскими, так и заимствованными. В татарском *корал-ярак* ‘оружие, снаряжение’ второй компонент является устаревшей формой и носителями языка не воспринимается как отдельное понятие. Оно встречается еще лишь в одном слове *кирэк-ярак* ‘всякие необходимые вещи’. В словарях некоторых других тюркских языков оно зафиксировано с пометой устаревшее: башк. *ярақ*, кирг. *жарак*, казах., к.-калп. *жарақ*, уйг. *ياراق* [*йарақ*], туркм. *яраг*, тур. *уарак* ‘оружие, снаряжение’, хак. *чарах* ‘поминки’ и др., а также в парных словах в уйг. *قۇرال-ياراق* [*қурал-йарақ*], *كيريە* [*керэк-йарақ*] кирг. *керек-жарак*, туркм. *герек-ярак*, хак. *кирек-чарах* и др.;

2. Названия рубящего и режущего оружия: *айбалта* ‘секира’, *кылыч* ‘сабля, меч’.

3. Названия колющего и метательного оружия: *пычак* ‘нож’, *сөңге* ‘копье, пика’.

4. Названия ударного оружия: *күсәк* ‘дубина’, *чукмар* ‘булава, кистень’, *суел* ‘дубина, палица’.

5. Названия орудия, предназначенного для стрельбы, и его части: *жәя* ‘лук’, *кереш* ‘тетива’.

6. Названия стрелы и ее наконечников. Эта подгруппа делится нами на несколько микрогрупп:

1) самым распространенным названием стрелы в тюркских языках является *ук* ‘стрела’. В каждом конкретном языке из данной основы появились новые слова, как правило, характеризующие те или иные качества стрелы. Например в татарском *сәрти* *ук* ‘стрела, предназначенная для дальней стрельбы’, *жиде тотам* *ук* ‘стрела, равная ширине семи ладоней’;

2) названия наконечников стрел: *башак*, *очлык* ‘наконечник стрелы’. Ср: аз. *учлуг*, казах. *уштык*, к.-калп. *ушлык*, кирг. *учуна кийгизгич*, ног. *ушлык*.

7. Название огнестрельного оружия: *мылтык* ‘ружье’, *туп* ‘пушка’.

Даже простое перечисление видов оружия ясно показывает, что тюрки были хорошо знакомы с различными его видами, изготавливали их и умело пользовались ими. Данная лексико-семантическая группа формировалась в течении многих веков, в разное историческое время.

2. Названия защитного снаряжения. Защитное снаряжение было призвано обезопасить воина от поражения во время боевых столкновений и единоборств. Надеваемое и одеваемое оборонительное снаряжение называлось *савыт* ‘панцирь, латы’. Ср: тат., ног. *савыт*, башк. *һауыт*, казах.

сауыт, к.-калп. *саўыт*, кар.-балк. *сауут*, кумык. *савут*, тур. *savut*, уйг. ساۋۇت [*савут*], узб., туркм. *совут*, кырг. *соот* ‘латы’.

3. Название футляров для хранения оружия. Для хранения сабель, мечей, кинжалов использовались ножны – *кын/кыны*, в некоторых тюркских языках футляр для хранения ножа назывался *кынап*.

4. Названия воинских соединений. По свидетельству исторических источников, большинство тюркских войск, в том числе татарские, имели четкую дифференциацию, отличались мобильностью и строгой дисциплиной. Военные отряды формировались ополченским способом: десятка – *ун*, сотня – *йөз*, тысяча – *мең*, десять тысяч – *төмән*. К названиям, обозначающим функции воинских подразделений, нами отнесено: *кул* или *канат* ‘крыло, фланг’, *уң кул* ‘правый фланг’, *сул кул* ‘левый фланг’.

5. Обозначения воинов, бойцов: *алып* ‘рыцарь’, *укчы* ‘стрелок’, *сакчы* ‘караульный, часовой’, *олан/оглан/углан* ‘солдат гвардии’.

6. Слова, обозначающие военачальников. С возникновением армий, военных сил в них появляются чины и должности, происходит дифференциация на простых военно-служащих и военачальников. В отдельные исторические периоды они назывались по-разному. Данная лексико-семантическая группа состоит из наименования полководца, командира: *меңбашы* ‘тысячник, предводитель тысячи воинов’, *сүбашы* ‘полководец’, *төмән башы*, *төмән бәге* ‘предводитель десятитысячного войска, темник’, *йөзбашы* ‘сотник’, *унбашы* ‘десятник’.

7. Названия отдельных эпизодов военного театра. Военное дело состоит не только из отдельных предметов, вещей, оружия, снаряжения и людей, пользующихся ими. Важнейшей частью военного дела является и стратегия, воинская тактика, поэтому военная лексика включает также

слова и выражения, отражающие боевые действия. Данная лексико-семантическая группа подразделяется на следующие микрогруппы:

1) слова, обозначающие понятие «битва»: *кыргын* 'кровавое побоище' *орыш* 'битва; драка; сражение', *тукыш* 'война', *сугыш* 'война'.

2) слова, с понятием «окружить»: *кама-у*, *кама-п алу* 'окружение; окружать, окружить'

3) слова с понятием «стрелять; произвести выстрел; выстрел»: *ат-у* 'стрелять; стрельба', *атыш* 'стрельба, пальба'.

4) слова, обозначающие победу: *жичу* 'победа; победить'.

8. Название мишени. Во многих тюркских языках мишень передавалась и передается словом *мэрэ/мэрай*.

9. Название символов и воинских реликвий воинской части. К таким символам в первую очередь относятся боевые знамена, которые олицетворяют ее честь, доблесть, славу и боевые традиции, указывают на предназначение воинской части и ее принадлежность. В большинстве тюркских языков знамя передается лексемой *байрак*.

10. Наименования трофеев и пленных. Не всякая война направлена на полное уничтожение противника. Целью войн могут быть захват земель, имущества, угон скота (*барымта*), кровная месть. Поэтому в составе военной лексики выделяются и такие подгруппы:

1) наименования пленных: *бөлген*, *тоткын* 'пленник', *тотсак*, *туснак* 'пленный раб', *тел* 'язык – пленник из лагеря противника, используемый для получения информации'.

2) в данную лексико-семантическую группу мы посчитали нужным включить и наименования снаряжения, надеваемого на пленных, поскольку они составляют малочисленную группу и близки по тематике: *богау* 'оковы, кандалы'.

Как уже было отмечено выше, данная классификация не является исчерпывающей. Большое количество военной лексики, спорные моменты в происхождении и др. не позволяют включать каждую лексему в предложенную систему группировки терминов; сюда также не включены слова алтайского пласта и тюрко-монгольские параллели. Объем работы не позволяет давать подробный анализ каждому термину, поэтому ниже в сравнительно-историческом аспекте будут рассмотрены лишь несколько наиболее интересных, на наш взгляд, лексем, присутствующих практически во всех тюркских языках.

Корал. Оружие как средство защиты и нападения, а также совокупность таких средств в татарском языке передается словом *корал*. В диалектах *қорал* употребляется как синоним слова *мылтык* ‘ружье’ [ТГЗДС, 414]. В литературном языке *корал* еще означает ‘вооружение; орудие, средство (труда, производства), инструмент (измерительный, столярный, музыкальный)’ [ТРС, 2007, 610].

Кроме татарского, исследуемая лексема встречается практически во всех тюркских языках кыпчакской группы с небольшими фонетическими отличиями. Ср. тат., башк., ног. *қорал*, казах. *құрал*, узб. *қурол*, к.-калп. *қурал*, уйг. *قۇرال* [*қурал*], кирг. *курал*, кумык. *кьурал*, тур. *kural*, чув. *кӳрал*. Из неродственных языков данная лексема была заимствована марийским в форме *курал*, удмуртским – в форме *кырал*.

В.В. Радлов фиксирует два варианта данной лексемы: *курал* (тюм., бар.) и *куран* (чаг.) ‘оружие’ [Радлов, 923]. В словаре Л.З. Будагова приводится лексема *قۇرال* [*қурал*], а также основа *قور* [*қур*], имеющая девять значений, в том числе ‘оружие’: ‘1) приближенный, сверстник; 2) пояс, кружок; 3) оружие; 4) стена, строение, защита; 5) мост; 6) время, случай, обстоятельство; 7) пустой; 8) род кур; 9) слепой (видимо ошибочно от глагольной основы *күр/кӧр*. –

Р.С.)'. Кроме этого, здесь зафиксирован глагол *قور* [*кур-*] 1) приготовить, расположить, возводить, раскинуть, строить, поставить, зарядить; 2) ограждать, охранять, защищать, оберегать вещь или землю, сделать заповедным, недоступным для других. Л.З. Будагов подчеркивает, что тат. *قورال* [*курал*] 'оружие, орудие, снаряд всякого рода, препарат' образовано из данного корня [Будагов, II, 73].

В тех языках, где встречается слово *қорал*, его доминирующей семантикой является 'оружие, вооружение' и 'орудие, инструмент'. Эти два значения тождественны во всех исследуемых источниках. В целом же по данным словарей семантическое поле лексемы сводится к следующему: 1) во всех источниках (В.В. Радлов, Л.З. Будагов) и исследуемых языках, кроме кумык., тур., 'оружие, вооружение'; 2) во всех источниках: В.В. Радлов, Л.З. Будагов, и исследуемых языках, кроме тур., 'инструмент, орудие'; 3) тат., казах., чув. 'средство, способ'; 4) Л.З. Будагов 'снаряд всякого рода, препарат'; 5) тур. 'правило'.

Хотя кумыкско-русский словарь переводит *кърал* словами 'орудие, инструмент', его дериваты имеют и военную семантику: *къралланган* 'прям., перен. вооруженный', *къралландырмак* 'вооружить' и др.

В марийский язык лексема *курал* 'орудие, инструмент; вещи, предметы' с небольшим семантическим сдвигом попала из тат., башк. *корал* [Егоров, 1996, I, 257; Исанбаев, 1994, 85]. Удмуртское *кырал* '1) инструмент, орудие, средство; 2) оружие, вооружение' также заимствовано из тат. или башк. *корал* [Тараканов, 1993, 94].

В литературе, кроме *корал*, значение оружия передавалось сохранившейся в современном языке в качестве компонента парного слова *кирэк-ярак* 'принадлежности, необходимые вещи' лексемой *ярак/жсarak*, арабским заимствованием *силах*, а также парными словами с

собираемым значением *корал-ярак*, *ук-жэя*, *ян-ук* и др. с общей семантикой 'вооружение'.

В «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егоров ограничивается перечислением тюркских соответствий к чув. *кӑрал* [Егоров, 1964, 100]. А М.Р. Федотов подчеркивает, что чув. *кӑрал* – заимствование из других тюркских языков. В происхождении же данного слова исследователь ссылается на В.В. Радлова и считает его производным от *кур-* 'поставить, устроить, приготовить, расположить' [Радлов, II, 919]. По его мнению, тат. *кор-*, башк. *қор-*, чув. *хур-/хор-* 'строить, сооружать, воздвигать' (ср. тат. *кура* 'надворные постройки' – Р.С.) родственно со словом *корал* [Федотов, 1996, I, 257]. По мнению же Р.Г. Ахметьянова, тат. *корал* 'оружие; инструмент' чув. *кӑрал*, мар. *кырал* восходят к общекрыпчакскому языку и вместе с узб., уйг. *курал* 'оружие', ног., кумык. *курал* 'музыкальный инструмент', тур. *kural* 'правило' образованы из др.-тюрк. *курғал* 'оборона' на основе глагола *курға-у*, *корға-у* 'окружать, защищать окружив'. По мнению исследователя, и *корал*, и *курған/корған* имеют общий корень. [ТТКТЭС, 112].

На наш взгляд, указанные точки зрения не противоречат друг другу, поскольку слово *курға-/корға-* 'защищать', по всей видимости, образовано из *кур-* (ср. тур. *korutak* 'защищать, охранять'), а уже из последнего в кыпчакских языках появилось значение оружия. Что касается *кур-* 'сооружать, строить' [Радлов, II, 919] и *кур-* 'защищать' [Будагов, II, 77], то на наш взгляд, нельзя исключать возможность родства между ними. Общим мотивом для каждого из них может быть значение 'строить, сооружать в целях защиты'.

Соңге – копьё, представляет собой колющее древковое оружие ближнего боя, состоящее из железного наконечника и древка.

В древних источниках: *суну* ‘копье’ [МК, III, 379], *сунгу* ‘копье, пика’ [Махмутова, 1982, 130], *суну* ‘копье’ [Изысканный..., 1978, 368], *сунуи*, *сунуиг* ‘копье’ [ДТС, 517]. Копья широко использовались еще с самых древнейших времен. Об этом свидетельствуют древние письменные источники, где на основе и внутри семантического поля этого термина зафиксировано немало дериватов. Позднее в связи с отсутствием потребности в такого рода оружии многие из этих слов выпали из широкого употребления. Например, в словаре М. Кашгари и «Древнетюркском словаре» зафиксированы такие производные: *сөнүләди* ‘вонзил копье’ [МК, III, 413], *сүнүлә-* ‘ударить копьем’, *сүнүш* ‘сражение, война, драка на копьях’, *сүнүш-* ‘сражаться, враждовать’, *сүнүшмәк* ‘сражение’ [ДТС, 517].

В современных словарях тюркских языков зафиксированы следующие лексические единицы, имеющие идентичную фонетическую оболочку и почти общую для всех семантику: тат. *сөңге*, диал. *сунку*, башк. *һөңгө*, казах. *сунги*, ног. *суньги*, кумык. *сунью*, кар.-балк. *сунгю*, кр.-тат. *сунгю*, кирг. *сунгу*, аз. *сунку*, тур. *süngü*, урум., гаг. *сунгү*, караим. *синги/сёнью/сүнүг/сунью*, як. *уңуу*, чув. *сән*.

В иных тюркских языках для обозначения копья параллельно употребляются и другие слова – *нәйзә/найза* (перс.), *жыда/жиди/чыда/чиди* (монг. < кит.), *мизрак/мызрак* (араб.).

Рассматриваемая лексема в тюркских языках имеет широкое семантическое поле. В ряде языков она выступает в значении ‘пика’, реже – ‘штык’: 1) во всех указанных языках ‘копье, пика’; 2) казах., кар.-балк., кр.-тат., караим., кирг., аз., тур., урум., гаг. ‘штык’; 3) казах. ‘многогранный наконечник (копья, пики)’; 4) кирг. ‘лом (*сунгу темир*)’; 5) чув. ‘палка с железным наконечником’; 6) урум. ‘стрела’; 7) казах. ‘гарпун’; 8) тат. диал., чув. ‘жало’; 9) тур. ‘надгробие’; 10) гаг. ‘палка с

железным наконечником (для катания на самодельных коньках)’, 11) тат. ‘перен. сосулька’, 12) тат. ‘перен. шпиль’.

В диалектах татарского языка *сөңге* ‘жало’, *сөңгөт* ‘приспособление для ловли рыбы из озера’.

Этимологию данной лексики рассматривают исследователи чувашского языка В.Г. Егоров и М.П. Федотов. Последний в своем этимологическом словаре ограничивается перечислением тюркских соответствий к чув. *сăнă*. [Федотов, 1996, II, 25]. В.Г. Егоров также перечисляет варианты данного слова в других тюркских языках и считает, что чув. *сăнă* происходит от глагола с основой *санч-* ‘втыкать, вонзать, пронзать, колоть’ [Егоров, 1964, 182]. Л.С. Левитская подчеркивает, что В.Г. Егоров ошибочно включает производные глагола *санч-* в ряд тюркских соответствий чув. *сăнă* (аз. *санчаг* ‘булавка’) [ЭСТЯ, 382]. С таким утверждением вполне можно согласиться. На наш взгляд, от др.-тюрк. *санч-* в современных тюркских языках были образованы слова с иной фонетической оболочкой и иной семантикой. В татарском языке, к примеру, слова *чәнчү* ‘колоть, уколоть’, *чәнечке* ‘колочка, шип; вилка’, *сәнәк* ‘вилы’, диал. *санчак* ‘брошка’.

В «Этимологическом словаре тюркских языков» приводится мнение А. Зайончковского, который восстанавливает в качестве производящей основы **söŋ-*, представленной в *söŋüŝ-* ‘сражаться’. Как указывает Л. С. Левитская, корневой глагол *сүң-* (а не *сөң-*) сохранился в таких производных, как *сүңүш* ‘сражение, драка на копьях’, *сүңүш-* ‘сражаться’. Наряду с *сүңгү*, *сүңгү* от **сүң-* образованы и именные формы *сүңгү* и *сүңү*. М. Рясянен также признавал генетическую связь между *сүңгү*, *сүңү* и *сүңүш-* [ЭСТЯ, 382]. Необходимо заметить, что словари татарского языка не фиксируют форму *сөңге(лә)ш-*, который имеет довольно широкое распространение почти во всех тюркских языках (ср. урум. *сүңгүле-* заколоть штыком;

süngüleu- биться на штыках; тур. *süngülemek* ‘колоть штыком’, *süngüleşmek* ‘схватиться в штыки, вести штыковой бой’; кирг. *сүңгү-* ‘1) нырять, купаться; погружаться; 2) вонзаться’, *сүңгүт-* ‘1) направить копьё для удара; 2) вонзить копьё’ и др.). Из всех производных в татарском языке зафиксированы: *сөңгеле* ‘с копьём, вооруженный копьём’, *сөңгелән-* ‘принять вид копья, заостриться’, *сөңгесыман* ‘копьевидный’, *сөңгече* ‘копьеносец; копьёметатель’.

Целесообразно сопоставить, на наш взгляд, слово *сөңге* с отдельными глагольными основами в некоторых тюркских языках. Так, в узб. *шўнги-*, уйг. *سۆڭكۈ-* (*сүңгү-*), к.-калп. *сүңги-*, казах. *сүңгі-*, кирг. *сүңгү-* означает ‘нырять, окунуться’. Кроме этого, в кирг. глагол *сүңгү-* (в сочетании *найза сүңгү-*) имеет значение ‘вонзаться’. Авторы «Этимологического словаря тюркских языков», сравнивая данные основы, допускают тождество тюрк. **сүң-* ‘вонзать’, *сүңгү-* ‘нырять; вонзаться’ и монг. *šunḡa-* ‘нырять’ [ЭСТЯ, 382]. В словарях современных монгольских языков ‘нырять’ передается в монг. *шумб-*, в бур. *шунга-*. Такая информация позволяет сравнивать этимологические данные слова ‘нырять’ в татарском языке, которое представлено словом *чум-*. Р.Г. Ахметьянов возводит его к др.-тюрк. *чөң-* ‘нырнуть, погрузиться’ [ТТКТЭС, 240].

Итак, можно предположить, что в тюрко-монгольский период основа **сүң-* имела общее значение ‘нырять, погрузиться’, в дальнейшем семантика его расширилась и в тюркских языках образовалось новое значение военного содержания – ‘погружать что-либо (в тело противника)’. Далее глагольная форма, взяв аффикс инструментальности *-гы/-ге (-қы/-ке)* [Татарская грамматика, 1995, I, 264], перешла в термин *сөңге* ‘копье, пика; штык’.

Таким образом, военная лексика в основном была оформлена в период общетюркской или даже общеалтайской

общности. Как показывает классификация на основе лексико-семантических групп, данная лексика характеризует целостную систему самостоятельной армии государственного уровня, т.е. они встречаются практически во всех (*ат* – ‘стрелять’, *ук* – ‘стрела’, *орыш* – ‘битва, сражение’ и др.) или во многих (*мылтык* – ‘ружье’, *сакчы* – ‘караульный, часовой’, *кама* – ‘окружить’ и др.) тюркских языках, некоторые характерны для отдельного ареала.

Практически все общетюркские военные лексические единицы зафиксированы в древнетюркских письменных памятниках. Этот пласт в данной тематике является стержневым. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение для этногенетических выкладок. Оно доказывает древность тюркского мира, развитость его государственной организации с древнейших времен.

Ввиду своей древности и широкой употребительности исследованные военные лексические единицы проникли во все соседние языки Среднего Поволжья. В Волго-Уральском языковом союзе тюркские заимствования наблюдаются в финно-угорских и русском языке.

Историческая военная лексика современного татарского языка является наследницей общетюркской военной лексики, и ее общий фонд состоит именно из общетюркских слов.

2.4. Заимствованная военная лексика татарского языка

В условиях тесного общения народов в продолжение многих веков их языки подвергаются постоянному изменению, и в первую очередь это касается лексики. Общий лексический фонд, по М.З. Закиеву, делится по своему происхождению на две основные группы: генетическую и контактную [Закиев, 1995, 438]. Генетическая группа отражает генетическую близость языков и имеет большое

значение для изучения истории создания материальных и духовных ценностей далекими предками носителей родственных языков. Контактная группа накапливается в результате заимствований и является ценным источником изучения истории влияния, взаимообогащения и развития материальной и духовной культуры народов.

Между близко контактирующими народами происходит обмен продуктами трудовой деятельности, новыми технологиями, идеями и т.д. Язык же, в свою очередь, заимствует и слова для наименования данных материальных объектов. По сравнению с фонетической, морфологической, синтаксической системами лексическая система языка является самой открытой для инноваций. Именно в лексике сосредотачивается представление той или иной культурной общности об окружающем мире, действительности. Новые явления на лексическом уровне, обусловленные влиянием чужой культуры и другого языка, принято обозначать термином «заимствование». Таким образом, в формировании лексического состава татарского языка использовались не только внутренние ресурсы, но и экстралингвистические факторы. Причиной подобного влияния могут быть также и лингвистические – номинация нового понятия, специализация нового понятия, экономия языковых усилий и т.д.

Значение слов в процессе заимствования может сужаться по сравнению с языком-оригиналом. При этом язык-реципиент заимствует чаще всего основное значение. Также можно наблюдать обратный процесс, т.е. расширение значения заимствованного слова. Есть случаи заимствования языком-реципиентом второстепенного значения слова в языке-оригинале в качестве основного и принятия модифицированного значения.

Анализ военной лексики татарского языка показал, что наиболее ранними были китайские и древнеперсидские

заимствования. Начиная с X века активно начинают проникать арабизмы и фарсизмы. В XVIII – начале XIX веков фонд военной лексики пополняется за счет русского и западноевропейских языков.

2.4.1 Заимствования из китайского языка

Одним из первых тюркских племенных союзов, появившихся на исторической арене, являются хунны, проживавшие на северной стороне реки Хуанхе. Будучи соседями одной из древнейших цивилизаций в мире – китайской, они имели тесные взаимоотношения. Китайские хроники сообщают, что войны китайцев против хуннов начались еще в 3 тысячелетии до н.э. Веками хунну оставались самостоятельными, не поддавались влиянию китайской культуры и китайских порядков, жили по своим традициям. Они заложили основы тюркской государственности, которая исходила из потребностей жизни в суровых степных условиях. Хуннские правители переняли и опыт китайских правителей [Файзрахманов, 2000, 18].

Во второй половине VI в. тюрки построили феодальное государство, границы которого доходили от Северного Китая до Черного моря [ТЭС, 661].

Таким образом, на протяжении столетий тюркские племена граничили с Китаем, сотрудничали, воевали, торговали с ним. Как результат таких взаимоотношений, с китайского языка в древнетюркский было заимствовано определенное количество слов, в том числе и военного характера, некоторые из которых сохранились и в современном татарском языке.

Ту ‘знамя, бунчук’. У тюркских народов издревле использовались различные знамена. Самое большое знамя, штандарт у древних татар (XV–XVI вв.) назывался *ту*, *туг*.

Этот штандарт был единственным и являлся атрибутом монарха или главнокомандующего [Эхмэтьянов, 2003, 94]. До сражения главное знамя обозначало место ставки военачальника, после сражения место сбора воинов. Во время сражения оно находилось вместе с полководцем в центре боевых порядков [Махмутова, 1982, 102]. *Ту* (*туз*) изготовлялся из конских хвостов, был очень больших размеров. Его иногда носили до двадцати человек. Как указывает А. Тимергалин со ссылкой на Ахметзаки Валиди, *ту* (*туз*) у тюрков был изготовлен из хвостов белого или черного цветов [МС, 477]. Л.З. Будагов также отмечает, что в турецком языке *توغ* [*туз*] – это лошадиный хвост на конце копья, обнесенного золотым шаром [Будагов, I, 398]. Примечательно, что в калмыцком языке *туз суултэ* означает ‘развесистый хвост’, применяется по отношению к хвосту лошади.

О древности этого заимствования говорит и тот факт, что оно зафиксировано в древнетюркских памятниках начиная с X в. В «Диван люгат ат-тюрк» М. Кашгари приводятся шесть самостоятельных слов – омонимов *توغ* *туз*: I ‘пыль из-под копыт коня’ [МК, III, 140, 199]; II ‘барабан ночного сторожа’ [МК, I, 203]; III ‘барабан, в который бьют при хане’ [МК, III, 140]; IV ‘бунчук’ [МК, III, 140; II, 203]; V ‘плотина’ [МК, III, 141]; VI ‘пробка, крышка, перегородка, загородка’ [МК, III, 141].

Нас из этого списка интересует IV значение. Хотя нельзя не допускать, что семантически данные слова имеют одну и ту же этимологию.

В «Древнетюркском словаре» обнаруживаем *туу*, *түү* ‘1) знамя, бунчук; 2) барабан’ [ДТС, 584]. В «Codex siniticus» даются варианты *тог* и *ту* [Махмутова, 1982, 136]. По данным словаря В. В. Радлова, *туу* (кум., алт., тел., казах., казан.) = *туз* знамя [Радлов, III, 1421]; *тук* (уйг.) знамя [Радлов, III, 1425]; *туз* (чаг., осм.) = *тук* знамя,

штандарт, навешанный на кончик знамени или штандарта; кисть из волос конского хвоста на знамени или на шлеме как степень, жалуемая пашам, бунчук (осм.) [Радлов, III, 1429]. У Л.З. Будагова «уйг. чаг. توغ (y), توق (ط) казан. تۇو кирг. توو 1) знамя, бунчук, хоругвь, флаг, значок (кит. ду главное знамя армии); тур. توغ хвост лошадиный на конце копья, обнесенного золотым шаром, значок; его несут впереди выезда губернаторов и командующих войсками; паша и великие везири имеют их по три, поэтому называются *اوج اوغلو* [үч туғлу] ; 2) чаг. пыль» [Будагов, I, 398]. Как видно из определения, Л.З. Будагов отнес *ту* к китайскому *ду*. Н. А. Баскаков, который считает, что тюрк. *ту/туw* ‘знамя, флаг’ восходит к китайскому *tu*, который в свою очередь восходит к **d'uok* ‘знамя, флаг’, подтверждает такую этимологию этого слова [Баскаков, 1987]. Р. Г. Ахметьянов также видит в нем китайские корни. Ссылаясь на труды Г. Й. Рамстедт и Б. Я. Владимирцева, он утверждает, что татарское *ту* восходит к китайскому *дуң*, *дук [ТТКТЭС, 208].

Ареал распространения данного слова довольно широк. В тюркских языках: тат., казах. *ту*, башк. *тыу*, кырг. *туу*, кумык., ног. *тув*, к.-калп. *туў*, узб., уйг. *туғ*, аз., тур., туркм. *туғ*, тув. *тук*; в монгольских языках: монг., бур., калм. *туг*.

В современном татарском языке *ту* чаще встречается в эпических произведениях. Например: *Кушагын алып ту итеп, Анда мәйдан күтәрде*. Идегәй. *Чыңгыздан калган кара ту, Кара туны кулга алып, Яу кырганын карачы, Хан түрәдәй утырып, Дау кырганын карачы!* (Идегәй). Это слово также используется авторами исторических произведений для придания колорита описываемой эпохи. К примеру: *Кара туны күтәреп байракчы Аргын [керә]*. (Н. Исәнбәт). Кроме этого *ту* используется в поэтических произведениях торжественного характера: *Һәм, мөкатдәс көрәш туын биек җиргә кадап, Сөйләр идем бер нотык, Алдымдагы илгә карап*. (К. Нәжми).

Слово *ту/туг* оставил заметный след в истории. В татарском языке от него были образованы такие дериваты, как *тучы* ‘знаменосец, хорунжий’, *ту киңәш* ‘военный совет, совещание в ставке (у главного знамени)’, о котором, например, говорится в дастане: *Дүртәү-бишәү бер булып, Әүвәлгедәй безнекеләр Ту киңәшкә килсә иде!* («Идегэй»), *ту казан* ‘пир, обычно перед боем, в котором угощают войско (в основном военачальников)’ [ТТКТЭС, 208], *ту кадау (тегү)* ‘воткнуть знамя (в знак объявления определенного места центром чего-л.)’, *ту күтәрү* ‘а) поднять знамя торжеств, соревнований и т.д.; б) пронести копье с навешанными подарками для победителей в знак начала праздника Сабантуй’ [ТРС, 2007, II, 422].

Как видно из приведённых выше мнений, в определении языка источника термина *ту* у этимологов противоречий не возникает, все они единодушно считают слово *ту* китайским заимствованием.

Чура в современном татарском языке считается устаревшим словом, имеет три значения: 1) человек, ставший рабом после пленения; 2) в эпоху Золотой Орды политический вассал ханов, военачальник; 3) пленный, которого сделали крепостным (в XVII – XVIII вв.) [ТТАС, III, 447]. В татарско-русском словаре 2007 г. это слово перевели следующим образом: 1. 1) дружинник, воин в княжеской дружине; 2) отрок, молодой воин – слуга; 2. военачальник (политический вассал ханов периода Золотой Орды); 3. пленный, которого сделали крепостным (в XVII – XVIII вв.) [ТРС, 2007]

В различных, иногда в совершенно не связанных, значениях данное слово встречается во многих родственных и неродственных языках: башк. *сура* ‘батыр, служащий при ханах и военачальниках’, казах. *шора* ‘представитель феодальной знати, господин’, узб. *жӯра* ‘друг, приятель’, уйг. *جورا (жәрә)* ‘товарищ; подруга’, кирг. *чоро* ‘в эпосе

ближайший сподвижник эпического богатыря', *жоро* 'товарищ', туркм. *жоро:ра* 'подруга', урум. *чора* 'наймит, холоп', чув. *чура* 'раб, рабыня', мари. *цора* 'слуга, работник', морд.М. *цёра* 'сын; парень', морд.Э. *цёра* 'мужчина; парень, молодец; сын', тадж. *жу:ра* 'приятель, друг, товарищ', укр. *чура, джура* 'оруженосец [казацкий]; слуга, паж'.

В «Древнетюркском словаре» зафиксировано слово *çur* 'собственное имя, титул' [ДТС, 157]. Как сообщает Л.З. Будагов, кирг. *шора* *شورا* 'сын богатыря, богатырь' (у других татар *чора* *چورا*) [Будагов, I, 674]; чаг. *чури* *چوری* 'дочь и сын' [Будагов, I, 494]; турк., кирг. *жори* *جوری* 'невольница' (пока она еще девушка, в противном случае *кырناق* *қырнақ*) [Будагов, I, 444]

Другой известный тюрколог Н.А. Баскаков, ссылаясь на исследования Г.Й. Рамстедта, считает, что тюрк. *çora* ~ *şora* 'сын хана' восходит к кит. *çol* ~ *çog* > *çora* ~ *şora* [4].

Р.Г. Ахметьянов предполагает, что *чура* первоначально имело более почетное значение – 'сын героя; оруженосец'. Ученый считает возможным заимствование данной лексемы тюрками из санскритского языка. В мордовский и марийские языки, по его мнению, оно попало из западнокыпчакских языков. Он также связывает этноним *шор* с исследуемым словом [Ахметьянов, 1988, 170].

Одним из источников изучения военной лексики являются эпиграфические памятники. И.Л. Измайлов отмечает, что в эпитафиях XIII–XV вв. зафиксирован такой термин как 'йори', который исследователь считает вариантом 'чури/чура', обозначающим служилый слой профессиональных военных – дружинников [Измайлов, 2008, 28]. Тюркское происхождение слова развивается Ф.С. Хакимзяновым, рассматривавшим данный термин в своих трудах. Он также читает это слово *jöri* со значением дружинник и, опираясь на Х. Фаезханова, расчленяет слово на *йау* [jäu-] 'война' + *ары* [-ure] 'его муж, мужчина' =

‘мужчина войны, т. е. воин’ [Файзрахманов, 2000, 81]. Г. Юсупов же данное слово в эпитафиях читает *йувари*, что на наш взгляд более верно и говорит в пользу этимологии Х. Фаезханова, ведь на памятниках оно высечено в форме *یواری* *йувари*. Нужно отметить и то, что кроме И.Л. Измайлова, ни один из этих исследователей не проводят параллель между *йори* и *чура*.

Исследуемая лексема рассматривается в трудах М.А. Усманова. Он считает, что *чура* в разные эпохи имела разное содержание. По мнению ученого, во времена Золотой Орды, Казанского ханства данное слово означало вассала, аристократа. Позднее, «в XVII–XVIII вв., претерпев ряд трансформаций, термин «чура» стал означать не только политически, но и экономически зависимого человека: слугу, крепостного. Об этом свидетельствуют данные актовых материалов – завещаний касимовских феодалов, где термин «чура» активно применялся по отношению к крестьянам» [Усманов, 1972, 93–94]. «Татарский энциклопедический словарь» подтверждает данное мнение [ТЭС, 757]. В качестве примера вышесказанному может служить иллюстративный материал из «Миллият сүзлеге» А. Тимергалина к статье *чура: Кутунай хатыныннан сатуб алган Әрина улы Курманай атлыг чурамны энемез Минмөхәммәд морзага мирас итәм. Васыятьнамәдән (XVII гасыр)* [МС, 545]. О логичности суждения М. Усманова говорит и тот факт, что в татарском языке столько имен собственных с компонентом *чура* со значением ‘герой, богатырь’. Ср.: *Акчура, Байчура, Бичура, Исәнчура, Карачура, Колчура, Тиңчура, Ханчура, Чура, Чураали, Чурабай, Чурабатыр, Чураби, Чурабулат, Чурагол, Чуракай, Чуракилде, Чураман, Чураморза, Чурахан, Чурачык, Чурашаһ, Шаһичура, Шәйхечура* и множество их диалектных вариантов [Саттар-Муллиле, 1998]. На территории Татарстана есть село *Чурабатыр*, река *Чурабай* [Гарипова, 1998, 166].

Мы склонны считать, что столь сильный семантический сдвиг мог произойти вследствие изменения статуса военного сословия, т.е. из политически зависимого оно превратилось в экономически зависимое. Особенно это явление характерно для народов, покоренных Российским государством или присоединенных к нему, в языке которых и наблюдается такое изменение значения. По нашему мнению, термин *чура* изначально означал привилегированное сословие, а значение 'раб, невольник' – вторично.

Таким образом, как результат многовекового взаимоотношения китайского и тюркских народов их языки заимствовали друг у друга новые для них понятия. Немногочисленные китайские заимствования военного характера в тюркский язык проникли довольно давно, когда тюркские народы представляли собой единое целое, поэтому эти заимствования распространены в большинстве тюркских языков. Во многих из них они претерпели переосмысление и сдвиги в семантике. В свою очередь, из тюркских эти китаизмы были заимствованы и языками других народов, которые долгое время имели культурные, торговые, военные и др. контакты с тюрками. В современном татарском языке все эти заимствования являются устаревшими словами.

Вышедшая из употребления сегодня лексема *ту* 'штандарт, знамя' в татарском языке встречается только в эпических и исторических произведениях.

Термин *чура* претерпел в татарском и в некоторых других тюркских языках определенный семантический сдвиг, из дружинника стал означать раба. В современном татарском языке встречается, как правило, в качестве компонента антропонимов и топонимов.

2.4.2 Заимствования из персидского языка

Традиционно в татарском языкознании арабские и персидские заимствования рассматривают вместе, называя такие заимствования арабо-персидскими. Мы решили определить границу между ними, поскольку, несмотря на обилие общих для обоих из них лексем, арабский и персидский являются разнотипными языками, разнились, на наш взгляд, и пути проникновения лексики из этих языков. Языковых контактов между татарским (в широком смысле тюркским) и арабским народом по смежности территории никогда не было: древние тюрки граничили с двумя культурными центрами – с юго-востока Китаем и с юго-запада Ираном. Как отмечает Н.А. Баскаков, к древнейшим лексическим заимствованиям в тюркских языках следует отнести китайские и древнеиранские заимствования.

В начале новой эры тюркские племена стали участвовать в торговых отношениях между Восточной Азией, Средней Азией и Ираном, тесно общаясь с иранскими племенами (согдийцами) [Баскаков, 1962, 71]. К V веку некоторая часть согдийцев стала отюречиваться. В этот период в тюркские языки из иранских было заимствовано большое количество слов [ТТЭС, I, 24].

Второй поток обширных заимствований персидской лексики произошел начиная с X в., т.е. со временем принятия булгарами ислама. Основным источником усвоения такой лексики был персидский литературный язык, а затем и тюркские литературные языки домонгольской эпохи и золотоордынский чагатайский языки после монгольской эпохи [Баскаков, 1962, 76]. Персидский язык становится языком поэзии и придворного общения. Кроме этого, он был языком-посредником между тюркскими и арабским языком в сфере науки и образования. Хотя персидский и начал

проникать в довольно давние времена, его влияние на татарский литературный язык, по сравнению с арабским, было намного меньше [Махмутов, 1993, 798].

Среди всей массы заимствованной лексики было и немало терминов, касающихся военного дела. В настоящее время довольно трудно установить время заимствования отдельных слов, поэтому здесь мы ограничимся наиболее распространенными военными парсизмами в татарском языке. «Арабско-татарско-русский словарь заимствований» включает в себя 25 персидских и 4 арабо-персидских заимствования, относящихся к военному делу. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Дошман ‘враг, недруг’ сегодня используется в татарском языке как доминирующая лексема в семантическом поле слов, обозначающих неприятеля. Остальные же синонимы к этому слову являются маркированными: *яу* (уст., поэт.), *гаду* (араб. книж.) и др. Распространена лексема и в других тюркских и нетюркских языках: башк. *дошман*, казах. *дұшпан*, кумык., кбалк., кр.-тат., узб., кирг., туркм. *душман*, уйг. *دۇشمەن* (*дүшмән*), аз. *дүшмән*, тур. *düşman*, к.-калп. *душпан/дусман/душман/дошман*, чув. *тӹшман*; кроме этого в мар. *тушман*, удм. *тушмон* в том же значении, а в морд.Э. *душман/душмон*, морд.М. *душман* с семантическим сдвигом, где слово стало обозначать ‘колдуна’ и др. По мнению Р.Г. Ахметьянова, в финно-угорские языки слово попало из татарского [ТТЭС, I, 171]. М.Г. Атаманов считает, что фонетический облик удмуртского *тушмон*, который встречается во всех удмуртских диалектах и говорах, близок к чувашскому, что дает возможность утверждать о заимствованности его не из татарского, а из болгарского языка [Атаманов, 2011, 36]. М.Р. Федотов также указывает на то, что в финно-угорские слово попало через чувашский язык [Федотов, 1996, II, 205]. Языком источником для всех

заимствований является персидский, где دشمن (*дошман*), тадж. *душман* ‘враг’ < авест. *duz manah* ‘злдум’: *duz* ‘зло’ и *manah* ‘думать’ [ЭСТЯ, I, 171; Абаев, I, 386]. Из пушту (пашто, афганский язык) слово было заимствовано и в современный русский, где он, если можно так выразиться, более конкретизировался и стал обозначать ‘бойца вооруженных формирований, выступающего на стороне оппозиции во время войны в Афганистане (1979–1989)’ [СИС, 2003, 235]. Через русский данная лексема в последнем значении проникла и в другие языки.

В татарском языке в значении ‘порох’ имеются две лексические единицы в разных огласовках: широко используемое слово *дары* и, помимо него, устаревшая форма *барут*. Первая лексема именно в значении ‘порох’ встречается во многих родственных и неродственных языках: тат., башк., кирг., тув., тоф. *дары*, тат. диал. *тәре*, казах. *дәрі*, к.-калп. *дәри*, узб. *дори*, уйг. *دورا* (*дора*), чув., хак., шор. *тар*, алт. *таары*; в п.-монг. *dari* (< перс.) [Федотов, 1996, II, 175], в монг. *дарь*, калм. *дэр*; в мар. *тар* (< чув.) [Федотов, 1996, II, 176], удм. *дары* (< тат.) [ЭСТЯ, I, 166; Федотов, 1996, II, 176]. Исходным словом для этого заимствования стало персидское *دارو* (*дару*) ‘лекарство’. В древнеперсидском, таджикском языках *даруи милтиқ* – ‘лекарство ружья’. Примечательно, что и в русском языке долгое время для обозначения пороха употреблялось выражение *ружейное зелье* или *зелье/зелие* [Даль, I, 676]. Подобная же калька из персидского *daru-i töfek* (букв. ‘лекарство ружья’) наблюдается и в кар.-балк., где *иток от* ‘трава для ружья’. Во многих тюркских языках *дару* также бытует в значении ‘лекарство’. Ср. тат. *дару*, диал. *дәру*, *тары*, баш. *дарыу*, казах. *дәрі*, кар.-балк. *дары*, кирг. *дары/дәйри*, к.-калп. *da'ri*, уйг. *دورا* [*дора*]; тат. > мар. *дару/тару*, удм. *даруу/дарыу*. Итак, термин в значении ‘порох’ оформился путем сокращения персидского изафетного выражения *даруи милтиқ*

(*töfek*). На наш взгляд, в значении ‘порох’ слово было заимствовано намного раньше, чем ‘лекарство, зелье’, о чем говорит наличие его и в восточнотюркских и монгольских языках. Таким образом, единое слово в языке-источнике при заимствовании в разные периоды стало обозначать два самостоятельных понятия с различным графическим оформлением *дару* ‘лекарство, зелье’ > *дары* ‘порох’.

Что же касается *барут*, то оно в татарском языке имело более ограниченное употребление, скорее всего, в большей степени в письменной речи. Слово имеет довольно широкий ареал распространения: перс. *باروت* (*барут*), араб., егип. *بارود* (*баруд*), тур., албан., босн., хорв., сербохорв. *barut*, аз. *barit*, курд. *barût/barûd*, болг., серб., макед., лезг., табасар. *барут*, н.-греч. *μλαρούτι/πυρίτις*, суах. *baruti* «порох». Р.Г. Ахметьянов полагает, что данная лексема попала в татарский язык из османско-турецкого и является тюркским по происхождению [ТТЭС, I, 107]. С. Джантурин отмечает о заимствовании из турецкого языка [Джантурин, 1911, 59]. Г. Дёрфер указывает ареал распространения данной лексемы из турецкого во многие другие языки. Он считает, что этимология слова трудная, сам же возводит его к арабскому *barada* ‘холодно’, *bard* ‘холод’ [G. Doerfer, t. 2, 239–240]. В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» авторы относят исследуемую лексему к персидскому языку. Составители словаря языка суахили также помечают персидское происхождение слова.

Многие персидские заимствования (*нәйзә*, *гөрзи*, *жәң*) распространены в большинстве тюркских языков. Например: тат. *нәйзә/найза*, башк. *найза*, казах., узб., кирг., туркм., к.-калп., ног. *найза*, уйг. *نەيزە* [*нәйзә*], аз. *низә*, тур. *nize* < перс. *نيزه* [*нәйзә*] тадж. *найза* ‘пика, копьё’;

тат. *гөрзи*, башк. *гөрзөй*, казах. *гүрзі*, узб. *гүрзи*, уйг. *گۈرزە* [*гөрзә*], кирг. *күрсү/күрзү*, туркм. *гүрзи*, аз. *күрз*, тур. *gürz* < перс. *گۈزی* [*гүрзи*], тадж. *гүрз* ‘булава, палица’;

тат. *жәң*, башк. *жәнк*, узб. *жанг*, уйг. *جەڭ* [*жәң*], туркм. *жәң*, аз. *чанк*, тур. *сепк*, к.-калп. *жәң*, кр.-тат. *дженк* < перс. *جنگ* [*жәнк*], тадж. *жанг* ‘битва, война’.

К персидским заимствованиям в татарском языке, имеющим отношение к военному делу, нами были отнесены и следующие лексические единицы: *баһадир* بهادر ‘богатырь, герой’, *бихбуд* بهبود ‘бейбут (род кинжала)’, *жәбә* جبه ‘доспехи, броня, латы’, *зәнбәрәк* زنبرك ‘пушка; самострел’, *зирәһ* زره ‘1) кольчуга. 2) броня’, *ләшкәр* لشكر ‘армия, войско’, *ләшкәрҗаһ* لشکرگا ‘лагерь, стан (военный)’, *маһичә* ماهیچه ‘изображение полумесяца на минарете мечети или на древке знамени’, *навәк* نواک ‘стрела’, *пасбан* پاسبان ‘1) сторож, караульный, часовой. 2) полицейский’, *пәһлеван* پهلوان ‘1) герой, витязь. 2) чемпион, силач, атлет, борец’, *сәрдар* سردار ‘главнокомандующий, военачальник, командир, полководец’, *синаһ* سپاه ‘войско, армия’, *синаһи* سپاهی ‘военный, войсковой, армейский’, *суари/совари* سواری ‘всадник, наездник, верховой’, *тәфәңг/тәфәң* تفنگ ‘ружье, винтовка’, *шәбхун* شبخون ‘ночное нападение, ночной набег, внезапная ночная атака’, *шәмшир* شمشیر ‘сабля, шашка, меч’, *шүриш* شورش ‘восстание, мятеж, бунт’, *шүриши* شورشی ‘мятежный, восставший; бунтовщик, инсургент’.

Кроме этого, есть и такие лексемы, состоящие из арабского и персидского компонентов, которые, несомненно, были образованы в персидской среде и уже оттуда заимствованы татарским. К примеру: *жәваләңҗаһ* جولانگه ‘поле битвы’, *каһәрман* قهرمان ‘герой, богатырь’, *хәрбҗаһ* حربگاه ‘поле битвы’.

Заимствования из персидского языка могли быть и прямыми – наиболее ранние, и опосредованными – начиная с X в. посредством юго-восточных мусульманских тюркских языков. Такие фарсизмы, как *дошман*, *дары*, доминируют в своем синонимическом ряду и вытеснили исконные понятия

или другие заимствования с тождественным значением. Слова *баһадир*, *пәһлеван*, *гөрзи* часто встречаются в произведениях устного народного творчества, что свидетельствует об их широком использовании в живом, разговорном языке. Наличие исследуемых лексем во многих тюркских языках указывает на давность усвоения этих заимствований. Поэтому установить их исконность или заимствованность часто вызывает сложности. По мнению Н.А. Баскакова, «в отношении определения древнеиранских элементов можно допустить собственно только гипотетические предположения» [Баскаков, 1962, 71]. В целом же заимствования в сфере военного дела из персидского языка в большинстве своем архаичны и, следовательно, малоупотребимы в современном татарском языке. Чаще всего они встречаются в дореволюционной и художественной литературе.

2.4.3 Заимствования из арабского языка

Арабские заимствования занимают значительное место в современном татарском языке. Проникновение их в западно-тюркские языки «в широких масштабах произошло относительно недавно, а именно – начиная с X в. н.э.», т.е. с началом проникновения ислама [Баскаков, 1962, 76]. Заселявшие и современную территорию проживания татар волжские булгары имели иные причины контакта с арабами. Соседствуя с таким сильным врагом, как хазарский каганат, правители Волжской Булгарии для укрепления своей независимости ищут союзников и находят их в лице багдадского халифа [Измайлов, 2008, 138]. Таким образом в IX – начале X вв. в Волжскую Булгарию проникает ислам и с этого периода через торговые, религиозные, политические, культурные,

литературные связи арабский язык начинает активно внедряться в болгарский. В XIII–XIV вв. усиливаются торговые и культурные отношения между Золотой Ордой и арабскими странами, особенно Египтом. В Сарае, в целом в Золотой Орде, было много ученых, поэтов. В это время активно развивается переводная литература. В XVII–XVIII вв. арабские заимствования в татарском языке употреблялись гораздо чаще, чем сейчас.

Среди заимствованной лексики немало и военных терминов. Учитывая, что арабский был языком науки и религии, на нем писались также различного характера военные трактаты, которые переводились и на тюркские языки. В них было множество арабских слов, некоторые из которых переходили в разговорную речь и закрепились в языке. В «Арабско-татарско-русском словаре заимствований» нами выявлено более 100 арабизмов, так или иначе относящихся к военному делу, которые используются или когда-то использовались в татарском языке. Надо полагать, что этот список не исчерпывающий.

С другой стороны, влияние арабского языка распространяется на огромную монолитную территорию, заселенную тюркскими племенами, принявшими исламскую веру. Поэтому неудивительно, что среди активных арабизмов татарского языка имеется определенный пласт лексики, который был заимствован еще древнетюркским языком и органично перешел во многие современные тюркские языки. К таковым относятся *алам* ‘знамя’, *амир* ‘эмир’, *асир* ‘военнопленный’, *амер* ‘приказ’, *кальга* ‘крепость’, *наубат* ‘караул, дежурство’, *саф* ‘ряд, шеренга’, *сэфар* ‘поход’ и др. [см. ДТС].

Таким образом, все военные арабские заимствования можно разделить на два пласта – арабизмы, проникшие через разговорный (и в большей степени в разговорный) язык, и арабизмы, проникшие через письменный язык.

Следует отметить, что с принятием ислама в языке осуществляется большой рывок. С активизацией использования арабизмов широко употребляемые в разговорном языке исконные или заимствованные ранее военные термины были вытеснены ими. Многие из этих арабизмов закрепились и в современном языке. К таковым относится, например, слово *гаскәр* ‘войско, армия; воин’, которое заменило *ләшкәр* (перс.), *чирү* (тюркомонг.), *яу* (тюрк.), *сү* (кит.). Данное слово с аналогичным значением распространено почти во всех западно-тюркских языках. Ср. башк. *гаскәр*, казах., к.-калп. *әскер*, узб. *аскар*, уйг. ئەسكەر [*әскәр*], кар.-балк., кр.-тат., кирг. *аскер*, аз., туркм. *әсгәр*, тур. *аскер*, кумык. *асгер*. Среди нетюркских языков слово *гаскәр* бытует в тадж. *аскар*, перс. *عسکر* [*әскәр*] с такой же семантикой. В русском языке *аскер* означал ‘турецкого солдата’ [Яновский; Ушаков 1, 63; Сл. Акад., 1950, 1, 203]. Из арабского же во многие языки, в том числе и в татарский, проникло и прилагательное от данной основы *гаскәри* ‘военный; воинский, войсковой’, довольно продуктивно используемое и в современных тюркских языках, а также образованное в языке-оригинале существительное ‘военный, военнослужащий (человек)’ (в араб. ‘рядовой, солдат’).

Другим широко употребляемым арабизмом в современном татарском языке является прилагательное *хәрби* ‘военный’ от существительного *хәрб/хәрәб* ‘война’. Как имя существительное оно встречается в старотатарском языке. По всей вероятности, оно использовалось в письменных языках: узб. *ҳарб*, уйг. ھەرب [*һәрп*], аз. *һәрб*, тур. *harb*, кр.-тат. *арб*, в том числе перс. *حرب* [*һәрб*], тадж. *ҳарб*. Однако как прилагательное встречается чаще: башк. *хәрби*, узб. *ҳарбий*, уйг. ھەربى [*һәрбий*], туркм. *харбы* [ы:], аз. *һәрби*, тур. *harbi*, кр.-тат. *arbiy*, а также в перс. *حربى* [*һәрби*], тадж. *ҳарби*. Надо заметить, что в татарском лексема *хәрби* претерпела

определенный сдвиг в семантике и стала играть роль существительного в значении ‘военный, военнотружущий (человек)’ (Ср. с *гаскәри*). На наш взгляд, это произошло под влиянием русского языка. Кроме этого, в произведениях некоторых писателей прошлых столетий встречается и форма женского рода данной лексемы – *хәрбия*, заимствованная в таком виде из языка-оригинала.

Широкое употребление во многих языках, в том числе татарском, получило арабское слово *ганимәт* в значении ‘военный трофей’. Оно зафиксировано в пословицах, фразеологических единицах, т.е. проникло и в разговорную речь. Лексема получила распространение в следующих языках: башк., аз. *гәнимәт*, казах. *ганимет/ганибет*, узб. *ганимат*, уйг. غەنىمەت (*гәнимәт*), тур. *ganimet*, кр.-тат. *гъанимет*, а также перс. عنيمت [*гәнимәт*] тадж. *ганимат*. Данное слово заменило *улжа* (монг.), а в последнее время вместо него чаще используют выражение *сугыш табышы* ‘военная добыча’.

Следующая из активно употребляемых военных арабских лексем – *алам* ‘знамя, флаг’. В других языках: башк., аз., уйг. *алам*, казах., туркм. *алем*, тур., кр.-тат. *алем*, узб., караим. *алам*. Р.Г. Ахметьянов подчеркивает, что данное слово широко использовалось во времена Казанского ханства, т.к. заимствовано в чув. *алем* и мари. *әләм* [ТТЭС, I, 84]. Оно зафиксировано уже в «Древнетюркском словаре» ‘*alām* [a. اَلْأَمّ] ‘знамя, флаг’ [ДТС, 33], в «Codex cumanicus» *алам* [Махмутова, 1982, 149]. В старотатарских текстах и словарях, например в словаре А. Троянского, слово пишется через арабскую букву ع, которая обычно в татарском читается как г (т.е. *галәм*). Однако в языке закрепился разговорный вариант лексемы. Следует отметить, что наряду с *алам* в тюркских языках немало синонимичных слов с семантикой ‘знамя’: *байрак*, *ялау*, *санжак*, *кутаз*,

туг, *өләңге*, которые отличались друг от друга какими-то элементами или формами. Сравните пример из «Древнетюркского словаря», где в одном предложении фигурируют синонимичные лексемы: *tuyta alämta süñüdü assar qajudın sınarqı çerigig barça utar jегädiür* ‘если он прицепит [написанную на бумаге магическую формулу дарни] к флагу, знамени или копьё, то одолеет все войска любой стороны’ [ДТС, 33]. Иллюстрация показывает, что *туг* и *аләм* воспринимались как разные вещи. В русский язык слово вошло с определенным сдвигом в семантике, где *алам* ‘украшение на платье, пристегиваемое к платью нагрудье’, т.е. украшение, напоминавшее флажок [Шипова, 1976, 27; Фасмер, I, 68]. В говорах татарского языка появилась модифицированная форма *аләм* ‘пугало, чучело’ [ТТЗДС, 80].

Наряду с этим в татарском языке было значительное количество книжных арабизмов, которые проникали через труды и творчество образованной, знающей восточно-мусульманские языки интеллигенции. Большая часть этих слов современному носителю языка непонятны и без словарей трудно разобраться в их значениях.

Как уже было сказано выше, одним из путей проникновения иностранных слов была переводная литература. В средние века с целью обучения военному делу на арабском языке были составлены трактаты и пособия. Тюркские трактаты о военном деле создавались либо прямым переводом из арабских источников, либо писались непосредственно на тюрки, основываясь на них. В качестве примера могут служить «Адаб аль-харб ва аш-шаджаат» («Правила войны и храбрости»), переведенный для правителя султаната Дели в северной Индии Шамсуддина Ильтотмышы (XIII в.); «Китаб фи ‘ильму ан-нушшаб» («Книга по искусству стрельбы из лука»), переведённый на тюркский язык в XIV в. в мамлюкском

Египте; «Мунйат ал-‘узат» («Совершающим поход»), переведенный на тюркский в X в. при халифе Муктадире [Исламов, 1997, 49].

По мнению исследователя башкирской военной лексики Г.Н. Багаутдиновой, значительная часть арабских заимствований приходится на тот период, когда в Поволжье и Урале развивается суфийская литература. Данный период, охватывающий конец XVIII–XIX вв., и даже начало XX в., характеризуется употреблением в творчестве поэтов множества арабских и персидских заимствований, непонятных и чуждых простому народу [Багаутдинова, 2001, 124]. Данные заимствования оставались лишь в книжной речи, в современных словарях либо отсутствуют, либо даются с пометой *устаревшее*. В произведениях поэтов того времени немало арабизмов военного содержания. Многие из них имеют единичное употребление. К таким книжным арабизмам мы отнесли: *гаду* ‘враг; полчище, рать’, *галәбә* ‘победа’, *гыйсьян* ‘мятеж, бунт’, *забит* ‘офицер’, *зафәр* ‘победа’, *кавас* ‘лук’, *лива* ‘знамя’, *мәлхәмә* ‘погром, резня’, *мизрак* ‘дротик, копье, пика’, *мөбарәзә* ‘поединок’, *мөхарәбә* ‘война, сражение’, *нәфәр* ‘солдат, рядовой’, *нишан* ‘мишень, цель’, *сәеф* ‘сабля’, *силах* ‘оружие’, *фәтех* ‘завоевание’, *хәмлә* ‘нападение’ и сотни других слов. Примечательно, что данные заимствования встречаются практически только в письменных тюркских языках. Ср.: тат. *гыйсьян*, башк. *гисьян* (скорее под влиянием поволжского тюрки), узб. *исён*, уйг. ئىسىيان [*исйан*], аз. *үсјан*, тур. *isyay*, кр.-тат. *исьян*; перс. عصيان [*осйан/эсйан*], тадж. *исъён*; тат. *мөхәрәбә*, башк. *мохарәбә*, узб. *муҳораба*, аз. *муһарибә*, тур. *muharebe*, кр.-тат. *муаребе* и т.д.

Надо заметить и то, что современный взгляд на многие военные арабизмы не может дать объективную оценку в вопросе их употребления в речи. В определенных кругах многие из тех устаревших военных арабизмов, которые

непонятны сегодня, могли быть достаточно активны. Усложняют задачу и пассивное развитие или даже неразвитие военной лексики в татарском языке после падения Казанского ханства в XVI в. и отсутствие организованной военной силы, армии, где, как нам кажется, и сохранились бы наиболее часто используемые термины, в том числе и арабизмы.

2.4.4. Русские и западноевропейские заимствования

«Русский язык оказал разностороннее влияние на родственные ему славянские, на языки финской, балтийской ветви, на языки тюркских народов, в частности, на татарский» [Ахунзянов, 1968, 55]. Русские заимствования активно стали проникать в татарский язык после падения Казанского ханства в середине XVI в. Хотя в военной лексике уже и в эту эпоху наблюдается некоторое количество русизмов. Например, в «Зафернаме» Кул Шериф использует слово *ядрә*: *Ул утлуг йадрәләрдин кичәләр шәһәр ичидә һәр йиргә ким түшәр ирди* (Эти огненные ядра по-ночам падали внутри города везде). После же взятия Казани Москвой татары теряют свою военную организацию на государственном уровне; начинают утрачиваться названия званий и чинов, военных подразделений и т.д. Однако уже в составе России многие нерусские народы не оставались в стороне от военной службы и призывались в армию в ряды защитников русских царей и императоров. Находясь в подчинении русского командования, татары стали теснее контактировать с русскими солдатами. Результатом этого стало проникновение в разговорную речь военных терминов с русского и посредством русского из западноевропейских языков, некоторые из которых сегодня стали литературной нормой.

Русские, в том числе западноевропейские, заимствования, освоенные русским языком, были разделены нами

по периодам наиболее активного проникновения военной терминологии в татарский язык.

Первый этап активизации военных русизмов охватывает конец XVII и особенно конец XVIII в. – период Крестьянской войны 1773–1775 годов под предводительством Е.И. Пугачева. Как известно, крестьянское восстание охватило земли Яицкого войска, Оренбургский край, Урал, Прикамье, Башкортостан, часть Западной Сибири, Среднее и Нижнее Поволжье. В ходе восстания к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, уральские заводские рабочие и многочисленные крепостные крестьяне всех губерний, где разворачивались военные действия. Для командования войсками, составления манифестов, рапортов, реестров и т.д. наряду с русским использовался и татарский язык. «Служебная функция старотатарского письменного языка определялась давними историческими традициями русско-татарских взаимосвязей в официальном, торгово-экономическом, демографическом и проч. отношениях...» [Фасеев, 1982, 18]. Внедрение в разговорный язык русских заимствований отразилось и на деловых письменных памятниках этой эпохи [Хисамова, 1981, 25–42]. Многие из этих заимствований были приспособлены к фонетической системе татарского языка, способствовало этому и арабское письмо, в котором передавать определенные звуки русского языка было невозможно. В документах пугачевского цикла, транскрипция которых была осуществлена Ф.С. Фасеевым, наблюдается большое количество русских и западноевропейских военных заимствований: *эرمىя, эфисэр, баталия, бужай /нужсай /нужар* (фузея), *бумбу, гучар, изминшик, йанарал, йүдүрә/йадүрә, каманда, камандир, канбуй, майур, пахут, пулкувник/пулкунник, пулук/пулык, салдат / салтат,*

саржант, сутнә, сутник, уржыйа, ыстаршина и др. [Фасеев, 1982, 57–147; Хисамова, 1981, 96–162].

Нередки и заимствованные прилагательные (*аставнай, вуйский* (войсковой), *вуйәннай, пахутнай, руглярнай*), с некоторыми из которых были образованы новые словосочетания: *пахутнай халайықлар, әрми халайықлары, башикраўский камандирлар* и др.

Вторым периодом активного проникновения заимствований из русского и западноевропейских языков стал период революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Дж. Валиди, описывая события этих лет, указывает, что хотя они и произошли в довольно короткое время, но очень сильно повлияли на литературный татарский язык. Если до этого он был переполнен непонятной для широких масс и доступной только для образованной части населения арабской, персидской, османской лексикой, то в период революции появились новые художники слова, ориентированные на народно-разговорный язык. За столь короткое время язык разделился на две эпохи: до и после революции. Изменились его состав и содержание: вместо непонятных книжных слов в литературном языке начинают полноправно употреблять просторечные лексемы, считавшиеся доселе «уличными», в разы увеличиваются русские и западноевропейские заимствования [Валиди, 1927, 5–7]. Способствовало таким быстрым изменениям и появление татарской периодической печати.

Этот период отличается следующими особенностями в отношении к татарскому литературному языку:

1. В конце XIX – начале XX в. перед большевистской партией встала задача активного вовлечения многомиллионной массы нерусских национальностей, составляющих более половины населения Российской империи, в общепролетарскую борьбу за свержение существующей

власти. Решение этой задачи большевистская партия неразрывно связывала с политическим просвещением населения на его родном языке. В этот период начинается активная пропаганда: печатаются и создаются от руки многочисленные листовки, прокламации, лозунги и т.д., подавляющее большинство которых было переводным – они выпускались на русском и татарском языках одновременно. Надо заметить, что сам жанр такого рода агитационной литературы требовал ясности, четкости в переводе и изложении, поэтому тексты на татарском языке были написаны на живом, доступном самом широком массам языке, где встречается немало и военной лексики: *салдат, вуйсқа, победа, вайунный палажинийә, флут, ривалутсийә, казарма, гвардийа* и др. [Абдуллин, 1986, 217].

2. Одним из огромных приобретений татар в период Первой русской революции было получение разрешения на периодическую печать. Периодика была большой силой для влияния на сознание широких масс в достаточно короткое время. Среди всей совокупности татарской периодической печати появились газеты и журналы, ориентированные на освещение военной жизни страны. Наиболее долго существовавшие военные газеты: Безнең тавыш (Казань), Кызыл Армия (Москва, Казань), Кызыл йолдыз (Сызрань, Бузулук, Оренбург), Кызыл маяк (Бугуруслан, Самара), Кызыл яу (Бугульма-Уфа-Челябинск...), Оренбург мөселман хәрби комитетының мөхбире (Оренбург), Солдат теләге һәм Уфа мөселман Гаскәри Шурасының хәбәрләре (Уфа), Солдат ялкыны (Астрахань), Сугыш хәбәрләре (Вятка), Сугыш сафы (Псков, Уфа) и др. [Татарская периодическая печать начала XX века: Библиографический указатель] (см. Приложение 2). На страницах этих газет стало появляться большое количество русских и западноевропейских заимствований, касающихся военного дела, ранее неупотребляемых в

татарском языке. Надо заметить и то, что и в этот период большинство заимствований приспособлялось под фонетику и основанную на арабице графику татарского языка, например: *салдат*, *армийис*, *пихуты*, *гинирал*, *адйутант*, *паднаручик*, *пазитсийэ* и др.

3. Освоение огромного количества русских и западноевропейских заимствований было весьма нелегкой задачей для населения, поэтому переводчики вынуждены были искать соответствия этих слов в родном языке. В процесс терминообразования начинает активно внедряться калькирование. Как подчеркивает Н.В. Максимов, «в начале XX в., особенно в период и после революции 1905–1907 годов, многие иноязычные социально-политические и экономические термины в общем употреблении начинают входить именно как кальки с русского языка» [Максимов, 1990, 35]. Попытку создания новых военных терминов путем калькирования с русского языка совершили и авторы «Русско-татарского словаря военных терминов (толмача)» 1926 г., где приводится немало слов, которыми пользуются и сегодня (*линия – сөзөк*, *наводка – төзәу* и др.), и которые не нашли применения в литературном языке (*ряд – ниргәй*; *рядовой – рятдәге*, *дәрәджәсез*; *смирно – төнөчлан*; *шомпол – төддөч*, *шөбөн* и др.). Такие лексические единицы, как *уксибәр* ‘пулемет’, *алтатар* ‘револьвер’, *үрә кат/үргә кат* ‘смирно’ и др., распространенные в некоторых тюркских языках и встречающиеся в современных словарях, являются примерами из этого ряда. Например: *Кичке барлау вакытында көн саен: «Рота, үрә кат!» — дигән команда яңгырый.* Й. Шәрәпова. *Аклардан «истәлеккә» алтатар һәм патроннар алып, эсәһәт кенә атына менеп атлана да, элдәртә генә.* Ф. Абдуллин. Создание отдельных татарских подразделений в годы Гражданской войны дает некоторый толчок для образования в татарском языке военных

терминов. В эти годы в некоторых тюркских языках, в том числе и татарском, появляется слово *алтатар* ‘револьвер, букв. будет стрелять шесть раз’, усиливается калькирование терминов с русского языка.

Третий период активного проникновения русских и западноевропейских заимствований военного характера приходится на время Второй мировой войны. Важнейшей особенностью данного периода является смена в 1939 году графики с латиницы на кириллицу [Татар грамматикасы, 1998, I, 132], что позволило писать заимствования так же, как и в языке источнике. Это, в свою очередь, привело и к фонетическим изменениям в произношении, т.е. русские и западноевропейские заимствования проникли в татарский язык в том виде, в каком они были освоены русским языком. В этот период татарским языком были заимствованы из русского *артиллерист, бойница, взвод, взводный, винтовка, генштаб, дневальный, дот, запал, застава, зенит* и др.; французского – *амбразура, артиллерия, арьергард, атака, бастион, батальон, батарея, блиндаж, бомба, гарнизон, дезертир, дивизия, калибр, капитан* и др.; немецкого – *гаубица, гаупвахта, генералитет, гильза, лафет* и др.; итальянского – *граната, казарма* и др.; английского – *блокада* и др. и т.д.

В современном татарском языке образование военных терминов не наблюдается. Подавляющее большинство новых слов продолжает заимствоваться из русского языка в русской фонетике. Например: *Чечен боевиклары узара урыс телендә сөйләшмәс бит инде.* (Амурхан).

Таким образом, заимствования из русского и посредством русского языка составляют значительный пласт современного татарского языка. Заимствованные слова в литературном языке, как правило, сохранили фонетические особенности языка источника. Однако диалектные и

устаревшие формы этих слов претерпели определенные фонетические изменения.

Сделаем выводы. Военная лексика тюркских языков стала формироваться в глубокой древности, задолго до того, как была отражена в общетюркских письменных памятниках, т.к. в этих памятниках они уже зафиксированы с различными фонетическими вариантами, имеют многочисленные дериваты, переносные значения, широко используются в поговорках. Исследуемая лексика татарского языка была рассмотрена в четырех историко-генетических пластах: 1) общеалтайском; 2) тюрко-монгольском; 3) общетюркском; 4) заимствованном.

Наиболее древний пласт общей лексики составляет общеалтайский. Слова из данного пласта широко встречаются как в тюркских, так и в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Из анализированных нами лексем *курган* 'крепость, укрепление' означает укрепленное место, что показывает довольно раннее развитие оборонительных сооружений у носителей этих языков. К этому же пласту относится и относительно простой в изготовлении, универсальный в применении топор – *балта*. Древние корни имеет и глагол *чан-* 'рубить, сечь', что, по видимому, связано и с *балта*. Так как чаще всего заимствованиями являются существительные, наличие в языках общих глагольных основ служит признаком родственности этих языков. В нашем исследовании такой основой оказалась *чан-*, которая наблюдается во всех языках алтайской группы. Заслуживает внимания наличие защитного одеяния *көбә* 'кольчуга' еще в алтайский период. Широкое распространение анализируемых лексем как в родственных, так и в неродственных языках показывает их древнейшее происхождение и указывает на высокую развитость военного дела у предков современных тюрков, монгол и тунгусо-маньчжур.

Практически все анализированные нами лексические единицы зафиксированы в доступных нам древнейших письменных памятниках, таких как «Диван люгат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари (X в.), «Сказание о Юсуфе» Кул Гали (1233 г.), «Codex Cumanicus» (1303 г.), грамматический трактат XIV в. «Китаб ат-тухфат аз-закийя фи лугат ат-туркийя (Изысканный дар тюркскому языку)», а также «Древнетюркский словарь».

К тюрко-монгольским параллелям мы отнесли те лексические единицы, которые зафиксированы в тюркских и монгольских языках, но отсутствуют в тунгусо-маньчжурских. По своему происхождению этот пласт лексики, несомненно, также является древнейшим. Нами проанализирован ряд слов, общих для данных семей языков: *кун*- 'ночевать; сделать привал', *калкан* 'щит', *нөгэр* 'дружинник', *улжа* 'трофей'. По предварительным данным, следующие слова также могут быть рассмотрены как тюрко-монгольские параллели: *барымта* 'набег с целью угона или возврата силой угнанного скота, умыкания женщин, отобранного имущества', *батыр* 'богатырь, герой', *жыда* 'копье, пика', *камчы* 'камча, плеть', *каравыл* 'караул, стража', *кюяк* 'панцирь', *маңгай/маңлай* 'авангард', *оран* 'боевой клич, призыв', *садак* 'колчан', *чиру* 'войско' *ялау* 'знамя'. В качестве военных терминов некоторые из данных параллелей сформировались только в тюркских языках: *калкан*, *нөгэр*.

Судя по письменным памятникам, до начала монопольного влияния арабского языка такие термины, как *улжа* 'трофей' и *чиру* 'войско', были довольно активны в языке, впоследствии же их вытеснили арабские эквиваленты *ганимэт* и *гаскэр*, последний из которых является литературной формой и в современном татарском языке.

Самый большой пласт военной лексики составляет общетюркский. Он охватывает практически все области

военного дела – от оружия до эпизодов военных действий. Классификация на основе лексико-семантических групп характеризует полную систему самостоятельной армии государственного уровня, т.е. лексемы встречаются практически во всех (*ат-* ‘стрелять’, *ук* ‘стрела’, *орыш* ‘битва, сражение’ и др.) или во многих (*мылтык* ‘ружье’, *сакчы* ‘караульный, часовой’, *кама-* ‘окружить’ и др.) тюркских языках, некоторые характерны для отдельного ареала. Более системный анализ общетюркского пласта мог бы четче представить и ареальное деление военной лексики. Абсолютное большинство терминов из этого пласта также зафиксировано в древнейших тюркских письменных источниках. Этот пласт в своей тематике является стержневым. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение для этногенетических выкладок. Оно доказывает древность тюркского мира, его государственность с древнейших времен.

Ввиду своей древности и широкой употребительности исследованные военные лексические единицы проникли во все соседние языки Среднего Поволжья. В Волго-Уральском языковом союзе тюркские заимствования наблюдаются в финно-угорских и русском языках.

Отсутствие собственно татарского пласта военной лексики объясняется тем, что после падения татарских ханств (Казанского, Астраханского, Сибирского) в XVI в военное дело перестало существовать как явление, соответственно не развивалась и лексика данной области. Историческая военная лексика современного татарского языка является наследницей общетюркской военной лексики, ее общий фонд состоит именно из общетюркских слов. Создание отдельных татарских подразделений в годы Гражданской войны дает некоторый толчок для образования в татарском языке военных терминов. В эти годы в некоторых тюркских языках, в том числе и татарском, появляется слово *алтатар* ‘револьвер, букв. будет

стрелять шесть раз', усиливается калькирование терминов с русского языка.

Значительное место в военной лексике занимают заимствования. Немногочисленные китайские заимствования военного характера в тюркский язык проникли в довольно давнее время, когда тюркские народы представляли собой единое целое, поэтому эти заимствования распространены в большинстве тюркских языков. *Ту* 'штандрт, знамя' в татарском языке встречается в эпических и исторических произведениях. Термин *чура* претерпел в татарском и в некоторых других тюркских языках определенный семантический сдвиг, из дружинника стал означать раба. В современном татарском языке встречается, как правило, в качестве компонента антропонимов и топонимов.

Заимствования из персидского языка могли быть и прямыми – наиболее ранние, и опосредованными – начиная с X в. посредством юго-восточных мусульманских тюркских языков. Такие фарсизмы, как *дошман*, *дары*, доминируют в своем синонимическом ряду и вытеснили исконные понятия или другие заимствования с тождественным значением. Слова *бахадир*, *пәһлеван*, *гөрзи* часто встречаются в произведениях устного народного творчества, что свидетельствует об их широком использовании в живом, разговорном языке. Наличие исследуемых лексем во многих тюркских языках указывает на давность усвоения этих заимствований. Поэтому установить их исконность или заимствованность часто вызывает сложности.

Новый поток персидских и арабских слов стал проникать с исламом начиная с X в. Надо отметить и то, что современный взгляд на многие военные арабизмы не может дать объективную оценку в вопросе их употребления в речи. В определенных кругах многие из тех устаревших военных арабизмов, которые непонятны сегодня, могли быть достаточно активны.

Заимствования современного татарского языка, как правило, русские или проникли из западноевропейских языков посредством русского. В современном татарском языке такие заимствования составляют основную часть военной лексики. В литературном языке они сохранили фонетические особенности языка источника. Однако диалектные и устаревшие формы этих слов претерпели определенные фонетические изменения. Наиболее активные периоды их заимствования происходили в периоды усиления военных действий, особенно в начале XX в

3. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Лексическая система любого языка непосредственно связана с историей, образом жизни, бытом, родом деятельности, уровнем цивилизации и др. особенностями того народа, которому этот язык принадлежит. Лексика считается наиболее проницаемой областью языка. В ней быстрее всего отражаются все изменения, происходившие и происходящие на разных этапах развития того или иного общества.

Что касается традиционной военной лексики в татарском языке, то она в основном относится к устаревшей совокупности словарного состава, которая перестала системно развиваться после падения Казанского ханства, т.е. с конца XVI в. Более активно в конце XIX – начале XX в. и в годы Великой Отечественной войны фонд военной лексики татарского языка пополняется и развивается за счет и посредством русского. По причине ведения всей военной деятельности в современном обществе на основе основного государственного – русского – языка в национальных языках теряются и устаревают самобытные слова, обозначающие эти реалии. Отсутствие обучения военнослужащих на национальных языках делает не нужным обучающую литературу, соответственно, не остается необходимости развития военной терминологии в национальных языках.

Однако живой язык не может так просто исключить из обихода бытовавший в нем традиционный и составляющий целую систему пласт лексики, т.к., пополняясь из века в век, данный пласт был не только специальной лексикой, но и стал общенародным, понятным для всех носителей языка. Кроме этого, заимствованная из других языков лексика, освоившись морфологически и фонетически, полностью подчиняясь

грамматическим категориям, слилась с основным общенародным лексическим фондом татарского языка. Поэтому определенная часть, основные понятия традиционной военной лексики находят отражение в той или иной сфере, либо продолжают свое существование в новом значении, определяя новое понятие из другой семантической группы. В качестве военной терминологии они, как правило, употребляются в учебниках, учебных пособиях, написанных на татарском языке, в трудах – монографиях, статьях историков, так или иначе касающихся военного дела, флота и т.д. Одним из немаловажных пластов функционирования традиционной военной лексики в современном татарском языке является переводная учебная литература.

Менее распространенной является комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, т.е. исторические источники. В отношении военной лексики это, как правило, письменные источники: эпиграфические надписи, литературные, религиозно-дидактические и др. произведения.

В современном татарском языке традиционная военная лексика встречается в художественной литературе, особенно в исторических произведениях, как средства выразительности. Для создания атмосферы описываемой эпохи авторы этих произведений используют как уже устоявшиеся в языке лексемы, так и устаревшие, вышедшие из обихода термины и понятия.

Многие традиционные военные лексические единицы, особенно древнейшая лексика, в большом количестве сохранилась в застывшем виде в произведениях устного народного творчества, в том числе пословицах. На уровне современного языка значения некоторых из таких единиц остаются неясными и требуют специального толкования.

В результате действия исторических закономерностей в развитии звукового строя татарского языка, особенностей вхождения и адаптации иноязычной лексики, влияния орфографического облика слова, смены нескольких алфавитов и других факторов внешнего порядка возникли фонематические варианты одних и тех же словоформ.

В данной главе мы намерены рассмотреть специфику функционирования традиционной военной лексики в вышеуказанных направлениях в современном татарском языке.

3.1. Разновидности устаревшей военной лексики в татарском языке

После завоевания Казанского ханства и подавления в 1552–1556 гг. освободительного движения самостоятельная военная история казанских татар прекращает свою историю – судьба военного искусства, достигшего больших высот под серьезным влиянием Востока, трагически завершается. Утрата государственности, самостоятельной армии сужает функциональность накопившейся и систематизированной веками военной лексики, занимающей довольно большой пласт. Эти же причины способствуют прекращению дальнейшего развития их как военной терминологии, приводят к выпадению из употребления когда-то активно использованной лексики, превращая их в устаревший пласт. Большое место среди устаревшей лексики татарского языка занимает именно военная терминология.

В составе устарелых слов различают историзмы и архаизмы. Под историзмами понимаются слова, обозначающие вышедшие из современной жизни предметы, явления, профессии. Архаизмы – это вышедшие из употребления именованя объектов реальности, которые получили в современном языке новые названия.

Существуют разные классификации историзмов и архаизмов: *по времени активного употребления* донациональные (древнетюркские, старотюркские) и национальные (дореволюционные и послереволюционные); *по генеалогическим аспектам* (исконно тюркские, заимствованные); *по семантическим группам* (общественно-политические, бытовые, религиозные и т.д.). Нами сделана попытка классифицировать военные архаизмы и историзмы *по степени архаизации*. Во избежание повторов и историзмы, и архаизмы были объединены нами в понятие *устаревшие слова*. За основу была взята классификация, предложенная И.М. Шанским [Шанский, 1954].

Устаревшие военные слова по степени устарелости обычно делятся на 1) старинные или непонятные и 2) относительно понятные носителям языка.

В качестве примеров мы сравнили активно употребляемую в свое время военную лексику, собранную из различных источников, со словарями современного татарского языка, а также использованными в художественной литературе словами. Источниками для сбора лексики послужили «Древнетюркский словарь» (ДТС), «Зафернаме-и вилайети Казан» Кул Шарифа (XVI в., КШ), «Тухфа-и мардан» и «Нур-и судур» Мухаммедьяра (XVI в., Мух.), дастан «Идегей» (XIV-XV вв., Ид.) и др. Конечно «Древнетюркский словарь» отражает не только язык поволжских тюрок. Было бы ошибочно искать продолжение использования зафиксированных в данном словаре слов только в татарском языке, поэтому мы исследовали эти слова в сравнительном аспекте с другими тюркскими языками.

1. 1) к непонятым устаревшим терминам нами отнесены *amaç* ‘мишень’ (ДТС, 41), *atim* ‘стрелок’ (ДТС, 67), *azaq* ‘шальная стрела’ (ДТС, 72), *badruq* ‘знамя’ (ДТС, 77), *bögdä* ‘кинжал’ (ДТС, 116), *jasič* ‘длинный, плоский наконечник стрелы’ (ДТС, 245), *jatyaq* ‘караульный’ (ДТС, 247), *jelmä*

‘подвижный отряд, совершающий набег’ (ДТС, 254), *кеӷ* ‘колчан’ (ДТС, 303), *дарвазэ* ‘ворота крепости’ (КШ, Мух.), *зафэр* ‘победа’ (КШ, Мух.), *мөкаталэ* ‘резня, сражение’ (КШ), *сэйф* ‘меч, сабля’ (КШ), *төпәнк* ‘ружье’ (КШ), *эгьдә бул-* ‘быть врагами’ (Мух.), *гарз* ‘вражда’ (Мух.), *мөбариз* ‘воин-единоборец’ (Мух.), *носрәт* ‘победа’ (Мух.), *силах* ‘оружие’ (Мух.), *тукуш* ‘битва, сражение, бой’ (Мух.), *хисар* ‘крепость’ (Мух.), *болжар* ‘место сбора войск’ (Ид.), *иравыл* ‘авангард’ (Ид.), *кирәүкә* ‘доспех’ (Ид.), *саугат* ‘вознаграждение за подвиг’ (Ид.), *соргавыл* ‘разведчик, оставленный позади основного войска’ (Ид.), *тоткавыл* ‘страж у ворот’ (Ид.), *чагдавыл* ‘арьергард’ (Ид.), *шайман* ‘вооружение и доспехи в совокупности’ (Ид.) и др.

Эти слова совершенно забыты и в современном языке не употребляются вообще, поэтому по степени архаизации они находятся на первом месте. Эту группу устаревших слов можно назвать **древними архаизмами и историзмами**.

2) к **несамостоятельным** устаревшим относятся слова, давно утратившие свое самостоятельное значение, но сохранившиеся в языке в составе парных слов в качестве второго компонента. Вторые части этих слов современному носителю языка уже непонятны, хотя когда-то были синонимами первых компонентов. Некоторые из них используются в других тюркских языках. Среди военной лексики таких слов немного. В качестве примера можно привести слово *ярак*. В современном татарском языке оно самостоятельно не употребляется, а является вторым компонентом парного слова *кирәк-ярак*, которое в первую очередь имеет собирательное значение ‘принадлежности, необходимые вещи’. Современное его значение отделилось от военной тематики. Однако в контексте оно может означать и ‘снаряжение, амуниция’. Как видно из примера, семантика данного слова преобразовалась. Первичное его значение *jaraq*

толкуется как ‘панцирь, кольчуга’ (ДТС). Второе слово, которое можно отнести сюда же – *азык-төлек* ‘продовольствие, продукты питания, провизия’, где второй компонент *төлек* означал ‘средство для пропитания, фураж, уплата’ [Радлов, 3/2, 1262]. Таким образом, можем сказать, что словом *төлек* обозначали продукты для воинов и корм для лошадей. Подача и толкование компонентов этих слов в толковых словарях по отдельности помогло бы раскрыть их содержание.

2. Вышедшие из употребления, но в определенной степени понятные слова, в свою очередь, были разделены на четыре группы: 1) собственно устаревшие слова: *алай* ‘полк’, *углан* ‘гвардеец, воин гвардии’, *утлуг йадрэ* ‘снаряд, «огненное ядро»’, *кирмэн* ‘крепость’, *унбашы* ‘десятник’, *йөзбашы* ‘сотник’, *меңбашы* ‘тысячник, тысяцкий’, *утчагыр* ‘пушка’, *улжа* ‘военная добыча’, *чиру/чэрик* ‘войско, армия’ и др. *Тэкий Хан Муржэсальидагы дэрваздэ бəһадирлык мəйданының сафдары, диливэрлек пишэсенең газанфары Кузыжак углан.* (Кол Шэриф). *Тэкий ул утлуг йадрэлэрдин кичэлэрдэ салып чыкган һавадагы учкунларныхьял кылгай ирдиңиз кем...* (Кол Шэриф). *Өреkkэн куйдай урданы Алаеннан бастырып, Тоякка салып таптады.* («Идегэй»). *Гавер аткан утчагыр Күкрэгенэ батмаган, «Утчагыр алмас» батыр дин, Даны йортка таралган – Аны күргэн картыңмың.* («Идегэй»);

2) понятные устаревшие слова, но семантика которых с течением времени изменилась. Например, слово *алпавыт* в ТТАС представлено как ‘помещик’, однако его первичное значение *alpaüt* – ‘герой, богатырь’ (ДТС). именно в таком значении он использован в дастане «Идегей»: *Анда эйтте соргавыл: – Балта салсаң башы каерылмас, Болгап кылыч чапсаң, муйны биртелмэс, Бəһатырлар батыры, Алпагытлар Алыбы, Андый ирне бер белсəң, Кара Тиен Йосыф ул булыр...* Сдвиг семантики можно объяснить тем,

что многие воины после больших побед получали в качестве вознаграждения определенные территории и становились их хозяевами. Таким образом, с течением времени из военного сословия они переходили в дворянское.

К этой же группе можно отнести слово *урда*. В ТТАС оно имеет значение: ‘название государств, образованных после распада державы Чингисхана, и место нахождения их глав’. Первичное его значение *ordu* ‘ставка, резиденция хана, дворец’ (ДТС). Таким образом, определенные изменения в обществе нашли отражение в семантике некоторых слов, и с течением времени значения этих слов расширились, путем переосмысления произошло обновление значения слова. Это историческое развитие слова непременно должно быть отражено в современных словарях татарского языка.

Сюда же, на наш взгляд, относится и слово *яу*. Если в ТТАС оно имеет четыре значения (1) враг; 2) полчище, рать; 3) сражение, война; 4) *перен.* несметное количество, масса [ТТАС, III, 657], то в древности оно обозначало только одно – *jayı* ‘враг’ (ДТС). В данном случае также произошло расширение семантики слова.

В развитии языка есть и такие случаи, когда отдельные арабские слова вытеснили исконную лексику или ранее использованные заимствования. Например, в дастане «Идегей» в значении ‘войско’ гораздо чаще использовано собственно тюркское слово *яу*, нежели *гаскар*, а в современном языке последнее слово стало доминирующим в своем синонимическом ряду, несмотря на то, что заимствование, а исконное слово *яу* перешло в разряд устаревших.

Еще один подобный пример – *нөгәр* ‘гвардеец, воин, служащий в гвардии хана в древних тюркских и монгольских государствах, нукер’. Согласно мнению Р.Г. Ахметьянова, поволжско-тюркский свадебный обряд как бы имитирует отношения между феодальными владельцами [Ахметьянов,

74; Әхмәтъянов, 53]. Поэтому в тарском, калмакском говорах татарского языка *нугар* ‘дружки жениха’ [ТТЗДС, 500], а в пермском говоре *кийәунәэр, кийәунәгәр* стал ‘тамадой, красноречивым, находчивым ведущим на свадьбе’ [ТТЗДС, 307]. В данном случае широко известное слово сохранило свою фонетическую оболочку, звучание, однако перешло из одной семантической группы в другую, продолжило свое существование в новом содержании. «Вот почему устаревание реалии или утрата ее целесообразности в материально-бытовой жизни, как эхо отзывается в лексико-семантической жизни слова, и напротив, активность в быту, расширение сферы использования ведет к утверждению ее как средства номинации» [Юналеева Р.А., 1982, 12]. Определение первичных значений таких слов дает возможность правильно их этимологизировать.

На данный период развития лексики эти вышедшие из употребления, но в определенной степени понятные слова является **собственно архаизмами или историзмами**. Фиксация древнейшего, первичного значения лексемы способствует более полно раскрыть ее содержание, представить в более широком ракурсе ее семантическое развитие. Данный лексический пласт находит отражение в школьных учебниках, художественной литературе. Без словарей, где даются специальные толкования этих слов, читателю невозможно ни понять их значения, ни правильно употреблять в речи.

3) каждый язык обогащается за счет своего синонимического фонда. В синонимических рядах одно слово является доминантой – словом, обозначающим общее нейтральное понятие в данном ряду, а остальные совпадают с ним отдельными своими значениями, имеют более узкое понятие или относятся к разным стилям речи. В синонимических рядах встречаются слова, которые в

современном состоянии языка общеупотребительны в относительно равной степени и понятны носителям языка. Однако есть среди них и **потенциальные архаизмы**, т.е. слова, которые в будущем могут выпасть из активного употребления. Среди военной лексики таковые тоже имеются. Например, в следующих парах, на наш взгляд, вторые лексемы являются потенциальными архаизмами, которые чаще употребляются в разговорной речи и начинают отпадать из официальной: *батыр* – *пәһлеван* ‘герой’, *гаскәр* – *армия* ‘армия’, *һөҗүм* – *атака* ‘нападение, атака’, *әсир* – *плен* ‘пленник’, *боерык* – *әмер* ‘приказ’, *чукмар* – *гөрзи* ‘булава’, *кальга* – *ныгытма* ‘крепость’, *солдат* – *гаскәри* ‘солдат’ и др. А некоторые единицы из данной группы в последнее время, наоборот, стали более активно употребляться в связи с изменением языковой ситуации в республике. Например, *байрак* – *әләм* ‘знамя’, *богау* – *зынжыр* ‘оковы’, *снайпер* – *мәргән* ‘снайпер’. В этих примерах вторые лексемы можно считать «вернувшимися» в современный татарский язык. Как видно из примеров, приведенных выше, одно из слов синонимического ряда является исконно-тюркским, другое – заимствованием. В современном татарском языке эти слова находят применение в различных стилях: в поэзии, художественной и научной литературе, публицистике.

4) Кроме этого выделяются **искусственные** устаревшие слова. К ним относятся единицы, которые были придуманы журналистами, писателями, лексикографами, но не прижились и, скорее всего, не приживутся в живом языке. Такие слова имеются также среди военных терминов. Например, в «Кратком русско-татарском словаре военных терминов (толмаче)» 1926 года таких искусственных терминов встречается очень много: *ниргә* ‘ряд’, *рятдәге*, *дәрәдҗәсез* ‘рядовой’, *төҗдөч*, *шөбөн* ‘шомпол’ и др. В свое время они были предложены как неологизмы, но не прижились. Данную группу слов можно

также рассматривать и как один из видов непонятных устаревших слов, т.к. они придуманы небольшим кругом людей, непонятны широким массам носителей языка и составляют окказиональную группу.

Итак, военную лексику по степени архаизации можно сгруппировать на **старинные** и **относительно понятные** носителям языка. В первую группу относятся **древние лексемы**, которые выпали по двум причинам:

а) вытеснены в процессе развития языка другими лексическими единицами, т.е. вместо них стали употреблять иные слова;

б) при формировании военной терминологии большое влияние оказал Восток, а именно арабский и персидский языки. Арабо-персидские заимствования, как правило, использовались только в научной литературе, письменных произведениях; отсутствие их в народно-разговорном языке, сложность понимания привели к легкому выпадению из употребления. **Несамостоятельные** – сохранившиеся в качестве компонентов сложных слов.

К относительно понятным устаревшим словам относятся **собственно устаревшие слова**; 1) *собственно понятные устаревшие слова*, использование которых наблюдается в исторической литературе, дастанах, фразеологии и т.д.; 2) *понятные устаревшие слова, но со сдвигом семантики*; будучи широко известными словами, они сохранили свою фонетическую оболочку, однако перешли из одной семантической группы в другую, продолжили свое существование в новом содержании. Такие семантические сдвиги являются следствием изменений в обществе. Определение первичных значений таких слов дает возможность правильно их этимологизировать. 3) *потенциальные* – те, которые в ближайшем будущем могут выпасть из употребления. 4) *искусственные*: придуманы небольшим

кругом людей, непонятны широким массам носителей языка и составляют окказиональную группу, поэтому данную группу слов можно было бы рассматривать также как один из видов непонятных слов.

3.2. Военная лексика в научно-учебной и научно-популярной литературе

Научная литература характеризуется своей работанностью, в которой по возможности точно и полно объясняются факты. Языковые средства проходят в ней строгий отбор, нормируются.

Когда речь идет о функционировании военной лексики в такого рода литературе, в первую очередь следует говорить о научно-учебных работах, адресованных учащимся средних образовательных учреждений. Как известно, в национальных школах, где обучение проходит на родных языках, вся учебная литература представлена в переводах. Поэтому часть военной лексики разработана, истолкована в учебниках по истории, учебных пособиях, написанных на татарском языке на уровне школьной программы для среднего образования. Таким образом, одним из немаловажных пластов функционирования военной лексики в современном татарском языке является переводная учебная литература, основу которой составляют учебники истории 5–11 классов.

Другим источником использования исследуемой лексики являются монографии, статьи историков, так или иначе касающиеся истории военного дела тюркских народов Поволжья.

К особенностям использования военной лексики в научной литературе относятся:

1. Использование общеупотребительной военной лексики. Сюда включается общеизвестная военная лексика,

использовавшаяся в различные эпохи, различных письменных источниках и т.д.: *сөңге* ‘копье, пика’, *кылыч* ‘меч; сабля’, *чукмар* ‘булава’ и др. *Алтын яки көмеш савыт-сабалар, туры кылыч, кәкре кылыч, жәя һәм ат дирбияләре* – болар бар да бу хәрби культураның төп, мәжбүри әсбаблары булып тора. (Татар халкы тарихы). *Янгын катламында еш кына кеше сөякләре, сугыш кораллары, шул исәптән, таштан шомартып ясалган яисә тимердән коелган (алары сирәк) эре-эре ядрәләр* табыла. (Ф. Хужин). *Ачыш дип атарга ярыйдырмы-юкмы, анысын белмим, ә менә нәкъ мин көткән әйберләр табылды: муенса төймәләре, йомшак шифер ташыннан ясалган орчык башы, ук очлары һәм, әлбәттә инде, археологлар өчен иң кыйммәтле, иң кирәкле табылдыклар – чүлмәк китекләре.* (Ф. Хужин). *Болгар шәһәрләрен һәм авылларын казып тикшергәндә кылыч, сугыш балтасы, кистән, ук һәм сөңге очлары, дошманның атлы гаскәр һөжүм итеп килгәндә аяк астына ташлау өчен өч яңле чәнечкеле тимерләр, тупке (шпора), көбә, шишәк кебек барлык төр кораллар һәм хәрби киемнәр дә табыла.* (Р. Фәхретдинов). *Ибне Рустә болгарлар атка атланып йөриләр, көбә кием кияләр һәм баитанаяк коралланганнар дип язып калдырган.* (Р. Фәхретдинов).

Данный пласт составляет основу военной лексики в научной литературе.

2. Синонимичные слова (термины) с различной активностью употребления в разные эпохи. Например, ‘армия, войско’ в разные эпохи передавалось различными словами: *гаскәр, чирү, ләшкәр, яу, сү.* Однако в современной научно-учебной литературе преимущественно используется только слово *гаскәр.* *Икенче елның язында монголларның 50–60 меңләп сугышчыдан торган гаять зур гаскәре* походка чыга һәм *1236 елның жәе һәм көзендә Болгарга басып керә.* (Татар халкы тарихы). *Тәхмилән сигез йөз мең ләшкәре*

берлә... Казан шәһәренең гәрдагәрене ихата әйләб мохасара кылыб кундылар. (Кол Шәриф). Такая же картина наблюдается и с синонимическим рядом *сугыш* – *орыш* – *яу* – *жәң* – *мөхарәбә* ‘война, битва’ и т.д. Из этого ряда, как правило, в учебниках используется лишь слово *сугыш*. *Илебезгә көнбатыштан гына түгел, бәлки көнчыгыштан да куркынычсызлык тәэмин иту, бөтен дөньяда тизрәк тынычлык урнаштыруга булышу өчен, Советлар Союзы 1945 нче елның 9 августында япон илбасарларына каршы сугышка кушылды. (СССР тарихы). Сугышларда иң зур урын тоткан нәрсәләрнең берсе хәйлә булганга, Олуг Мөхәммәд ханның да бу орышта бер хәйләгә ябышкан булуын инкяр итеп булмый. (Җ. Атласи).*

Таким образом, одно и то же понятие в разные эпохи развития общества и языка обозначалось разными словами, из которых в научной литературе, как правило, отбираются наиболее понятные и распространенные для той эпохи, в которой они были написаны.

3. Использование поздних заимствований.

К подобным заимствованиям из русского языка мы относим такие лексемы, как *поход*, *ставка*, *илем* и др. По нашему мнению, эти слова имели и традиционные соответствия, утерянные или со временем вытесненные из научного оборота (*поход* – *сәфәр*, *ставка* – *урда*, *ыстан*). *Александр Македонскийның б.э.к. 334–323 еллар арасында ерак көнчыгышка **походлары** нәтижәсендә, Һиндстаннан Карфагенга, Мисырдан Италиягә кадәр гаять зур территория эллинизм йогынтысы астына эләккәч, дөньяның бу өлешендә идеяләр һәм культура алмашы шул чорның үзенчәлекле сыйфатына әверелә. (Татар халкы тарихы). «Татар изүеннән котылу» татар ханын православие патшасына алыштыруга һәм хан **ставкасын** Мәскәүгә күчерүгә генә кайтып кала. (Татар халкы тарихы).*

Еще один подобный пример – слово *праца*, которое в татарском языке имеет эквивалент *сапан, сапкан* [Әхмәтъянов, 2003, 93]. «Русско-татарский толковый словарь исторических терминов», к сожалению, не представляет его как татарское соответствие, предлагает оставить слово без перевода, как в русском языке: *праца – праца*.

Ярким примером является использование слова *шлем*. Шлемы были различной формы, в разное время их называли разными словами. Р.Г. Ахметьянов приводит целый ряд названий шлемов на татарском языке: *кырэгг, тулка, алпак*, также использует слово *очлам*, от которого, по его мнению, могло быть образовано и русское *шлем* [Әхмәтъянов, 2003, 93]. Еще одним видом шлема был *шишиэк* или *чичэк*.

Урта гасыр «дала рыцаре»ның билбавы аның үзенә курә паспорты – социаль статусы һәм хәрби-дружина иерархиясендә тоткан урыны турында таныклык булып тора. (Татар халкы тарихы). В данном предложении использован термин, относящийся к воинам средневековой Европы. Среди татар с таким же значением был распространен термин *алып, батыр, пәһлеван* и др.

Таким образом, напрашивается вывод: использование поздних заимствований оказывает отрицательное влияние на военную культуру, историю татар, т.к. отсутствие употребления самобытных соответствий в языковом материале создает впечатление, что с такими видами оружия, явления и т.д. тюркские народы вовсе не были знакомы.

4. Термины, образованные не на собственной основе татарского языка. Речь идет о калькировании понятия, которое имеет эквивалент в татарском языке, т.е. то или иное понятие, использованное в свою эпоху, остается в стороне, оно неизвестно переводчикам, поэтому они образуют новый переводной, калькированный термин. Иными словами, тот или иной термин используется не соответственно своей

эпохе. Такие случаи можно наблюдать и в переводных трудах, касающихся военной тематики, или даже написанных на татарском языке.

Несколько примеров: *Бу ныгытмаларны болгар бабаларыбыз XII гасыр ахырында төзегәннәр, ә инде соңрак, XIV–XV гасырларда булса кирәк, әжімереп ташлаганнар.* Ф. Хужин. На наш взгляд, слово *ныгытма* ‘укрепление, крепость’ в татарском языке – калька с русского. В исторических письменных памятниках это слово не встречается, тогда как вместо него обычно использовали слова *каср/касыр, хисар, кальга, курган кирмән*. В данном тексте можно было бы использовать один из вышеприведенных синонимов, например, *кальга* или *кирмән*, которые не потеряли своей актуальности и поныне.

Автор «Русско-татарского толкового словаря исторических терминов» предлагает перевести на татарский язык *самострел* словом *үзаткыч*, т.е. калькой (*үз* – сам, *аткыч* – предназначенный стрелять). Эта калька нами в учебной литературе замечена не была, однако она встречается в художественных произведениях и в некоторых словарях, в частности в вышеуказанном словаре. *Гомумән, һәр көймә, һәр казак корал белән бик нык тәэмин ителгән иде, алар үзләре белән Уралга мылтыктан башлап үзаткычын, пицален, аркебузын, балта һәм кылычын, ук һәм жәясен – барысын да алып килгәннәр иде.* (Ф. Бәйрәмова). В турецком языке, к примеру, самострелы называют ‘*tatar yaуı, kundaklı yaуı, kurmalı yaуı*’.

Подобные ситуации доказывают необходимость обязательной фиксации таких устаревших слов в толковых словарях татарского языка, а также составление толковых исторических словарей, которые включали бы в себя более широкий диапазон устаревшей лексики.

Калькирование понятия, имеющего эквивалент в татарском языке, является довольно распространённым и

общим недостатком, который наблюдается в переводах с русского языка переводчиками-неспециалистами с недостаточными в данной области знаниями.

5. Истолкованные или переведенные термины.

Пожалуй, самым удачным использованием военных терминов являются именно такие случаи, т.е. авторы статей или учебников рядом с современным понятием дают его эквивалент на татарском или старотатарском языках. Примеры из монографии И. Измайлова: *К примеру, титул «йори» («чури»), зафиксированный в эпитафиях XIII–XV вв., употреблялся еще в домонгольское время. По мнению тюркологов, он обозначал служилый слой профессиональных военных – дружинников.*

Особой группой копий, судя по размерам наконечников и древка (около 1,5 м), являлись метательные копьа, или дротики (по-русски – «сулицы», а в мусульманском мире – «джериды»), которые предназначались для поражения противника на расстоянии.

Кроме эмирского штандарта каждый бек и его отряд, видимо, имели свой флаг (в тюркской традиции, очевидно, назывался также «гэлэм», а в арабской – «алам», или «лаива»).

Основа военной силы правителя заключалась в его дружине и гвардии. Служилая часть дружины называлась «хашамом».

В работах, написанных на татарском языке, исторические слова обычно толкуются: *Ясауллар (сарайда салым жъю, хәрби табышны хисаплау белән шөгьльләнүче хезмәткәрләр), ...дәгъвәтче (гаскәр туплау белән шөгьльләнгәннәр), ...нөкәрләр дип хан тирәсендәге аксөякләрне атаганнар.* (Татар халкы тарихы).

Таким образом, военная лексика в научной литературе имеет свои особенности. В большинстве своем в такой

литературе используется общепонятная военная лексика. Немалое количество устаревшей военной лексики в источниках либо указывается в скобках рядом с современным эквивалентом (если труд написан на русском языке – рядом с русским эквивалентом), либо дается специальное толкование. Однако в переводных учебниках или трудах довольно много и случаев неточного перевода, калькирования устаревшей лексики, тогда как большинство из них имеют эквиваленты и в татарском языке. Отсутствие этих эквивалентов в толковых словарях, неверное истолкование или перевод в переводных словарях (например толкование слова *броня* не имеющим подобного значения словом *көбә*, тогда как *көбә* – доспех из металлических колец – не охватывает значения *брони*), неразработанность включающих в себя более широкий диапазон устаревших слов исторических словарей с толкованием этих слов затрудняют их поиск переводчикам, историкам. Не всегда корректной, на наш взгляд, является употребление современной, зачастую заимствованной лексики, вместо собственного самобытного наименования, как правило, традиционной лексики.

3.3. Традиционная военная лексика в художественной литературе

Довольно часто традиционная военная лексика встречается в художественной литературе, в произведениях, где повествуется об исторических событиях более или менее отдаленного времени, а действующими лицами выступают исторические личности.

Для более детального анализа исследуемой лексики мы изучили несколько исторических романов: «Сызгара торган уклар» («Свистящие стрелы») Н. Фаттаха, «Сөембикә ханбикә һәм Иван Грозный» («Суюмбика-ханбика и Иван

Грозный») М. Хабибуллина, «Күчем хан» («Кучум хан») Ф. Байрамовой.

Сплошная выборка военной лексики из исторических романов показала некоторые особенности ее использования.

1. Использование исторической лексики для создания атмосферы эпохи. В романе Н. Фаттаха «Свистящие стрелы» историческая лексика использована в большом количестве, что однако не затрудняет читателю понимание, а наоборот, позволяет более ярко предствить описываемую в произведении эпоху, где речь идет о древнетюркских племенах на территории современной Монголии в III в. д.н.э. Используя большое количество военной терминологии, автор подчеркивает высокую организованность военной системы у древних тюрков. Для лучшего понимания в конце произведения читателю представлен небольшой словарь исторических слов.

Примеры из произведения:

*Сэңйуй башкала халкын тулысынча кырып салды, яшьләрен, хатын кызларын **бөлген** итте һәм чиннәрнең шулкадәр күп көч түгеп, шулкадәр күп кан коеп салынган сарайларын яндырды, җимерде, байлыгын талады.*

*Менә дошман **чирүе**, калкулыктан төшеп, түбәндәге тигезлеккә таралды.*

*Яңа җирдә Албуга атасы биргән киез өен корып куйды, **меңбашлары, карачылар, торгак агалары, багалар** билгеләде һәм үзенә буйсынган аксөякләрне җыеп, һәркемгә көтүлекләр бирде.*

*Кулга алынган ирләрне шундук Салчак **алып** белән Исәнтәй янына алып киттеләр.*

*Ул [Булгак алып] ыру-кабилә кешеләреннән аерым-аерым **алайлар** туплады.*

***Чирүенне** унга, йөзгә, меңгә, төмәнгә бүл. **Унбашлары, йөзбашлары, меңбашлары, төмән бәкләре** билгелә.*

В связи с отдаленностью эпохи, трудно судить о лексике III в. д.н.э. В то же время в художественном произведении не может быть поставлена цель восстановления языка описываемого времени. Для создания атмосферы той эпохи автор предложил читателям еще понятные им, не совсем выпавшие из употребления устаревшие слова, используя их как изобразительные средства.

2. Использование индивидуально-авторских неологизмов. В качестве таких же изобразительных средств для создания атмосферы описываемой эпохи авторы произведений предложили читателю свои военные окказионализмы, которых, надо заметить, не мало как в произведениях М. Хабибуллина, так и Ф. Байрамовой. Например: **жансакчы** ‘телохранитель’ (букв. ‘хранитель души’). *Жангали хан тирэли жансакчылары баскан.* (М. Хэбибуллин); **коралханэ** ‘хранилище оружия или мастерские по изготовлению оружия’. *Ә ул энә, кайда атына атланып, кайда каекка утырып, ханлыкның бер башыннан икенче башына йөри, ил-жирне кяферларгә каршы көрәшкә туплый, коралханәләрнең эшен барлый, яу кырына сугышчылар барлый...* (Ф. Бэйрэмова); **кылычлы** ‘вооруженный мечом (саблей) воин’. – *Сафа Гэрэй хан атаң Йосыф бәктән Казанны кире кулыма төшерәм, сәнең биләмәң итәм дип гаскәр сораган, атаң, хәленә кереп, утыз мең кылычлы биргән, диләр.* (М. Хэбибуллин); **тупсабаш** ‘стражник у порога’. *Ханбикә аларның барысын да тәхет ягына дәшеп алды, алгы якта тупсабаш белән Искәндәр икәү генә калдылар.* (М. Хэбибуллин); **утлы таяк** ‘ружье’ (букв. ‘огненная палка’). *Күчем Бохарадан утлы таяклар да кайтартып карады, Кырымнан туплар соратты, әмма аларга да даими рәвештә дары, ядрә кирәк булып чыкты.* (Ф. Бэйрэмова); **яутун** ‘доспехи; кольчуга’. *Ул килеп житкәндә, урман-сазлыklar арасына яшеренгән атауда эш гөрли иде – тимерчеләр күрек тарта, сандалга салып, тимер суга, осталар утлы тимерне бер рәвешкә кертә,*

кемдер утлы таяк ясьи, кемнәрдер Себер татарларының үз коралларын – санай-укларны, сөңге һәм хәнжәрларне, кылыч һәм айбалталарны, тимер көбәләр, ягъни яутуннарны тау-тау итеп өя. (Ф. Бәйрәмова). Биредә, Алтын Урда ханнарының булат кылычларынан һәм яутуннарынан тыш, аларның тарихлары, васыятьнамәләре дә бар. (Ф. Бәйрәмова).

Часть таких неологизмов, на наш взгляд, довольно органично влилась в повествование и действительно воспринимается как что-то из той далекой эпохи (*жңансакчы, коралханә, яутун*). Некоторые из этих лексем, например, *кылычлы* ‘вооруженный мечом (саблей)’ существуют во многих тюркских языках в качестве прилагательного и вполне могли реально употребляться в речи той эпохи как существительные.

3. Использование различных вариантов написания.

Подача некоторых уже существующих в определенной форме исторических лексем также имеет свои особенности. Понимаются такие слова, как *гаскәрбаши* ‘полководец, командующий; военачальник’, *каравылбаши* ‘начальник караула’, *йөзбаши* ‘сотник, сотенный’, *меңбаши* ‘тысяцкий, тысячник’ и др. Современные толковые словари татарского языка и словари тех тюркских языков, где они зафиксированы, предлагают вариант с изафетом не I типа, а с изафетом II, т.е. *гаскәр башы, каравыл башы, йөз башы, мең башы*. В определенных произведениях они в такой форме и употреблены: *Шул ук көнне төмән бәгенең боерыгы барлык ирләргә җиткерелде. (Н. Фаттах)*. Однако исследовавшая сложные слова в татарском языке Ф.И. Тагилова считает, что обе формы изафета «издавна использовались в языке параллельно, с одинаковой активностью», причем обиходная, разговорная форма тяготеет к форме с изафетом I типа [Тагилова, 78]. Примеры из текстов: *Чапкын йөзбаши алдаган булса, аны үлем көтә, хак тәгалә китергән булса – меңбаши*

булыр һәм йөз алтын аңа. (М. Хәбибуллин). *Сарай каравылбаши Велизарий эжитәкчелегендә өч мең сакчы бар.* (М. Хәбибуллин). *Көнчак углан башта кирмән капкасында торучы каравылбашларны алыштырды, аннары сарай тирәсендәге Юныс бәк егетләрен Арчага кайтарып эҗибәрде, алар урынына үз кешеләрен куйды.* (М. Хәбибуллин). *Гаскәр-баши итеп Али солтанны билгеләделәр, төмәнбашларында Кашкар, Карача, Бегши морзалар тора иде...* (Ф. Бәйрәмова). Таким образом, авторы в данном случае выбрали более аморфную форму бытования слова, образовав новый термин.

В языке М. Хабибуллина особенно ярко ощущается стремление к передаче слов в «более» разговорном стиле. Для сравнения, одни и те же лексемы *воевода* и *князь* у двух авторов даны в разной орфографии: *Барымта йөрергә өйрәнеп киткән урыс воеводларын ничек тулганага алып, юк итү хакында сөйләшергә тиешләр иде.* М. Хәбибуллин. *Капкада торучы сакчы кенәзне танымый тордымы, аркылы төште, сөңгесен юналтте.* М. Хәбибуллин. *Баштанаяк утлы корал белән коралланган полк воеводасы князь Афанасий Лыченицын гаскәре кирәк икән --- Күчем ханның үзен дә үтерергә тиешләр иде.* Ф. Бәйрәмова.

Таким образом, военная лексика находит отражение в исторической художественной литературе. В большинстве своем авторы произведений в качестве изобразительных средств используют понятные современным носителям языка термины. В то же время с целью создания атмосферы описываемой ими эпохи могут предлагать читателям еще понятные им, не совсем выпавшие из употребления устаревшие слова. Если же какой-либо термин имеет совершенно непонятный лексический облик, то для их передачи многие авторы прибегают к индивидуальным неологизмам, через которые воспроизводят устаревшее понятие. В передаче некоторых устаревших слов, в том числе

и военных, можно зафиксировать и случаи отклонения от традиционной орфографии. Иной раз, хотя и редко, авторы неверно используют то или иное историческое понятие.

3.4. Устаревшая военная лексика во фразеологии

Древнейшая лексика в большом количестве сохранилась в застывшем виде в произведениях устного народного творчества, в том числе в пословицах, поговорках, фразеологизмах. На уровне современного языка значения некоторых единиц труднодоступны. Они, как правило, являются архаизмами или историзмами. Основная причина исчезновения таких слов – отсутствие в современном обществе тех явлений, реалий и т.д., которые данные слова и обозначали.

В пословицах сохранилось и определенное количество военной лексики. В сборнике Н. Исанбета «Татар халык мәкальләре» нашло отражение 108 лексем, а в словаре татарских фразеологизмов этого автора более 50 лексем, так или иначе касающихся военного дела. Нельзя сказать, что все эти лексемы понятны современному носителю языка без специального лингвистического анализа. В данном параграфе мы хотим остановиться на некоторых из таких единиц.

Например, в пословице *Алапасы олы, кабыргасы коры* и фразеологизме *алапа күтәру* слово **алапа** означает ‘военная добыча, трофей; жалование военным; компенсация за ранение’ [Әхмәтъянов, 2005, 54]. Р.Г. Ахметьянов возводит его к арабскому заимствованию *галәфә* [Әхмәтъянов, 2005, 85]. В языке бытовало и более близкое к языку-источнику звучание *алафа* со значением ‘польза’, что так же зафиксировано в некоторых словарях [МС, 2007, 22; ТСРЯ, 2007, 399 указано значение «свободно и хорошо»]. Через разговорные формы из тюркских языков в форме *лафа* оно проникло и было фонетически освоено русским языком [ЭСРЯ, II, 167]. Кроме

этого, Р.Г. Ахметьянов фиксирует данное слово в форме *аләфә* с дополнительными значениями ‘провизия, продовольственный запас; фураж, сено’ и ‘льгота (для семей военных)’ [Әхмәтъянов, 2001, 28]. В примечаниях к поэме Кутба «Хосров и Ширин» это слово поясняется как ‘дополнительная плата военным, чиновникам; премия’. В турецком языке *ulufe* ‘жалованье (содержание) янычара’, *alafa* – ‘султанское содержание послов’. Л.З. Будагов указывает заимствование этого слова из арабского *علوفة* ‘улүфә, а также использование и в казах., башк. *الابا* *алаба*, *آلآبا* *алаба* в значении ‘награждение, жалование’ [I, 78]. К сожалению, в современных словарях татарского языка это слово не зафиксировано.

Значение слова **барымта** в пословицах *Барымта алган мал түгел, куйн алган куй түгел; Барымта алган мал түгел; Барымтага барымта, карымтага карымта* – ‘у кочевых тюркских народов: набег на соседние племена с целью угона скота’. В словаре татарских фразеологизмов Н. Исанбет фиксирует и форму *барымтал* [ТТФС, I, 137]. В русский язык это слово проникло в форме *баранта, барантач* [ТСРЯ]. В словаре турецкого языка зафиксировано как *baranta* [РТС, 1977, 95]. М. Фасмер считает, что данная лексема монгольского происхождения [ЭСРЯ, I, 124]. Р.Г. Ахметьянов также предполагает, что слово образовано от монгольского слова *баримта* ‘поймать; обвинять’ с глагольной основой *бари-* ‘поймать, ловить’ [Әхмәтъянов, 2005, 107]. В мишарско-типтярском говоре бытует слово *бартан итү* ‘отомстить’ [ТХМ, III, 392; ТТФС, I, 137]. В златоустовском говоре татарского языка зафиксирован глагол *бартаннау* в значении ‘сделать назло’ [ТТЗДС, 2009, 101]. Что касается последней пословицы, то потерпевшее убытки племя, конечно же, должно было отомстить за угон своего скота и в удобное время само организовывало набег на захватчиков, отвоевывая у них скот. Это и называлось **карымта**, т.е. ответный набег. В словаре

узбекского языка зафиксировано слово *қаримта*. Оно имеет значение ‘долг вежливости; ответный подарок; воздаяние; возмездие’. Среди прочих значений слова *кару* у Л.З. Будагова есть и ‘мечь, возмездие’, и автор сопоставляет слово с монгольским *харю* ‘ответ, возврат’.

Слово **мэрэ**, которое встречается в пословицах *Төзэмичә мәрәгә тидерә алмассың; Мәргән мәрәгә тидерер*, сегодня совершенно забыто и вместо него сегодня чаще используется русское заимствование *цель*. Синонимами мэрэ в татарском языке являются *алка уртасы, мишень, һәдәф, нишан*. По мнению Р.Г. Ахметьянова, в говорах татарского языка бытует и в форме *мэрәй*. Данное слово зафиксировано в словарях некоторых тюркских языков (баш. *мэрәй*, казах. *мәре*, кирг. *мөрө, мөөрө*, хак. *мөрөй, мөрий*) и считается образованным из древнетюркского корня *мэр* ‘мишень, цель’ [Әхмәтъянов, 2001, 143]. Использованное в последней пословице слово *мәргән* ‘меткий стрелок, умеющий застрелить птицу на лету’ также считают образованным от основы *мэрә* [МС, 2007, 222]. В трехтомном толковом словаре татарского языка лексема *мэрә* зафиксирована как диалектная, имеющая значение ‘круг (играющий)’. В одготомном толковом словаре слово вообще отсутствует.

В сборнике татарских народных пословиц самым частым словом, касающимся военной тематики, является **яу**. Оно использовано в более 150 пословицах из раздела «Война. Мир. Вражда» и имеет несколько значений. Например, в пословицах *Атны баксаң ардаклап, яуга бирмәс тар җирдә; Ваемсыз баш яуга ярдәмче; Яуның эте дә яу* оно означает врага. В пословицах же *Яу килә дип йортыңны ташлама; Яу килә дип азыкны бетермә, ил күчә дип утыңны сүндермә; Яу киткәч, кылычыңны төпкә чап!* яу означает ‘нападающее войско, полчища врага’. А в пословицах *Яуга барам дип мактанма, яудан кайтуың белән мактан; Батыр яуда*

беленер, телчэн дауда беленер; Яудан коры кайтканчы, яралы кайт *яу* обозначает ‘война, битва, сражение’. В последнем значении *яу* встречается и во фразеологизме *яуга барасы кеше кебек* ‘начинать готовиться к чему-л. непосредственно перед его началом; о чем-то поспешном’.

Все три значения слова *яу* тесно связаны между собой. Самое древнее из них, по всей видимости, – первое – зафиксировано в «Древнетюркском словаре» в форме *jayū*. Судя по примерам, ясно, что оно означало врага: *tabyaç qayan jayūmiz erdi* ‘Табгач каган был нашим врагом’; *bu er ol jayūdin qutulyan* ‘Этот человек спасся от врага’ [ДТС, 1969, 224]. В старотатарском языке это слово зафиксировано в форме *йаг* [МС, 2007, 568]. Этот корень получил и деривационное распространение. Например, слово *яугир* ‘воин’ можно разложить на *йау, йаг + ир* ‘военный муж, военный человек’. В дастане «Идегей» слово *яугир* употреблено в кыпчакском варианте *явыр*:

*Яуда явыр булсын дип,
Яуны бергә кырдырды.*

В современном татарском языке составляет основу слов *яулау, яулап алу* ‘завоевать, завоевывать’.

Некоторые пословицы сохранились в нескольких вариантах. Это помогает выяснить синонимичность определенных слов. При сравнении пословицы *Булат кынга тукмый* с другим его вариантом *Кылыч кынга тукмый*, выясняется, что слова **булат** и **кылыч** тождественны. В этом случае материал заменил само орудие. А вот в пословице *Булат пычак кынсыз булмас* слово *булат* уже использовано в значении материала. По мнению Р.Г. Ахметьянова, слово *булат* очень давно было заимствовано из персидского *пулад* и означало сталь (якут *болат*, аз. *полат*, алт. *полот*, рус. *булат(ный)*, укр. *булат*). Как видно и из пословицы, слово *булат* часто заменяло название вещей, изготовленных из

стали (булат = меч). Тюркское звучание данного слова было заимствовано и русским языком (мечь булатный).

В поговорке *Мәргән мәрәкәдә беленер мәрәкә* заимствовано из арабского *معركة* *мә'рәкә, мәгърәкә*. В арабском языке оно означает 'поле битвы'. Можно, таким образом, сделать вывод о том, что меткие стрелки выявлялись в битвах. Кроме этого, данное слово в татарском языке использовалось и в значении 'место веселья, увеселения' [ГТРаС, 1993, 296; МС, 2007, 298]. Таким образом, чтобы испытать метких стрелков, народ устраивал в местах увеселения *военные игры*, где стрелки стреляли из лука в мишень, показывали свое мастерство в стрельбе. Слово *мәрәкә* встречается во многих тюркских языках: башк. *мәрәкә*, узб. *марок*, кирг. *мараке, маараке*, туркм. *мәреке*, кр.-тат. *мәрәкә*, уйг. *مەرىكە* [*мәрика*], чув. *мереке, мерекке*.

Слово **ярак**, как было сказано и выше, в современном татарском языке самостоятельно не используется. Однако в пословицах оно сохранилось: *Ярагы барның җаны урынында, ярагы юкның җаны учында; Яраклы көндә яу юлыкмас, эш бар көндә дус юлыкмас; Яу юкта ярак күп, яу килгәндә таяк та табылмас*. Как ясно из примеров, *ярак* – доспехи, латы. В «Татарском энциклопедическом словаре» *йарак* толкуется как доспех, сплетённый из металлических колец или пластин. В «Древнетюркском словаре»: *көбә йарак* – кольчуга, *сай йарак* – панцирь. В целом же в народно-разговорном языке данное слово сохранилось в качестве компонента в лексеме *кирәк-ярак* и означает вообще все снаряжение, амуницию, включая как доспехи, так и оружие и провизию. В «Большом диалектологическом словаре татарского языка» слово *йарак* зафиксировано в значении оружия [ТТЗДС, 166].

Таким образом, в пословицах, поговорках и фразеологизмах сохранилось определенное количество выпавших из живого языка устаревших лексических единиц. Многие из этой

устаревшей лексики относятся к военному делу. По той картине лексического состава языка, которая отразилась в паремиях, можно судить, какие словарные элементы принимали участие в создании татарского национального языка. Сформированность военной лексики указывает на древность этого пласта лексики, а закрепление в паремиях – на широкое употребление в живой разговорной речи и понимание их большинством носителей языка. Широкое употребление и сформированность исследуемой области лексики показывают высокую подготовленность предков современных татар в военном деле.

3.5. Синонимия и вариативность военной лексики татарского языка

Синонимия – довольно хорошо изученное явление в современной теории языкознания. Однако проблемных и спорных моментов в ее изучении остается еще немало. Существует десятки определений, раскрывающих смысл синонимии как языковой категории. По наиболее распространенному из них, синонимия – это совпадение в основном значении (при сохранении различий в смысловых оттенках и стилистической окраске) морфем, слов, синтаксических конструкций, фразеологических единиц [Ахманова, 407; Розенталь и Теленкова, 381]. По мнению М.А. Крангауза, «два знака одной знаковой системы находятся в отношении синонимии или называются синонимичными, если их содержание совпадает, а формы различаются. Синонимичные знаки-лексемы принято называть синонимами» [Кронгауз, 169]. В современном языкознании мнения ученых-языковедов о синонимичности и вариативности однокоренных слов сильно разнятся. Одни из них (О.С. Ахманова, А.М. Смирницкий) считают, что слова, отличающиеся только аффиксальными морфемами, являются вариантами одного и

того же слова. Например, *языкознание* и *языковедение*. Другие лингвисты (С.И. Абалумов, М.А. Солонина, Ш.С Ханбикова) рассматривают такие слова как грамматические синонимы. Ш.С. Ханбикова указывает в языкознании два основных момента, определяющие синонимы: «1) слова, выражения, синтаксические конструкции, грамматические формы, означающие одно и то же понятие; 2) слова и выражения, используемые в речи в одном и том же значении, одно из которых можно заменить другим» [Ханбикова, 3].

Исходя из вышеназванных точек зрения, мы выявили следующие способы образования синонимических рядов среди военной лексики татарского языка:

1. Образование новых слов при помощи синонимичных морфем:

а) присоединение разных синонимичных аффиксов к одним и тем же корням и основам: *аткы*, *аткыюч* (от *ат*- ‘стрелять’), *камалу*, *камалыш* (от *кама*- ‘осаждать’), *чапкын*, *чабар* (от *чап*- ‘скакать’), *яугир*, *яучы* (от корня *яу* ‘битва’);

б) присоединение одного и того же аффикса к разным синонимичным корням и основам: *сугыш*, *орыш*, *алыш*, *көрәш*, *бәрелеш* ‘война, битва, столкновение’ (от основ *сук*-, *ор*-, *ал*-, *көр*-, *бәрел*- и аффикса *-ыш/-еш/-әш*); *каравыл*, *багавыл*, *кургавыл*, *йортавыл*, *туктавыл* ‘сторожевые отряды различного назначения’ (от *кара*-, *бақ*-, *курга*-, *йорт*-, *тукта*- и аффикса *-ыл*).

2. Образование лексиколизированных словосочетаний: *тимер көбә* (*тимер* ‘железо’ и *көбә* ‘кольчуга’), *тимер тун* (*тимер* ‘железо’ и *тун* ‘одежда’); *тәмән башы*, *тәмән агасы*, *тәмән бәге*, *тәмән би* (*тәмән* ‘тьма, десять тысяч’ и *башы*, *агасы*, *бәге*, *би* ‘голова’, ‘старший’, ‘бек’).

3. Перенесение значения слова: *кул* ‘фланг’ < ‘рука’, *маңлай* ‘авангард’ < ‘лоб’. Этот способ является также одним из путей образования омонимов в языке.

4. Образование новых слов, главным образом имен существительных, с собирательным значением, обозначающих оружие и доспехи: *корал-ярак* (*корал* ‘оружие’ + *ярак* ‘оружие’), *ук-жэя* (*ук* ‘стрела’ + *жэя* ‘лук’), *ян-ук* (*ян* диал. ‘лук’ + *ук* ‘стрела’).

5. Фразеологизация словосочетаний: *тар-мар итү*, *юкка чыгару* ‘уничтожить’, *кырып салу* ‘разбить’.

6. Заимствования:

а) совпадение значений исконных и заимствованных слов: *боерык* и *эмер* (араб.) ‘приказ’, *жиңу* и *галәбә* (араб.) ‘победа’, *көбә* и *зирәһ* (перс.) ‘кольчуга’, *кылыч* и *сәеф* (араб.) ‘сабля, меч’, *сөңге* и *нәйзә* (перс.) ‘копье’, *сугыш* и *жәң* (перс.) ‘война, битва’, *ук* и *навәк* (перс.) ‘стрела’, *улжа* и *ганимәт* (араб.) ‘трофей’, *ур* и *траншея* (фр.) ‘вал’, *чукмар* и *гөрзи* (перс.) ‘булава’, *яу* и *дошман* (перс.) ‘враг’ и др.;

б) совпадение значений двух или нескольких заимствованных слов из разных языковых источников: *эмер* (араб.), *фәрман* (перс.) и *приказ* (рус.) ‘повеление, приказ’, *баһадир* (перс.) и *пәһлеван* (перс.) ‘богатырь’, *гаскәр* (араб.) и *жәнд* (араб.) ‘войско’, *дошман* (перс.) и *гадү* (араб.) ‘враг’, *мәнжәникь* (араб.) и *катапульта* (гр.) ‘катапульта’, *нәйзә* (перс.) и *мизрак* (араб.) ‘пика’, *фетнә* (араб.), *ихтилал* (араб.) и *кыям* (араб.) ‘восстание, бунт’, *флаг* (голл.), *лива* (араб.) и *әләм* (араб.) ‘флаг, знамя’ и др. [Сафиуллина, Закиев, 55–58, Ишбердин, 78].

Итак,, основные причины образования синонимов в языке можно сгруппировать следующим образом:

1) возникновение слова в ту или иную эпоху, в том или ином регионе, диалекте. Важную роль при этом играла активность в употреблении слов-основ, продуктивность аффиксов в тот период и в том регионе;

2) заимствования слов у народов, с которыми в ту или иную эпоху жили в соседских отношениях носители языка.

Количество заимствованной лексики зависит от политического, экономического, военного уровня развития языка-источника. Одно и то же слово могло быть освоено заимствующей стороной и через разговорный язык, и через письменный – через специальную или художественную литературу;

3) в одном и том же предмете или явлении человеческое мышление раскрывает новые стороны и признаки, в результате чего данный предмет или явление может быть названо вторично на основе новой ассоциации со сходным признаком другого предмета или явления, уже имеющего в данном языке наименование. Вследствии этого, исходя из внутренних возможностей родного языка, образуется новое слово или же в обиход внедряется заимствование, способное охватить новые признаки предмета или явления.

Однако необходимо указать, что в процессе развития любого языка, в том числе и татарского, многие лексические единицы, обозначающие одно и то же понятие, могут иметь несколько вариантов написания и произношения, но не являться при этом синонимами. Как было уже сказано чуть выше, это атрибут живого развивающегося языка.

К.С. Горбачевич указывает критерии разграничивания синонимии и вариативности следующим образом: «Синонимы имеют разную субстанцию. Даже однокоренные синонимы – это генетически не тождественные языковые единицы с неодинаковой словообразовательной структурой и набором словообразовательных морфем. Варианты слова же имеют единую генетическую субстанцию, их формальные несовпадения не выходят за пределы фонетических или иных преобразований внутри данного слова. Генетическое и материальное единство вариантов слова и составляют тот релевантный признак, который отличает их от однокоренных синонимов» [Горбачевич, 18]. Мы придерживаемся такого же мнения. Исходя из этого, можем утверждать, что такие слова

как *ту* и *туг* ‘знамя, штандарт’, *алана* и *алафа* ‘трофей; вознаграждение воинов’, *балта* и *палта* ‘топор, секира’, *жарак* и *йарак* ‘кольчуга’ являются вариантами одного и того же слова (*ø/з, н/ф, б/п, ж/й* – аллофоны). А *камалу* и *камалыш* ‘осада’, *чапкын* и *чабар* ‘гонец’ находятся в синонимических отношениях (*-у* и *-ыш, -кын* и *-ар* – синонимичные аффиксы). Таким образом, под вариантами слова понимается регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны (произношением звуков, составом фонем, местом ударения или комбинацией этих признаков), либо формообразовательными аффиксами [Горбачевич, 17].

Четкой и общепринятой классификации вариантов слов в науке не существует. Самым распространенным является распределение вариантных пар по формальному признаку. К таковым на современном этапе развития языка относят 1) *орфоэпические* (произносительные), которые в свою очередь разделяются а) на *акцентные* и б) *фонетические*; 2) *фонематические*, различающиеся составом фонем и 3) обладающие категориальными и формальными различиями *морфологические* варианты [Горбачевич, 20; Современный русский язык, 10].

Рассмотрим фонематические варианты военной лексики татарского языка. Фонематическая вариативность, в отличие от фонетической, не представляет собой живого явления татарской фонетики, т.е. фонематическая вариантность не связана прямо ни с позиционно-комбинаторными изменениями звучания, ни с типом произношения, ни с особенностями современной разговорной речи. Несовпадения в фонеме в фонематических вариантах появились в результате действия исторических закономерностей в развитии звукового строя татарского языка,

особенностей вхождения и адаптации иноязычной лексики, влияния орфографического облика слова и других факторов внешнего порядка.

Варианты с различием ғ/ө. Вариантов, образованных данными соответствиями, среди военной лексики татарского языка немало. Они встречается и в начале слова, и в середине, и в конце. Звук *ɣ*, как слабо артикулируемый, в истории тюркских языков не был устойчивым, в современных языках, благодаря ассимиляторному воздействию предшествующего гласного он часто менялся: или мог утратиться, или же образовал долготу предшествующего гласного [СИГТЯ: Фонетика, 200–202]. Например, слово *гаскәр* ‘войско, армия’ как имя собственное сохранилось в формах *аскәр* и *эскәр* [Саттар-Муллиле, 78]. У татар есть довольно распространенная фамилия *Аскарров*, что несомненно берет свое начало от *гаскәр*. На наш взгляд, варианты без [ғ] в основе своей сохранились в западных говорах татарского языка. Как подчеркивают диалектологи, опущение глубокозаднеязычного согласного звука [ғ] в арабских заимствованиях характерно для мишарского диалекта татарского языка [Татар сөйләшләре, 2; 10]. В современном татарском языке литературной нормой является форма *гаскәр*. Варианты с таким же изменением звуков и в той же позиции наблюдаются и в паре *әләм – гәләм* ‘знамя, стяг’.

Слово *кала/кальга* ‘город, крепость’. Первоначально, по нашему мнению, *кала* имело значение ‘крепость, укрепление’. Именно в таком значении оно зафиксировано в кыпчакском памятнике «Codex Cumanicus» [Махмутова, 106]. «Древнетюркский словарь» слово *кала* толкует как ‘укрепленная часть города, цитадель; город’ [ДТС, 410]. В словаре В.В. Радлова ко всем этим значениям добавляется еще одно – «село». Как показывает анализ некоторых тюркских языков, данное слово в каждом конкретном из них, кроме узбекского, имеет только одно значение: в тат., баш.,

казах., узб., к.-калп., чув. языках – город, в аз., тур., турк., узб., уйг. – крепость. В татарском языке *кала* меняется не только по содержанию, но и по форме, т.е. если в древнетюркских памятниках дается только вариант قلعه 'кал'а', то уже в старотатарских словарях фиксируются два варианта. В словаре Л.З. Будагова подчеркивается, что «*тат. قالا (вм. а. قلعه) город, крепость; قلعه калъ'а (тат. قالا, قلا) крепость, замок укрепленный, вал городской, в тат. город, пригородок (произносится калга) ...казан. قلعه لی калгалы горожанин*» [Будагов, 2; 20, 62–63]. Если в словаре К. Насыри и *кала* и *кальга* толкуются как 'город' [Насыри, 2; 34, 44], то у А. Троянского قلعه 'город, крепость, замок, кремль'. Из всего сказанного можно сделать вывод, что в татарском языке произошло расширение семантики слова *кал'а* и оно стало обозначать не только крепость, укрепленный город, но и город вообще. Это слово, имеющее в более ранние эпохи одно семантическое значение, в процессе языкового развития распалось на две самостоятельные лексемы с разным фонетическим составом. В современных толковых словарях татарского языка *кала* – город, *кальга* – крепость [ТГАС, 2; 29, 35; МС, 220, 224], что можно подтвердить примерами из литературы: *Шуннан соңгы вакыйгалардан соң Болгар ханы Габдуланың уллары Алтыбик белән Галимбикнең Казан елгасы буенда калъга корулары турында хәбәр ителә.* (Гасырлар авазы); *Каладагы урта буын ир-ат йә һөнәри, йә сакчы булган.* (Р. Һади). Различие в значениях особенно четко проявляется в предложениях, где оба этих слова употреблены вместе. Например: *Гаҗәеп нык таш диварлар белән уратып алынган бу кала [Дәрбәнд] чик буеның зур бер калъга-крепостена әйләнә.* (Тарих). Таким образом, образование вариантов в данном случае привело к возникновению в татарском языке двух самостоятельных слов.

Варианты *мәрәкә* и *мәгърәкә* ‘стрельбище; поле брани; сборище народа, праздник, веселье’ сегодня являются устаревшими. В пословицах татарского языка сохранилась разговорная форма данного слова: *Мәргән мәрәкәдә беленер*. Однако некоторые современные словари это же слово транскрибируют из арабского шрифта в форме *мәгърәкә* [МС, 298]. Соответственно в примерах из письменной речи он звучит именно так: *Урталыкта бер мәгърәкә вә гауга чыкты*. (К. Насыри).

Варианты *ту/туг* ‘знамя, штандарт’ тоже являются устаревшей лексикой и встречаются только в эпических и дореволюционных произведениях. Например, *Чыңгыздан калган кара ту, Кара туны кулга алып, Яу кырганын карачы*. («Идегэй»). *Гаскәр алдында туг вә сәнжәк*. (К. Насыри).

Как показывают примеры, образование или заимствование этой лексики происходило в довольно давние времена. Таким образом, вариативность в фонетическом облике данных лексем могут отражать их фиксацию в разных эпохах.

Варианты с различием г/w. Некоторые из многовариантных слов представляют собой лексемы, одни из которых сохранили историческое звучание, другие в процессе развития языка претерпели определенные изменения. Историческое чередование звуков в татарском языке происходило по определенным закономерностям и составляет целую систему [Татарская грамматика, I, 234]. Примером военной лексики к вышесказанному может служить такая пары, как *яг* и *яу* ‘войско противника; враг’. Сюда же, на наш взгляд, нужно отнести и пару *яугир/явыр* ‘воин’, которая образована из *яг+ир* и *яу+ир* (т.е. *яу ире* ‘военный муж’). Например: *Ленинград өлкәсе Тосно шәһәренең «Изге Юл» татар жәмгыяте узган ялда Советлар Союзы каһарманы, Ленин премиясе лауреаты, яугир-шагыйрь – Муса Жәлилнең туган көненә багышланган*

очрашу кичәсе үткәрде. (Tatar-inform). *Жәяүләп төшкән явырның, Исәбе-саны булмады.* («Идегэй»).

Варианты с различием у/о. Среди военной лексики татарского языка встречаются варианты с различием губных гласных. Такое явление обычно наблюдается исключительно в первом слоге слов. Например: *курган/корган* ‘крепость; курган’, *томар/тумар* ‘тупоконечная стрела’, *оран/уран* ‘боевой клич’. «Множество слов с перебоем корневых гласных, характерным для татарского и башкирского языков, встречается и в диалектах и говорах других тюркских языков, а отчасти и в письменных памятниках тюркских языков, располагавших дифференцированными знаками для всех четырех губных гласных (*o* и *y*, *ө* и *ү*). Через говоры и диалекты значительная часть таких слов проникла и в соответствующие литературные языки [СИГТЯ: Фонетика, 154]. В современном татарском языке нормами считаются первые варианты, вторые используются либо в диалектах, либо в дореволюционных текстах.

Варианты с различием по твердости-мягкости. В татарском языке известно много слов, в том числе и военных терминов, которые имеют смягченные варианты. Например: *аламан* – *әләмән* ‘наёмное войско’, *алаңгасар* – *әләңгәсәр* ‘гвардеец; воин-великан’, *иравыл* – *ирәвел* ‘авангард’, *найза* – *нәйзә* ‘копье, пика’, *улҗа* – *үлҗә* ‘трофей, добыча’ и др. Как видно, твердые и мягкие варианты между собой не разнятся по значению. Одни из этих вариантов представляют собой обычное фонетическое развитие слова, другие же являются словами либо из разных диалектов, либо из диалекта и литературного языка [Татарская грамматика, 2; 235]. Современные словари татарского языка, как правило, фиксируют только один из этих вариантов.

Варианты, возникшие в связи с модернизацией графики и транскрибированием. Широкие возможности

для образования вариантов давал принцип иероглифа арабского письма, которым более 1000 лет пользовались тюркские народы, в том числе и татары. Принцип иероглифа состоит в том, что одно и то же тюркское слово, написанное арабской графикой, в разных тюркских языках и диалектах одного и того же произносились по-разному. В связи с этим одно и то же слово, написанное арабицей, имело разное фонетическое звучание. Отличием от предыдущего способа образования вариантов является то, что из-за пассивного применения данных пар в языке они не совершенствовались, поэтому не сохранились их формы произношения в устной речи. Разночтения в них возникли из-за смены графики и транскрибирования. К таковым среди военной лексики можно отнести: *газа* – *газат* ‘поход, набег, нашествие; война’, *дирга* – *диргы* ‘кольчуга, панцирь’, *жџибһә* – *жџәбһә* ‘фронт’, *ихтиляль* – *ихтилал* ‘бунт, восстание’, *касыр* – *каср* ‘крепость, кремль’, *мөдфә* – *модфа* ‘ручное ружье’, *сәйф* – *сәеф* ‘сабля, пашка’, *суари* – *сувари* – *совари* ‘всадник; кавалерист, конный воин’, *сынжәк* – *сәнжәк* – *санжәк* ‘знамя, флаг’, *татгауыл* – *тотгавыл* ‘ночной конный караульный’, *фарраш* – *фәрраш* ‘часовой, караульный’ и др. Примеры: *Газа* кылмыш сүзләрен бәйан кулур... (Мөхәммәдьяр). *Газат* әһлегә бу бер хәсне ләтафәт бар: *зафәр тапса* – *ганимәт*, *гәр шәһадәт тапса*, *жәннәт* бар. (Кол Шәриф). 1885 елдагы Сөләй *ихтилялы* («Сулеевское восстание»), 1896–1897 еллардагы азатлык хәрәкәтләре татар халкының үзбилгеләнү, мөстәкыйльлек, хөрлек өчен көрәшен беркайчан да туктатмавы турында сөйлә. (Р. Әмирхан). Февральдә Бакуда бөек *ихтилал* булып, мөселманнар илә әрмәннәр бер-берен [күп үтерделәр]. (Ш. Мөхәммәдев). *Сынжәкдан* ук атымы йирдән. («Сәхибгәрәй хан хикәяте»). *Таркау тормышта талкан кеби тузынкы әхлакка өйрәнгән яшь укучыларны, баш бөкмичә,*

тәрилкәләнмиңә, сәнҗагыны туп-туры күтәрәп йөрергә өйрәтергә кирәк. (Г. Исхакый). Әллә нинди фетнә кузгалып, хөкүмәт эсерлар кулына күчкәнме? (И. Салахов). Бу фетнә торган саен зурайды, күп башлар киселәп, каннар түгелде, урамнарда вә мәйданнарда аккан кан гәүдәләрне агызыр иде. (К. Насыйри).

Подводя итог, необходимо сказать, что слова, имеющие несколько вариантов написания и произношения, постепенно сливаются в одно – норму литературного языка. Остальные нелитературные варианты либо устаревают и естественным образом отпадают из языка, либо сохраняются в языке и получает своего рода стилистическую функцию: например, один вариант может восприниматься как официальный, другой – как разговорный или диалектный. Выбор одного или другого варианта определяется произносительными привычками носителя татарского языка.

Таким образом, для отраслевой лексики характерно наличие семантической, морфологической и иной вариативности, существование явлений синонимии, полисемии, внутри-отраслевой антонимии и омонимии, т.е. лингвистические признаки отраслевой лексики совпадают с путями развития совокупностей лексических единиц, присущих данному языку в целом.

Таким образом, традиционная военная лексика татарского языка в основном относится к устаревшей совокупности словарного состава, которая перестала развиваться самостоятельно. Следствием этого стала постепенная утрата многих лексических единиц. По степени архаизации мы сгруппировали военную лексику 1) на старинные или непонятные и 2) относительно понятные носителям языка. К первой группе относятся 1) древние. Причины выпадения данных слов из употребления можно определить в двух основных пунктах: а) это древний пласт лексики, который в

процессе развития языка был вытеснен другими лексическими единицами, т.е. вместо них стали использоваться иные слова; б) многие арабские и персидские заимствования, как правило, использовались только в научной литературе, письменных произведениях; отсутствие их в народно-разговорном языке, сложность понимания привели к легкому выпадению из употребления. 2) несамостоятельные – сохранившиеся в качестве компонентов сложных слов.

К относительно понятным устаревшим словам относятся собственно устаревшие слова; 1) собственно понятные устаревшие слова, использование которых наблюдается в исторической литературе, дастанах, поговорках и т.д.; 2) понятные устаревшие слова, но со сдвигом семантики; будучи широко известными словами, они сохранили свою фонетическую оболочку, звучание, однако перешли из одной семантической группы в другую, продолжили свое существование в новом содержании. Такие семантические сдвиги являются следствием изменений в обществе. Определение первичных значений таких слов дает возможность правильно их этимологизировать. 3) потенциальные – те, которые в ближайшем будущем могут выпасть из употребления; 4) искусственные; они придуманы небольшим кругом людей, непонятны широким массам носителей языка и составляют окказиональную группу, поэтому данную группу слов можно было бы рассматривать также как один из видов непонятных слов.

По причине частого использования и близости к разговорному языку употребление многих военных лексических единиц в живой речи полностью не прекратилось. Такая лексика до сих пор находит место быть в научно-учебной литературе, художественных произведениях, поговорках.

Как показали наши исследования, в научной литературе военная лексика разработана в основном на уровне

учебников для среднего образования. В большинстве своем в такой литературе используется общепонятная военная лексика. Немалое количество исторической военной лексики в научной литературе либо дается в скобках рядом с современным эквивалентом (если труд написан на русском языке – рядом с русским эквивалентом), либо приводится специальное толкование. Однако в переводных учебниках или трудах довольно много и случаев неточного перевода, калькирования устаревшей лексики, тогда как большинство из них имеют эквиваленты и в татарском языке. На наш взгляд, употребление современной, зачастую заимствованной лексики, вместо своего собственного самобытного названия, неправомерно. Отсутствие татарских эквивалентов русским терминам в больших переводных, а также толковых словарях, неразработанность специальных исторических словарей затрудняют их поиск переводчикам, историкам.

В большинстве своем авторы художественных произведений используют понятные современным носителям языка термины и понятия, а также в качестве изобразительных средств, с целью создания атмосферы описываемой ими эпохи, могут предлагать читателям еще понятные им историзмы. Если же какое-либо понятие имеет совершенно непонятный лексический облик, то для их передачи многие авторы прибегают к индивидуальным неологизмам, через которые воспроизводят историческое понятие. В передаче некоторых устаревших слов, в том числе и военных, можно зафиксировать и случаи отклонения от традиционной орфографии. Иной раз, хотя и редко, авторы неверно используют то или иное историческое понятие.

Определенное количество исторических лексических единиц сохранилось в пословицах, поговорках и фразеологизмах. Многие из них относятся к военному делу. Сформированность военной лексики указывает на древность

этого пласта лексики, а закрепление в паремиях – на то, что они были понятны массам носителей языка, и поэтому нашли широкое употребление. Это дает основание говорить о высокой подготовленности в военном деле предков современных татар.

Следствием малоупотребительности устаревшей военной лексики, смены нескольких алфавитов и др. подобных причин стало появление различных вариантов написания и произношения одного и того же слова, не являющихся синонимами, которые, однако, постепенно нормируются современными словарями, сливаются в норму литературного языка. Остальные нелитературные варианты либо устаревают и естественным образом отпадают из языка, либо сохраняются в языке и получают своего рода стилистическую функцию: например, один вариант может восприниматься как официальный, другой – как разговорный или диалектный. Выбор одного или другого варианта определяется производными привычками носителя татарского языка.

Появление же синонимов даже в такой конкретной области, как военное дело, в большинстве случаев является результатом непоследовательного развития военного дела у татар на татарском языке, поэтому возникновение новых слов связано с их активностью в той или иной эпохе, регионе, диалекте; с заимствованиями из других языков; а также с новыми сторонами и признаками в одном и том же предмете или явлении, которые раскрывает человеческое мышление, и в результате чего данный предмет или явление может быть названо вторично.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная лексика тюркских языков стала формироваться в глубокой древности, задолго до того, как была отражена в общетюркских письменных памятниках, т.к. в этих памятниках они уже зафиксированы с различными фонетическими вариантами, имеют многочисленные дериваты, переносные значения, широко используются в паремиях. Исследуемая лексика татарского языка была рассмотрена в четырех историко-генетических пластах: 1) общеалтайском; 2) тюрко-монгольском; 3) общетюркском; 4) заимствованном.

Общеалтайский пласт, к которому относятся лексемы, встречающиеся в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, является наиболее древним. Из анализированных нами лексем *курган* ‘крепость, укрепление’ означает укрепленное место, что показывает довольно раннее развитие оборонительных сооружений у носителей этих языков. К этому же пласту относится особо универсальный в применении топор – *балта*. Древние корни имеет и глагол *чан-* ‘рубить, сечь’, что, по видимому, связано и с *балта*. Так как чаще всего заимствованиями являются существительные, наличие в языках общих глагольных основ служит признаком родственности этих языков. В нашем исследовании такой основой оказалась *чан-*, которая наблюдается во всех языках алтайской группы. Исследованная лексема *көбэ* ‘кольчуга’ берет начало еще в алтайский период, где имела значение ‘плотная (стёганая) одежда’. В некоторых языках огузской группы она означает ‘серьга’. Исходя из технологии изготовления кольчуг, в кыпчакских языках слово приобрело значение кольчатого защитного одеяния.

Широкое распространение анализируемых лексем как в родственных, так и в неродственных языках показывает их древнейшее происхождение и указывает на высокую

развитость военного дела у предков современных тюрков, монголов, тунгусов и маньчжуров.

Практически все анализированные лексические единицы зафиксированы в доступных нам древнейших письменных памятниках, таких как «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда ал-Кашгари (X в.), «Сказание о Юсуфе» Кул Гали (1233 г.), «Codex Cumanicus» (1303 г.), грамматический трактат XIV в. «Китаб ат-тухфат аз-закийа фи лугат ат-туркийа (Изысканный дар тюркскому языку)», «Мунйат ал-гузат» («Совершающим поход») (X в.), а также «Древнетюркский словарь».

К тюрко-монгольским параллелям были отнесены те лексические единицы, которые зафиксированы в тюркских и монгольских языках, но отсутствуют в тунгусо-маньчжурских. По своему происхождению этот пласт лексики также является древнейшим. Нами проанализирован общий для данных семей языков ряд слов: *калкан* ‘щит’, *нөгэр* ‘дружинник’, *улжса* ‘трофей’, а также глагольная основа *кун-* ‘ночевать; сделать привал’. В качестве военных терминов некоторые из данных параллелей (*калкан*, *нөгэр*) сформировались только в тюркских языках.

Особой распространенностью отличается слово *калкан* ‘щит’. Оно имеется во многих персидских (тадж., ягноб., курд.), кавказских (авар., лезг.), славянских (др.-польск., рус. диал., болг., албан. и др.) языках, тюркское влияние в которых у исследователей сомнения не вызывает.

Помимо тюркских и монгольских языков, слово *нөгэр* зафиксировано в словарях персидского, таджикского, а также русского языков. Хотя в некоторых источниках и указывают на заимствование данной лексемы в русский язык из монгольского, надо заметить, что военную семантику она приобрела только в тюркских языках.

Судя по письменным памятникам, до начала монопольного влияния арабского языка такие термины, как

улжа ‘трофей’ и *чирү* ‘войско’, были довольно активны в языке, впоследствии же их вытеснили арабские эквиваленты *ганимәт* и *гаскәр*, последний из которых является литературной формой и в современном татарском языке.

Самый большой пласт военной лексики составляет общетюркский. Он охватывает практически все области военного дела от оружия до эпизодов военных действий. Классификация на основе лексико-семантических групп характеризует полную систему самостоятельной армии государственного уровня, т.е. они встречаются практически во всех (*ат-* ‘стрелять’, *ук* ‘стрела’, *орыш* ‘битва, сражение’ и др.) или во многих (*мылтык* ‘ружье’, *сакчы* ‘караульный, часовой’, *кама-* ‘окружить’ и др.) тюркских языках, некоторые характерны для отдельного ареала. Более системный анализ общетюркского пласта мог бы четче представить и ареальное деление военной лексики. Абсолютное большинство терминов из этого пласта также зафиксированы в древнейших тюркских письменных источниках. Этот пласт в своей тематике является стержневым. Данное обстоятельство имеет немаловажное значение для этногенетических выкладок. Оно доказывает древность тюркского мира, его государственность с древнейших времен.

Ввиду своей древности и широкой употребительности исследованные военные лексические единицы проникли во все соседние языки Среднего Поволжья. В Волго-Уральском языковом союзе тюркские заимствования наблюдаются в финно-угорских (*корал* > мар. *курал*, удм. *кырал*; *чукмар* >) и русском языке (*чукмар* > рус. *чекмарь*).

Отсутствие собственно татарского пласта военной лексики объясняется тем, что после падения всех татарских государств в XVI в. военное дело перестало существовать как явление, соответственно не развивалась и лексика данной

области. Историческая военная лексика современного татарского языка является наследницей общетюркской военной лексики, ее общий фонд состоит именно из общетюркских слов. Создание отдельных татарских подразделений в годы Гражданской войны дает некоторый толчок для образования в татарском языке военных терминов. В эти годы в некоторых тюркских языках, в том числе и татарском, появляется слово *алтатар* ‘револьвер, букв. будет стрелять шесть раз’, усиливается калькирование терминов с русского языка.

Значительное место в военной лексике татарского языка занимают заимствования. Немногочисленные китайские заимствования военного характера в тюркский язык проникли довольно давно, когда тюркские народы представляли собой единое целое, поэтому эти заимствования распространены в большинстве тюркских языков. *Ту* ‘штандарт, знамя’ в татарском языке встречается в эпических и исторических произведениях. Термин *чура* претерпел в татарском и в некоторых других тюркских языках определенный семантический сдвиг, из дружинника стал означать раба. В современном татарском языке встречается, как правило, в качестве компонента антропонимов и топонимов.

Заимствования из персидского языка могли быть и прямыми – наиболее ранние, и опосредованными – начиная с X в. через юго-восточных мусульманских тюркских языков. Такие фарсизмы, как *дошман*, *дары*, доминируют в своем синонимическом ряду и вытеснили исконные понятия или другие заимствования с тождественным значением. Слова *бахадир*, *пәһлеван*, *гөрзи* и др. часто встречаются в произведениях устного народного творчества, что свидетельствует об их широком использовании в живом, разговорном языке. Наличие исследуемых лексем во многих тюркских языках указывает на давность усвоения этих

заимствований, поэтому установить их исконность или заимствованность часто вызывает сложности.

Новый поток персидских и арабских слов стал проникать с исламом начиная с X в. Надо заметить и то, что современный взгляд на многие военные арабизмы не может дать объективную оценку в вопросе их употребления в речи. В определенных кругах некоторые из тех устаревших военных арабизмов, которые непонятны сегодня, могли быть достаточно активны.

Военные лексические заимствования современного татарского языка, как правило, русские или проникли из западноевропейских языков посредством русского. В современном татарском языке такие заимствования составляют основную часть военной лексики. В литературном языке они сохранили фонетические особенности языка источника. Однако диалектные и устаревшие формы этих слов претерпели определенные фонетические изменения. Например, слова *генерал*, *офицер*, *солдат* в памятниках деловой письменности XVIII–XIX вв. зафиксированы в форме *йанарал*, *эфисэр*, *салдат*. Наиболее активно их заимствование происходило в периоды усиления военных действий, особенно в начале XX в.

Традиционная военная лексика татарского языка в основном относится к пассивной лексике словарного состава, которая перестала развиваться самостоятельно. Следствием этого стала постепенная утрата многих лексических единиц. По степени архаизации военная лексика была сгруппирована 1) на старинные или непонятные и 2) относительно понятные носителям языка. К первой группе относятся 1) древние. Причины выпадения данных слов из употребления можно определить в двух основных пунктах: а) это древний пласт лексики, который в процессе развития языка был вытеснен другими лексическими единицами, т.е. вместо них стали

использоваться иные слова; б) многие арабские и персидские заимствования, как правило, использовались только в научной литературе, письменных произведениях; отсутствие их в народно-разговорном языке, сложность понимания привели к лёгкому выпадению из употребления. 2) несамостоятельные – сохранившиеся в качестве компонентов сложных слов.

К относительно понятным устаревшим словам относятся собственно устаревшие слова; 1) собственно понятные устаревшие слова, использование которых наблюдается в исторической литературе, дастанах, паремиях и т.д.; 2) понятные устаревшие слова, но со сдвигом семантики; будучи широко известными словами, они сохранили свою фонетическую оболочку, звучание, однако перешли из одной семантической группы в другую, продолжили свое существование в новом содержании. Такие семантические сдвиги являются следствием изменений в обществе. Определение первичных значений таких слов дает возможность правильно их этимологизировать. 3) потенциальные – те, которые в ближайшем будущем могут выпасть из употребления; 4) искусственные, придуманные небольшим кругом людей, непонятные широким массам носителей языка и составляющие окказиональную группу, поэтому данную группу слов можно было бы рассматривать также как один из видов непонятных слов.

Употребление многих военных лексических единиц в живой речи полностью не прекратилось. Такая лексика до сих пор находит применение в научно-учебной литературе, художественных произведениях, во фразеологии. При этом употребление данной лексики часто обусловлено прежде всего достижением определенных стилистических целей.

Как показал анализ, в научной литературе военная лексика разработана в основном на уровне учебников для

среднего образования. В большинстве своем в такой литературе используется общепонятная военная лексика. Немалое количество исторической военной лексики в научной литературе либо дается в скобках рядом с современным эквивалентом (если труд написан на русском языке – рядом с русским эквивалентом), либо приводится специальное толкование. Однако в переводных учебниках или трудах довольно много случаев неточного перевода, калькирования устаревшей лексики, тогда как большинство из них имеют татарские эквиваленты. Употребление современной, зачастую заимствованной лексики, вместо своего собственного самобытного названия, неправомерно. Отсутствие татарских эквивалентов русским терминам в больших переводных, а также толковых словарях, неразработанность специальных исторических словарей затрудняют их поиск переводчикам, историкам.

В большинстве своем авторы художественных произведений используют понятные современным носителям языка термины и понятия, а также в качестве изобразительных средств, с целью создания атмосферы описываемой ими эпохи могут предлагать читателям еще понятные им историзмы. Если же какое-либо понятие имеет совершенно непонятный лексический облик, то для их передачи многие авторы прибегают к индивидуальным неологизмам, через которые воспроизводят историческое понятие. В написании некоторых устаревших слов, в том числе и военных, авторы нередко используют разные варианты одного и того же слова.

Определенное количество исторических лексических единиц сохранилось в пословицах, поговорках и фразеологизмах. Многие из них относятся к военному делу. Сформированность военной лексики указывает на древность этого пласта лексики, а закрепление в паремиях – на то, что

они были понятны массам носителей языка, и поэтому нашли широкое употребление. Это дает основание говорить о высокой подготовленности в военном деле предков современных татар.

Следствием малоупотребительности устаревшей военной лексики, смены нескольких алфавитов и иных подобных причин стало появление различных вариантов написания и произношения одного и того же слова, не являющихся синонимами (*ту* и *туг* ‘знамя, штандарт’, *алана* и *алафа* ‘трофей; вознаграждение воинов’, *балта* и *палта* ‘топор, секира’, *найза* и *нэйзэ* ‘копье, пика’), которые, однако, постепенно нормируются современными словарями, сливаются в норму литературного языка. Остальные нелитературные варианты либо устаревают и естественным образом отпадают из языка, либо сохраняются в языке и получают своего рода стилистическую функцию: например, один вариант может восприниматься как официальный, другой – как разговорный или диалектный. Выбор одного или другого варианта определяется произносительными привычками носителя татарского языка.

Появление же синонимов в такой конкретной области, как военное дело, в большинстве случаев является результатом непоследовательного развития военного дела в качестве специальной области профессиональной деятельности на татарском языке, поэтому возникновение новых слов связано с их активностью в той или иной эпохе, регионе, диалекте; с заимствованиями из других языков; а также с новыми сторонами и признаками в одном и том же предмете или явлении, которые раскрывает человеческое мышление, и в результате чего данный предмет или явление может быть названо вторично.

ЛИТЕРАТУРА

Источники

Литература на русском языке

1. *Гаркави, А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII века да конца X века / А.Я. Гаркави. – СПб., 1870.
2. *Измайлов, И.Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. / И.Л. Измайлов. – Магадан – Казань, 1997. – 212 с.
3. *Измайлов, И.Л.* Вооружение Казанского ханства (XV – XVI вв.) / И.Л. Измайлов // Заказанье: проблемы истории и культуры. – Казань: Заман, 1995.
4. *Измайлов, И.Л.* Защитники «Стены Искандера» / И.Л. Измайлов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
5. *Исхаков, Д.М.* Введение в историю казанского ханства. Очерки. / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2005. – 116 с.
6. Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии; сборник статей / отв. ред. А.Х. Халиков. – Казань, 1985. – 128 с.

Литература на татарском языке

7. *Ахунов, А.М.* Сугыш кораллары / А.М. Ахунов // Идел. – 2009. – № 5. – Б. 56.
8. *Әбелгазый Баһадир хан.* Шәжәрәи төрек / Әбелгазый Баһадир хан; кереш мәк. авт. М. Әхмәтжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. – 271 б.
9. Әдәби мирас (икенче китап). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. – 208 б.
10. *Әхмәтжанов, М.И.* Мирас истәлекләре / М.И. Әхмәтжанов – Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты, 2008. – 160 б.

11. *Бәйрәмова, Ф.* Күчем хан: тарихи роман / Ф. Бәйрәмова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. – 288 б.
12. *Галимжан, А.* Сызгыра торган уклар / А. Галимжан // Идел. – 1997. – № 2. – Б. 26.
13. *Гобәйдуллин, А.* Алтын Урда чорында болгарларда саклану корылмалары / А.Гобәйдуллин // Мирас. 1993. – № 10. – Б. 85.
14. *Зөлкарнәй, Ф.* Татарның онытылган борынгы сүзләре / Ф. Зөлкарнәй // Идел. – 1996. – № 11. – Б. 54.
15. Идегәй: татар халык дастаны. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 254 б.
16. *Измайлов, И.Л.* Алтын Урда сугыш сәнгате / И.Л. Измайлов // Мирас. – 1993. – № 8. – Б. 113.
17. *Измайлов, И.Л.* Казан ханлыгы флоты / И.Л. Измайлов // Мирас. – 1994. – № 9. – Б. 97.
18. *Измайлов, И.Л.* Казан ханлыгының сугыш сәнгате / И.Л. Измайлов // Мирас. – 1993. – № 10. – Б. 59.
19. *Исламов, Р.Ф.* Хәрби әсбаплар / Р.Ф. Исламов // Татарстан. – 1997. – № 4. – Б. 49.
20. *Кол Гали* Йосыф кыйссасы / Кол Гали; төз. Н.Ш. Хисамов. – Казан: Дом печати, 2008. – 604 б.
21. *Кол Шәриф.* Зафәрнамә-и вилаяте Казан / Кол Шәриф // Кол Шәриф һәм аның заманы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 192 б.
22. *Котб.* Хәсрәү вә Ширин (шигъри роман) / Котб. – Казан: Мәгариф, 2003. – 367 б.
23. *Мәржани, Ш.Б.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан вә Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр) / Ш. Мәржани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 415 б.
24. *Насыри, К.* Сайланма әсәрләр: 4 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006.

25. Татар эпосы. Дастаннар. / төзүче, кереш сүз һәм искәрмәләр язучы, сүзлекне эзерләүче Ф.В. Әхмәтова-Урманче. – Казан: Фәннур, 2004. – 640 б.

26. *Тимергалин, А.К.* Сугыш аләтләре / А.К. Тимергалин // Фән һәм тел. – 2002. – № 4. – Б. 12.

27. *Урманче, Ф.И.* Татар мифологиясе: энциклопедик сүзлек: 3 томда / Ф. Урманче. – Казан: Мәгариф, 2008. – 1 т. (А–Г). – 303 б.

28. *Фәттаһ, Н.* Сызгыра торган уklar: тарихи роман. Беренче, икенче китаплар / Н. Фәттаһ. – Икенче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991. – 748 б.

29. *Фәхретдинов, Р.С.* Болгар вә Казан төрекләре / Р.С. Фәхретдинов. – Казан: Татар. кит нәшр., 1993. – 287 б.

30. *Хәбибуллин, М.* Сөембикә ханбикә һәм Иван Грозный: тарихи роман / М. Хәбибуллин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1996. – 512 б.

31. *Хисамова, Ф.М.* XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре / Ф.М. Хисамова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. – 164 б.

Словари и энциклопедии

32. *Абаев, В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–4. М.; Л., 1958–1989.

33. *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 608 с.

34. *Ахметьянов, Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

35. *Әхмәтъянов, Р.Г.* Татар теленә кыскача тарихи-этимологик сүзлегә / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

36. *Әхмәтъянов, Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: в 4 т. / Р.Г. Әхмәтъянов. – Бөрә: Бөрә дәүләт пед. ин-ты, 2005. – Т. 1 (А–Й). – 233 б.

37. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – 1888 с.

38. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: АСТ; Астрель, 2004. – 1268 с.

39. *Будагов, Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: в 2 т. / Л.З. Будагов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869–1871.

40. *Вәлиди, Ж.Ж.* Татар теленең тулы сүзлеге. 1–2 кисәк / Ж.Ж. Вәлиди. – Казан: Татар Халык Мәгариф Комиссариаты Гыйльми үзәге басмасы, 1927. – 830 б.

41. *Гаджиева, Н.З.* Тюркские языки / Н.З. Гаджиева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

42. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / төз.: К.З. Хәмзин, М.И. Мәхмүтов, Г.Ш. Сәйфуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – 853 б.

43. *Губайдуллин, А.М.* Фортификационный словарь / А.М. Губайдуллин. – Казань: Институт истории АН РТ, 2006. – 144 с.

44. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 1–4.

45. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

46. *Егоров, В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка / В.Г. Егоров. – Чебоксары: Чуваш. книж. изд-во, 1964. – 355 с.

47. *Исәнбәт, Н.* Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда / Н. Исәнбәт. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989–1990.

48. *Исәнбәт, Н.* Татар халык мәкальләре: 3 томда / Н. Исәнбәт. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1959–1967.

49. Казахско-русский словарь / под ред. Р.Г. Сыздыковой., КШ. Хусаин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.

50. Калмыцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.

51. Карачаево-балкарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 832 с.

52. *Кашгарий, М.* Девону луготит турк / М. Кашгарий. – Ташкент, 1963. – Т. 1–3.

53. Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, – 1965. – 973 с.

54. Китāб ат-тухфа аз-закийа фи-л-луга ат-туркийа (Изысканный дар тюркскому языку (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке)). – Ташкент: Фан, 1978. – 452 с.

55. Краткий русско-татарский словарь военных терминов (толмач). – М.: Искра революции, 1926. – 180 с.

56. Кумыкско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, – 1969. – 408 с.

57. *Лыткин, В.И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

58. *Махмутов, М.И.* Арабско-татарско-русский словарь заимствований: в 2 т. / М.И. Махмутов, К.З. Хамзин, Г.Ш. Сайфуллин. – Казань: Иман, 1993.

59. *Махмутова, Л.Т.* Татарский язык в его отношении к древне письменному памятнику «Codex Cumanicus» по данным лексики / Л.Т. Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1982.

60. Миллият сүзлеге: аңлатмалы сүзлек / А.К. Тимергалин. – Казан: Мәгариф, 2007. – 575 б.

61. *Мурзаев, Э.М.* Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

62. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. / В.В. Радлов. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1911.

63. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова – Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

64. Русско-алтайский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1963. – 876 с.

65. Русско-бурятско-монгольский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. – 750 с.

66. Русско-калмыцкий словарь – М.: Сов. энциклопедия, 1964. – 803 с.

67. Русско-каракалпакский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 1124 с.

68. Русско-карачаево-балкарский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. – 744 с.

69. Русско-киргизский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 990 с.

70. Русско-кумыкский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 1148 с.

71. Русско-монгольский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960. – 780 с.

72. Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. – М.: Инсан, 1997. – 720 с.

73. Русско-татарский словарь военных терминов / авт.-сост. Р.А. Мугинов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000. – 151 с.

74. Русско-татарский толковый словарь исторических терминов / авт.-сост. Р.Ф. Галлямов. – Казань: Магариф, 2006. – 224 с.

75. Русско-турецкий словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 1028 с.

76. Русско-хакасский словарь. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 968 с.

77. Русско-чувацкий словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1971. – 893 с.

78. *Саттар-Муллиле, Г.* Татар исемнәре ни сөйли? / Г. Саттар-Муллиле. – Казан: Раннур, 1998. – 488 б.

79. *Севортян, Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «Ж», «Ж», «Й» / Э.В. Севортян, Л.С. Левитская; отв. ред. Л.С. Левитская. – М.: Наука, 1989. – 293 с.

80. *Севортян, Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву "Б" / Э.В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1978. – 349 с.

81. *Севортян, Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "В", "Г" и "Д" / Э.В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания; ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1980. – 395 с.

82. *Севортян, Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э.В. Севортян; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1974. – 768 с.

83. *Сәлимов, Х.Х.* Тел гыйлеме терминнары сүзлеге / Х.Х. Сәлимов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. – 143 б.

84. Словарь иностранных слов: свыше 21000 слов / отв. ред. В.В. Бурцева, Н.М. Семенова. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 817[15] с.

85. Словарь марийского языка. Т. 4: М – Ö (ма – öрчыктарымаш) / А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев и др.; гл. ред. И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1998. – 384 с.

86. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. – Л.: Наука, 1975–1977.

87. *Тараканов, И.В.* Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка / И.В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – 40 с.

88. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. – Казан: Матбугат йорты, 2005. – 848 б.

89. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977-1981.

90. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыйкова, һ.б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

91. Татар энциклопедия сүзлеге / баш мөхәррир М.Х. Хәсәнев; жаваплы мөхәррир Г.С. Сабиржанов. – Казан: ТР ФА Татар энциклопедиясе институты, 2002. – 830 б.

92. *Татаринцев, Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. 1. (А, Б). – 341 с.

93. *Татаринцев, Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка / Б.И. Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 2. (Д, Ё, И, Й). – 388 с.

94. Татарско-русский словарь: в 2 т. – Казань: Магариф, 2007.

95. Татарча-русча сүзлек / төз.: Р. Газизов, Н. Исәнбәт, Г. Ишмөхәммәтов. – Казан: Татгосиздат, 1950. – 339 б.

96. Толковый словарь русского языка / сост.: С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.

97. Турецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1977. – 966 с.

98. Уйгурско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1968. – 828 с.

99. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Астрель; АСТ, 2003.

100. *Федотов, М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / М.Р. Федотов. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

101. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сӧстӱк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

102. *Ханбикова, Ш.С.* Синонимнар сүзлеге / Ш.С. Ханбикова, Ф.С. Сафиуллина. – Казан: Хәтер, 1999. – 256 б.

103. Чувашско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.

104. *Шипова, Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.

105. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Қ" / авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 2000. – 262 с.

106. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «Қ» / отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Рус. культ., 1997. – Вып. 1. – 368 с.

107. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К» / отв. ред. Г.Ф. Благова. – М.: Индрик, 2000. – Вып. 2 – 265 с.

108. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "К", "Қ" / авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 1997.

109. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.

110. *Ягафарова, Г.Н.* Башкирско-русский словарь военной лексики / Г.Н. Ягафарова. – Уфа: Гилем, 2007. – 152 с.

111. Якутско-русский словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – 606 с.

112. *Құрышжанов, А.Қ.* Куманша-қазақша жиілік сөздік / *А.Қ. Құрышжанов, А.Қ. Жұбанов, А.Б. Белботаев.* – Алматы: Ғылым, 1978. – 278 с.

113. Türkçe sözlük. I–II c. – Ankara: Türk tarih kurumu basımevi, 1988. – 1679 s.

114. Türkçe-Uygurçe lügat. – Milletler neşriyatı, 1989. – 1056 s.

115. *Yeğin, A.* Osmanlıca-türkçe islamî-ilmî-edebî-felsefî yeni lügat / *A. Yeğin.* – İstanbul: Hizmet vakfı yayınları, 1991. – 800 s.

Литература на русском языке

116. *Абдуллин, И.А.* Описание первых произведений большевистской печати на татарском языке периода революции 1905–1907 годов / *И.А. Абдуллин.* – Казань, Таткнигоздат., 1986. – 220 с.

117. *Авдусин, Д.А.* Археология СССР / *Д.А. Авдусин.* – М., 1967.

118. *Алеева, Г.У.* Общественно-политическая лексика татарского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 260 с.

119. *Атаманов, М.Г.* Этногенез удмуртов: роль лингвистики в решении этногенетических проблем / *М.Г. Атаманов* // Ежегодник финно-угорских исследований / науч. ред. Н.И. Леонов. – Ижевск: Удмуртский университет, 2011. – Вып. 1. – С. 27–61.

120. *Ахметьянов, Р.Г.* Древние тюрко-монгольские военно-феодальные термины в татарской свадебной терминологии / *Р.Г. Ахметьянов* // Советская тюркология. – 1977. – № 4. – С. 96–102.

121. *Ахунзянов, Э.М.* Русские заимствования в татарском языке / *Э.М. Ахунзянов.* – Казань: Изд-во КГУ, 1968.

122. *Багаутдинова, Г.Н.* Традиционная военная лексика башкирского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Багаутдинова. – Уфа, 2001.

123. *Багышов, Д.Г.* Военная терминология азербайджанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.Г. Багышов. – Баку, 1990.

124. *Байжанов, Т.Б.* Военная лексика в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Б. Байжанов. – Алма-Ата, 1973.

125. *Баскаков, Н.А.* К проблеме китайских заимствований в тюркских языках / Н.А. Баскаков // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday.* – İstanbul, 1987.

126. *Баскаков, Н.А.* Состав лексики каракалпакского языка / Н.А. Баскаков // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* – М., 1962. – Т. IV. Лексика.

127. *Бейбутова, Р.А.* Стратификация киргизской военной лексики досоветского периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Бейбутова. – М., 1988.

128. *Бяतिकова, О.Н.* Лексика рыбаловства в татарском литературном языке / О.Н. Бяतिकова. – Казань, 2005. – 160 с.

129. *Владимирцов, Б.Я.* Общественный строй монголов / Б.Я. Владимирцов. – Л., 1934.

130. *Галиева, Э.А.* Экологическая лексика в современном татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Галиева. – Казань, 2005.

131. *Гараджаев, Ч.* Военная лексика в туркменском языке: дис. ... канд. филол. наук / Ч. Гараджаев. – Ашхабад, 1978.

132. *Гарипова, Ф.Г.* Татарская гидронимия / Ф.Г. Гарипова. – Казань: 1998. – 572 с.

133. *Гаффарова, Ф.Ф.* Общеалтайская реконструкция татарской земледельческой лексики / Ф.Ф. Гаффарова // *Сравнительно-исторические исследования системы лексико-*

тематических групп татарского языка / Ф.Ф. Гаффарова, И.С. Насыпов, Д.Б. Рамазанова; науч. ред. М.З. Закиев – Уфа: Гилем, 2007. С. 58–129.

134. *Горбачевич, К.С.* Вариативность слова и языковая норма (на материале современного русского языка) / К.С. Горбачевич. – Л.: Наука, 1978. – 238 с.

135. *Гордлевский, В.А.* Избранные сочинения: в 2 т. / В.А. Гордлевский. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – Т. 1. – 552 с.

136. *Дадабаев, Х.А.* Военная лексика в староузбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.А. Дадабаев. – Ташкент, 1981.

137. *Дегтярев, Г.А.* Чувашская народная агроботаническая терминология / Г.А. Дегтярев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – 140 с.

138. *Закиев, М.З.* Татары: проблемы истории языка / М.З. Закиев. – Казань, 1995. – 438 с.

139. *Зиатдинова, Г.И.* Концепт «Сугыш (Война)» в татарской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.И. Зиатдинова. – Казань, 2009.

140. *Зинина, А.С.* Разновидности архаизмов в татарской лексике / А.С. Зинина // Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки – Казань, 1991. – С. 77–82.

141. *Зиязетдинова, Г.Д.* Лексика пчеловодства татарского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Д. Зиязетдинова. – Казань, 2003.

142. *Ишбердин, Э.Ф.* История развития лексики башкирского языка / Э.Ф. Ишбердин – М.: Наука, 1986. – 152 с.

143. *Каракаев, Ю.И.* Устаревшая лексика ногайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.И. Каракаев. – Казань, 1999.

144. *Кодухов, В.И.* Словообразовательный ярус и словообразовательная модель / В.И. Кодухов // Актуальные

проблемы русского словообразования: тез. докл. и крат. сообщ. III Респ. науч. конф. – Ташкент, 1978. – С. 44–47.

145. *Кочеваткин, А.* Военная лексика в мордовских языках / А. Кочеваткин // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: IV часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 395–399.

146. *Кронгауз, М.А.* Семантика: учеб. для вузов / М.А. Кронгауз. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399 с.

147. *Лосева-Бахтиярова, Т.В.* Военная лексика тюркских языков (названия вооружения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Лосева-Бахтиярова. – М., 2005.

148. *Максимов, Н.В.* Роль калькирования в развитии лексики современного татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Максимов. – Казань, 1990.

149. *Маннапова, А.Х.* Язык татарской деловой письменности XVII века (история и традиции): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Х. Маннапова. – Казань, 1982.

150. *Мухтарова, Г.М.* Энтомологическая лексика в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.М. Мухтарова. – Казань, 2009.

151. *Нурмухаметова, Р.С.* Первый татарский словарь военных терминов / Р.С. Нурмухаметова // Язык и этнос: материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов – преподавателей вузов РФ, – Казань: Школа, 2002. – С. 218–220.

152. *Откупщиков, Ю.В.* Этимологические исследования по русскому языку / Ю.В.Откупщиков, – М., 1969.

153. *Рассадин, В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка / В.И. Рассадин. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 252 с.

154. *Рахимова, А.Р.* Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и

хозяйственной лексики) / А.Р. Рахимова. – Казань: Мастер Лайн, 2001. – 128 с.

155. *Рахимова, Р.К.* Лексика и словарь татарского ювелирного дела / Р.К. Рахимова. – Казань: Фикер, 2002. – 192 с.

156. *Саберова, Г.Г.* Названия растений в татарском литературном языке / Г.Г. Саберова. – Казань, 1996. – 130 с.

157. *Садыкова, З.Р.* Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке / З.Р. Садыкова. – Казань: Печатный Двор, 2003. – 212 с.

158. *Сафина, Э.И.* Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование / Э.И. Сафина. – Казань: Дом печати, 2006. – 160 с.

159. Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. – 3-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2002. – 560 с.

160. Сравнительно историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / Э.Р. Тенишев, Л.С. Левитская, Л.А. Покровская и др.; отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.

161. *Тагирова, Ф.И.* Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка / Ф.И. Тагирова. – Казань, 2005. – 128 с.

162. Татарская грамматика. – Казань, 1995. – Т. 1. – 584 с.

163. *Тараканов, И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (теория и словарь) / И.В. Тараканов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

164. *Усманов, М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. / М.А. Усманов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 223 с.

165. *Файзрахманов, Г.А.* Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии / Г.А. Файзрахманов – Казань: Мастер Лайн, 2000 – 187 с.

166. *Фасеев, Ф.С.* Старотатарская деловая письменность XVIII века / Ф.С. Фасеев. – Казань, 1982. – 170 с.

167. *Хайрутдинова, Т.Х.* Народные названия растений в татарском языке / Т.Х. Хайрутдинова. – Казань: Фикер, 2004. – 224 с.

168. *Хакимзянов, Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.

169. *Шайхулов, А.Г.* Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики [синопис и таксономия когнитивной сферы «Природа (неживая и живая)»] / А.Г. Шайхулов. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 2000. – 490 с.

170. *Шамсутдинова, Р.Р.* Медицинская терминология в татарском языке / Р.Р. Шамсутдинова. – Казань: Регентъ, 2001. – 188 с.

171. *Шанский, И.М.* Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка / И.М. Шанский // Рус. яз. в школе. – 1954. – № 3.

172. *Щербак, А.М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков / А.М. Щербак. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.

173. *Юматова, М.К.* Экономическая терминология в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.К. Юматова. – Казань, 2007.

174. *Юналеева, Р.А.* Опыт исследования заимствований / Р.А. Юналеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 177 с.

175. *Юсупова, А.Ш.* Военная лексика в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. / А.Ш. Юсупова // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. – Казань: Казан гос. ун-т, 2006. – С. 274–277.

176. Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. – М.: Наука, 1997. – Т 1. – 432 с.

177. *Яковлев, Ю.А.* Пути развития и способы образования турецкой военной терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Яковлев. – М., 1969.

Литература на татарском языке

178. *Әмирхан, Р.* Иманга тугрылык / Р. Әмирхан. – Казан: Тат. кит. нәшр. – 1997. – 384 б.

179. *Әхмәтъянов, Р.Г.* Татар терминологиясенә тарихи чыганаclarы / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 174 б.

180. *Әхмәтъянов, Р.Г.* Алынмалар / Р.Г. Әхмәтъянов // Фән һәм тел. – 2004. – № 3–4.

181. *Әхмәтъянов, Р.Г.* Этимология / Р.Г. Әхмәтъянов // Фән һәм тел. – 2004. – № 1–2.

182. *Гайнанов, Р.Р.* XX йөз башы татар вакытлы матбугаты: библиографик күрсәткеч = Татарская периодическая печать начала XX века: библиографический указатель / Р.Р. Гайнанов, Р.Ф. Марданов, Ф.Н. Шакуров. – Казан: Милли китап, 2000. – 316 б.

183. *Гаффарова, Ф.Ф.* Татар телендә жир эшкәртү лексикасы / Ф.Ф. Гаффарова. – Казан: Матбугтат йорты., 2000. – 176 б.

184. *Жамалетдинова, Г.Ф.* Рун язуды истәлекләренә кайбер лексик үзгәрешләре / Г.Ф. Жамалетдинова // Творческие связи Казанской тюркской лингвистической школы: материалы междунауч. конференции, посвященной 80-летию Мирфатыха Закиева. – Казань, 2010. – С. 161–163.

185. *Сәгыйтова, А.М.* Татар телендә агач архитектурасы лексикасы / А.М. Сәгыйтова. – Казан: Фикер, 2004. – 160 б.

186. Татар грамматикасы. – М.: Инсан; Казан: Фикер, 1998. – Т. 1. – 512 б.

187. *Ханбикова, Ш.С.* Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр / Ш.С. Ханбикова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 208 б.

Литература на других языках

188. Doerfer, G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen / G. Doerfer. – Bd. I–IV, Wiesbaden, Franz Steiner Verlag, 1963 – 1975.

189. Ахметжанов, Қ.С. Жараған темір кигендер (батырлардың қару-жарағы, әскери өнері, салт-дәстүрлері) / Қ.С. Ахметжанов. – Алматы: РГЖИ «Дәуір» АО «Томол», 1996. – 256 б.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БРЭ – Большая Российская Энциклопедия

ГТРАС – Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге

ДТС – Древнетюркский словарь

литер. – литературный

МК – Махмуд Кашгари «Диван люгат ат-тюрк»

МС – Миллият сүзлеге

РТС – Русско-татарский словарь

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика

тюркских языков

СС – Codex Cumanicus

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-

маньчжурских языков

ТРС – Татарско-русский словарь

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге

ТТКТЭС – Татар теленең кыскача тарихи этимологик

сүзлеге

ТТЭС – Татар теленең этимологик сүзлеге

ТЭС – Татарский энциклопедический словарь

ЭСТЯ – Этимологический словарь русского языка

М. Фасмера

Языки, диалекты и говоры

авар. – аварский

авест. – авестийский

аз. – азербайджанский

албан. – албанский

алт. – алтайский

араб. – арабский

астр. – астраханский говор

афг. – афганский

бар. – барабинский говор

башк. – башкирский

болг. – болгарский

босн. – боснийский

бур. – бурятский

венг. – венгерский

гаг. – гагаузский

герм. – германские

голл. – голландский

диал. – диалектный

др.-инд. – древнеиндийский

др.-перс. – древнеперсидский

др.-польск. – древнепольский

др.-рус. – древнерусский

др.-тюрк. – древнетюркский

др.-уйг. – древнеуйгурский

егип. – египетский

к.-калп. – каракалпакский

казах. – казахский

калм. – камыкский

кар.-балк. – карачаево-балкарский

караим. – караимский

кирг. – киргизский

кит. – китайский

кмшл. – камышлинский говор
койб. – койбальский
коми – коми
корейск. – корейский
кр.-тат. – крымско-татарский
кум. – кумандинский
кумык. – кумыкский
курд. – курдский
кыпч. – кыпчакский
леб. – лебединский
лезг. – лезгинский
литов. – литовский
латыш. – латышский
макед. – македонский
маньчж. – маньчжурский
мар. – марийский
мар.Г. – горный марийский
мар.Л. – луговой марийский
монг. – монгольский
морд. – мордовский
морд.М. – мокшанский
морд.Э. – эрзянский
н.-греч. – новогреческий
нан. – нанайский
нег. – негидальский
нем. – немецкий
ног. – ногайский
общетюрк. – общетюркский
орок. – орокский
ороч. – орочский
осм. – османский
п.-монг. – письменно-монгольский
перм. – пермский

перс. – персидский
польск. – польский
пратюрк. – пратюркский
румын. – румынский
рус. – русский
сев.-герм. – северогерманский
серб. – сербский
сербохорв. – сербохорватский
сол. – солонский
ст.-слав. – старославянские
суах. – язык суахили
тадж. – таджикский
тар. – таранчинский
тат. – татарский
тел. – телеутский
тоб. – тобольский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тунг. – тунгузский
тур. – турецкий
туркм. – туркменский
тюм. – тюменский говор
тюрк. – тюркский
тюркомонг. – тюркский и монгольский
уд. – удэйский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
урум. – урумский
фр. – французский
хак. – хакасский

хорв. – хорватский
чаг. – чагатайский
чеш. – чешский
чеш.-словац. – чешско-словацкий
чжур. – чжурчженский
чув. – чувашский
чулым. – чулымский
шор. – шорский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
ягноб. – ягнобский
як. – якутский
япон. – японский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Военная периодическая печать на татарском языке
в начале XX века

№	Названия газет и журналов	Год изд.	Всего номеров	Выпускающая организация
1	2	3	4	5
1.	Безнең газета «Хакыйкать» (Омск)	1919	6	Военная и общественная татарская газета. Орган управления военного имама при штабе Верховного главнокомандующего
2.	Безнең тавыш (Казань)	1917–1918	88	Известия Всероссийского мусульманского военного Шуро (Совета)
3.	Берләштергеч (?)	1917	в архивах сохр. 1 номер	Орган мусульманского комитета 6-ой Армии
4.	Гельсингфорс мөхбире (Гельсингфорс)	1917	в архивах сохр. 1 номер	Орган Гельсингфорского военного комитета
5.	Идел арты хәрби өлкәсе сәяси идарәсе хәбәрләре (Самара)	1920	2	–
6.	Идел-Урал өлкәсе (Казань)	1918	2	Орган Всероссийского Мусульманского военного Шуро
7.	Ирекле солдат (?)	1917	16	Орган мусульман 12-Армии

Продолжение приложения

1	2	3	4	5
8.	Кызыл Армия (Москва, Казань)	1918– 1921	428	Политическая, литературная и общественная газета, издающаяся Центральной мусульманской Военной коллегией
9.	Кызыл армеец (Самара)	1924– 1937	в архивах сохр. до 18 номера	Газета Политуправления Реввоенсовета СССР и Татарского ОК РКП(б)
10.	Кызыл Ашказар (Стерлитамак)	1919	2–3	Издание мусульманской секции при Стерлитамакском уездном военно- революциооном комитете
11.	Кызыл Идел (Самара)	1919	5	Орган политотдела при реввоенсовете южной группы войск Восточного фронта
12.	Кызыл йолдыз (Сызрань, Бузулук, Оренбург)	1919– 1920	в архивах сохр. до 84 номера	Орган политотдела I революционной армии Туркестанского фронта
13.	Кызыл көрәшче (Казань)	1919	в архивах сохр. до 28 номера	Еженедельный орган политотдела реввоенсовета 2- Армии Восточного фронта
14.	Кызыл солдат (Казань)	1919	в архивах сохр. 3 номер	Ежедневная кряшенская газета политуправления Реввоенсовета 2-ой Армии Восточного фронта

Продолжение приложения

1	2	3	4	5
15.	Кызыл сөңге (Астрахань)	1918	в архивах сохр. 2 номер	Орган Астраханского губернского мусульманского военного комиссариата
16.	Кызыл фронт атнасы (Казань)	1920	1	–
17.	Кызыл яу (Бугульма-Уфа- Челябинск...)	1918– 1919	101	Политическая, литературная и общественная татарская газета Восточного фронта, [штаба 5-ой Армии]
18.	Кызыл яу тавышы (Петроград)	1920– 1921	в архивах сохр. до 13 номера	Издается политотделом Петроградского военного округа для рабоче-крестьянских красноармейцев татар
19.	Оренбург мөселман хәрби комитетының мөхбире (Оренбург)	1918	31	–
20.	Өченче Армия мөселман солдатының тавышы (?)	1917	в архивах сохр. 1 номер	Орган комитета солдат-мусульман III- Армии
21.	Солдат тавышы (Царицын)	1917	в архивах сохр. 1 номер	Орган Царицынского мусульманского военного комитета
22.	Солдат теләге һәм Уфа мөселман Гаскәри Шурасының хәбәрләре (Уфа)	1917	13	Орган Уфимского мусульманского военного Шуро

Продолжение приложения

1	2	3	4	5
23.	Солдат ялкыны (Астрахань)	1917– 1918	27	Орган мусульманского военного комитета
24.	Сугыш сафы (Псков, Уфа)	1947– 1918	11	Орган исполкома мусульманских солдат армий Северного фронта
25.	Сугыш хэбэрлэре (Вятка)	1916– 1917	28	–
26.	Теләгебез (Казань)	1917	в архивах сохр. до 3 номера	Орган мусульманского комитета 4-Армии
27.	Хэбэрлэр (Уфа)	1918	в архивах не сохр. ни одного номера	Орган штаба батальона татаро- башкирских солдат левых эсеров
28.	Чыңгыз баласы (Казань)	1918	в архивах сохр. до 3 номера	Орган Казанского мусульманского военно-гарнизонного комитета
Журналы				
1.	Калкан (Казань)	1923– 1924	в архивах не сохр. ни одного номера	Орган объединенной татаро-башкирской командной школы
2.	Кызыл дәфтәр (Казань)	1921	1	Ежемесячный литературно- политический красноармейский журнал
3.	Кызыл курсант (Казань)	1920	в архивах не сохр. ни одного номера	Орган мусульманских командных курсов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ	7
1.1. Исследование военной лексики в тюркологии.....	7
1.2. Изучение военной лексики в татарском языкознании	13
1.3. Словари как источник изучения военной лексики .	16
2. ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА.....	30
2.1. Алтайский пласт военной лексики	31
2.2. Тюрко-монгольские лексические параллели.....	49
2.3. Общетюркский пласт военной лексики.....	78
2.4. Заимствованная военная лексика татарского языка	89
2.4.1 Заимствования из китайского языка	91
2.4.2 Заимствования из персидского языка.....	98
2.4.3 Заимствования из арабского языка	103
2.4.4. Русские и западноевропейские заимствования	109
3. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	120
3.1. Разновидности устаревшей военной лексики в татарском языке	122
3.2. Военная лексика в научно-учебной и научно- популярной литературе.....	130
3.3. Традиционная военная лексика в художественной литературе	136
3.4. Устаревшая военная лексика во фразеологии...	141
3.5. Синонимия и вариативность военной лексики татарского языка	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
ЛИТЕРАТУРА.....	168
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	185
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	190

Научное издание

Серия «Библиотека журнала «Фэнни Татарстан»
5 книга

Сафаров Ринат Тагирович

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Л.Ш. Давлетшина*
Компьютерная верстка *Л.Ш. Давлетшиной*

Подписано в печать: 2015 г.
Формат 60x80 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная,
печать офсетная
Усл.-печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 300. Заказ К-3

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

Издательства Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20